

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 6
1 din 30.04.2009

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul Sănătății, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de Istorie, Stat și Drept al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 12 (264) 2013

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, prof. univ. (Constanța, România); A. Armeanic, doctor în drept, conf. univ.; V. Balmuș, doctor în drept; C. Bocancea, doctor în drept, prof. univ. (Iași, România); V. Bujor, doctor în drept, prof. univ.; A. Burian, doctor habilitat în drept; T. Capșa, doctor în drept; Gh. Costachi, doctor habilitat în drept, prof. univ.; I. Floander, doctor în drept (Constanța, România); M. Gheorghiuță, doctor habilitat în drept, prof. univ.; Gh. Gladchi, doctor habilitat în drept; V. Guțuleac, doctor în drept, prof. univ.; V. Florea, doctor în drept, prof. univ.; V. Moraru, doctor în drept, prof. univ.; V. Naumov, redactor-șef adjunct; V. Popa, doctor habilitat în drept, prof. univ.; V. Stratonov, doctor în drept, prof. univ. (Herson, Ucraina).

Adresa redacției:

Casa presei, et. 5 – 531; 515
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD - 2012,
Republica Moldova
Tel.: 233 790; mob. 067431762;
234 132 (contabilitatea)

E-mail: legea_zakon@mail.ru
Index: RM 77030

© Legea și viața

Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

SUMAR

Gh. COSTACHI, I. MURUIANU. Răspunderea constituțională a deputaților, miniștrilor și a altor subiecți de drept constituțional	4
I. IACUB, Al. VASILACHE. Restrângerea dreptului la viață.....	8
A. DOGA. Abordări conceptuale privind latura obiectivă a infracțiunii de reținere ilegală	11
M. MIGHEREA. Procesul contravențional: fazele procesului și conținutul lor.....	14
I. RĂILEANU. Aspecte evolutiv-conceptuale ale datoriei publice.....	18
E. BUGUȚA. Obiectul acțiunii civile în procesul penal.....	21
L. BUGA. Semnificația și corelația dintre principiile legislației penale și principiile dreptului penal.....	25
В. БИЛЯЕВ. Исторические этапы становления уголовно-розыскной службы Украины: выводы из цивилизационного подхода	30
А. ОДЕРИЙ. Расследование преступлений против окружающей среды: криминалистическая характеристика личности преступника.....	34
А. ЗАГОРОДНІЙ. Взаємодія суб'єктів нагляду при забезпеченні дотримання правил паспортно-реєстраційної системи	39
И. ЛЕОНЕНКО. Досудебное расследование при освобождении от уголовной ответственности на основаниях, предусмотренных особенной частью УК Украины.....	43
О. КОВАЛЁВА. Правовые и организационные основы использования научно-технических средств и методов в розыскной работе следователя	47
Е. МАРТОВИЦКАЯ. Отдельные аспекты обеспечения прав человека по уголовно-процессуальному законодательству Украины .	50
С. АБЛАМСКИЙ. Актуальные проблемы предоставления бесплатной правовой помощи и эффективность правовой помощи защитника при применении нового уголовного процессуального кодекса Украины	52
Lista publicațiilor în „Legea și viața” pentru anul 2013.....	56

RĂSPUNDEREA CONSTITUȚIONALĂ A DEPUTAȚILOR, MINIȘTRILOR ȘI A ALTOR SUBIECȚI DE DREPT CONSTITUȚIONAL

Gheorghe COSTACHI,

doctor habilitat în drept, profesor universitar, cercetător științific principal la Institutul de Cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei

Ion MURUIANU,

doctorand, judecător la Curtea de Apel Chișinău

RÉSUMÉ

Dans les dernières décennies, la question de la responsabilité constitutionnelle est devenue très populaire et a suscité un intérêt considérable et causer des études approfondies et multidimensionnelles. Connaissant cette institution juridique est pratiquement impossible sans élucidation des sujets qui sont tenus responsables constitutionnel.

Le but de l'article réside dans l'analyse et l'interprétation de la législation afin de déterminer si elle réglemente des mesures concrètes de la responsabilité constitutionnelle pour les députés, les ministres, les membres de la Cour constitutionnelle, les membres de la Commission électorale centrale, les partis politiques, ce qui permet de déterminer leur statut de sujets de la responsabilité constitutionnelle.

Mots-clés: la responsabilité constitutionnelle, sujets de la responsabilité constitutionnelle les députés, les ministres, les membres de la Cour Constitutionnelle, les membres de la Commission Électorale Centrale, les partis politiques.

REZUMAT

În ultimele decenii, problema răspunderii constituționale a devenit foarte populară și a suscitat un viu interes științific, fiind atestate ample și complexe studii în materie. Cunoașterea acestei instituții juridice este practic imposibilă fără clarificarea subiecților pasibili de această formă de răspundere juridică.

În prezentul articol științific autorii își propun să analizeze și să interpreteze legislația în vigoare în vederea determinării în cadrul acesteia a reglementării măsurilor concrete de răspundere constituțională pentru deputați, miniștri, membrii Curții Constituționale, membrii Comisiei Electorale Centrale, pentru partidele politice, prin aceasta conturându-se statutul lor de subiecți ai răspunderii constituționale.

Cuvinte-cheie: răspundere constituțională, subiecții răspunderii constituționale, deputați, miniștri, membrii Curții Constituționale, membrii Comisiei Electorale Centrale, partide politice.

Introducere. În ultimile trei decenii, instituția răspunderii constituționale a fost permanent în atenția cercetătorilor, mai ales ruși, urmărindu-se argumentarea existenței de sine stătătoare a acesteia și recunoașterii valorii juridice deosebite pentru protecția Constituției ca Lege Fundamentală și responsabilizarea autorităților statului. Sub aspect comparativ, în arealul științific autohton pot fi atestate doar unele manifestări de interes științific față de această problemă (din partea unui număr foarte mic de cercetători), fapt ce nu poate fi justificat mai ales în condițiile în care Republica Moldova depune eforturi considerabile pentru edificarea și consolidarea unui stat de drept.

Considerând instituția răspunderii constituționale ca fiind una indispensabilă pentru procesul de democratizare din societatea noastră, am inițiat un amplu studiu în materie, din care face parte și prezentul demers științific, în vederea dezvoltării teoriei răspunderii constituționale în cadrul doctrinei juridice naționale.

Scopul articolului rezidă în analiza și interpretarea legislației în vigoare în vederea determinării în cadrul acesteia a reglementării măsurilor concrete

de răspundere constituțională pentru deputați, miniștri, membrii Curții Constituționale, membrii Comisiei Electorale Centrale, pentru partidele politice, astfel fiind posibilă conturarea statutului acestora de subiecți ai răspunderii constituționale.

Metode și materiale aplicate. La realizarea studiului au fost aplicate următoarele metode de cercetare științifică: metoda analizei logice și metoda interpretării logice a normelor juridice. Suportul științific și normativ al cercetării este constituit din lucrările științifice ale cercetătorilor autohtoni și străini, Constituția Republicii Moldova și legislația națională în materie.

Discuții și rezultatele obținute. *Răspunderea constituțională a deputaților și a miniștrilor.* Ne-am propus să examinăm separat această categorie de subiecți ai răspunderii constituționale, deoarece atât deputații, cât și miniștrii, fiind subiecți individuali, dispun de un statut special în sistemul organelor de stat, statut care, în mare parte, determină atât formele răspunderii, cât și procedura de aplicare.

Răspunderea acestor subiecți este strâns legată de obligația respectării Constituției și a legilor, a drepturilor

și libertăților cetățenilor, a intereselor statului care, de altfel, și constituie obiectul delictelor constituționale comise de ei. În acest sens, V. A. Vinogradov menționează că aceste obligații sînt asumate în momentul depunerii jurămîntului la învestirea în funcție, iar încălcarea acestuia constituie un temei distinct pentru survenirea răspunderii constituționale [10, p. 194].

În viziunea aceluiași autor, deputații și miniștrii pot comite următoarele delictे constituționale: încălcarea Constituției, a legilor și a drepturilor și libertăților omului; neexecutarea obligațiilor funcționale sau executarea inadecvată a acestora; nerespectarea regimului incompatibilităților; abuzul de competențe și drepturi.

Referindu-se concret la situația deputaților, cercetătorul consideră că acestora li se pot aplica următoarele măsuri de răspundere constituțională [10, p. 212-214]:

- lipsirea de împuterniciri (revocarea sau retragerea mandatului);
- invalidarea alegerii deputatului;
- sancțiuni juridico-constituționale cu caracter procedural (avertismentul, înlăturarea temporară de la activitatea în parlament etc.);

- sancțiuni juridico-constituționale cu caracter financiar (lipsirea de remunerație).

În ceea ce ne privește, credem că este o abordare prea extensivă a subiectului și, în principiu, nu sîntem de acord cu atribuirea măsurilor de răspundere disciplinară la categoria sancțiunilor constituționale, deoarece prin aceasta se denaturează, într-o anumită măsură, însăși esența răspunderii constituționale.

În încercarea de a determina temeiurile în baza cărora poate surveni răspunderea constituțională a deputaților, vom face referință la dispozițiile Constituției [3], care în art. 70 stabilește:

„(1) Calitatea de deputat este incompatibilă cu exercitarea oricărei alte funcții retribuite, cu excepția activității didactice și științifice.

(3) Deputatul nu poate fi reținut, arestat, percheziționat, cu excepția cazurilor de infracțiune flagrantă, sau trimis în judecată fără încuviințarea Parlamentului, după ascultarea sa”.

Potrivit art. 3 și 4 din *Legea despre statutul deputatului în Parlament* [7], mandatul de deputat este incompatibil cu:

- a) funcția de Președinte al Republicii Moldova;
- b) funcția de membru al Guvernului;
- c) funcția de avocat parlamentar;
- d) exercitarea oricărei alte funcții remunerate, inclusiv a funcției acordate de un stat străin sau organizație internațională, cu excepția activității didactice și științifice desfășurate în afara programului stabilit de Regulamentul Parlamentului. Persoanele mandatate de Parlament cu misiuni temporare în organele centrale ale administrației de stat pot cumula exercitarea acestei misiuni cu mandatul de deputat pe o durată de cel mult 6 luni.

Respectiv, deputatul care se află în unul din cazurile de incompatibilitate enunțate va demisiona, în termen de 30 de zile de la data validării mandatului, din funcția incompatibilă cu mandatul de deputat. În cazul în care deputatul se află în unul din cazurile de incompatibilitate și nu a depus, în termenul menționat, cererea de demisie din funcția incompatibilă cu mandatul de deputat, după expirarea acestui termen este suspendat de drept din funcția incompatibilă (art. 5).

Din cele expuse putem trage concluzia că deputatul poate să-și piardă mandatul (ca sancțiune constituțio-

nală) în cazul nerespectării regimului incompatibilităților. Important este ca mecanismul de constatare a incompatibilității să fie eficient și aplicat potrivit legii (în acest sens prof. V. Popa afirmă că pentru Parlamentul Republicii Moldova este ceva obișnuit că unii deputați, pe perioada exercitării mandatului, să continue să-și administreze întreprinderile private [9, p. 99]).

Regulamentul Parlamentului [6¹] se referă detaliat la răspunderea disciplinară a deputaților (capitolul 11), precum și la procedura de ridicare a imunității parlamentare (capitolul 5) (care în literatura de specialitate este considerată a fi o sancțiune constituțională ce survine pentru un comportament incompatibil cu statutul înalt de deputat în Parlament [11, p. 7]). Potrivit art. 95 alin. (1) din Regulament, în cazul în care deputatul a comis o infracțiune sau o contravenție, Procurorul General poate cere Parlamentului ridicarea imunității acestuia, pentru a efectua măsuri procesuale de reținere, percheziționare, arestare sau trimitere în judecată.

În viziunea noastră, este neverosimil ca în R. Moldova unui deputat să i se ridice imunitatea pentru comiterea unei contravenții. Ba chiar și în cazul comiterii unei infracțiuni, este puțin probabil ca o asemenea măsură să intervină, din simplul motiv că în această sferă domină nu puterea juridicului, ci a politicului. Cu toate acestea, o asemenea reglementare totuși este necesară. Cu regret însă, Regulamentul Parlamentului nu oferă soluția ce urmează în cazul în care deputatul este totuși găsit vinovat de comiterea infracțiunii, stipulînd doar momentul că: în cazul încetării urmăririi penale sau a procedurii contravenționale, precum și al achitării definitive de către instanța judecătorească, cazul este considerat consumat și hotărîrea Parlamentului de ridicare a imunității își pierde valoarea juridică (art. 98 alin. (2)).

Cu toate acestea, ridicarea imunității poate fi considerată o sancțiune constituțională aplicată de către Parlament fie în cazurile de încălcare a regimului incompatibilităților, fie în caz de comitere a infracțiunilor sau a contravențiilor.

Un alt caz de răspundere constituțională a deputatului este reglementat de art. 62 din Constituție, care stabilește: „Curtea Constituțională, la propunerea Comisiei Electorale Centrale, hotărâște validarea mandatului de deputat

sau nevalidarea lui în cazul încălcării legislației electorale”. De aici putem deduce că în cazul în care deputatul a încălcat legislația electorală, fapt constat de către Comisie, el este sancționat cu invalidarea mandatului de către Curtea Constituțională, fapt ce înseamnă pierderea mandatului.

Din cele relatate, conchidem că, în principiu, legiuitorul evită a reglementa răspunderea constituțională a deputaților, cu toate că este posibil, deoarece sînt subiecți individuali care în activitatea lor pot să comită derogări de la normele juridice constituționale și, uneori, chiar abuzuri de drepturile constituționale.

În ceea ce privește răspunderea constituțională a miniștrilor, aceasta, de asemenea, trebuie privită în contextul statutului acestora, în special al incompatibilităților. În acest sens, sunt relevante prevederile art. 29 din *Legea cu privire la Guvern* [5], potrivit căreia ministrul nu este în drept:

- să dețină o oricare altă funcție în organele autorităților publice centrale sau locale;
- să se încadreze în organele de conducere ale unităților comerciale;
- să practice personal activitatea de întreprinzător sau prin terțe persoane;
- să dețină o altă funcție retribuită, cu excepția activității științifico-pedagogice.

Respectiv, în cazul în care ministrul încalcă aceste condiții, împuternicirile acestuia ca membru al Guvernului încetează.

Un alt temei îl regăsim în art. 27 alin. (8) al aceleiași legi, care stabilește: „În cazul în care unul din miniștri nu își exercită atribuțiile conform legislației, prim-ministrul este în drept să înainteze Președintelui Republicii Moldova propunere privitor la revocarea acestui ministru”. Prin esență, am putea aprecia o asemenea situație ca fiind răspundere constituțională, în baza faptului că este vorba de încălcarea legislației (inclusiv constituționale) și implică o procedură de aplicare specifică acestei forme de răspundere.

Privind în ansamblu problema cercetată, putem afirma că, în virtutea statutului lor deosebit, deputații și miniștrii trebuie recunoscuți ca subiecți ai răspunderii constituționale. Chiar dacă legiuitorul a prevăzut unele cazuri în care acestora li se pot aplica sancțiuni constituționale, le considerăm a fi insuficiente. În viziunea noastră, este necesară o accentuare pronunțată, inclusiv

la nivelul legii care le reglementează statutul, a răspunderii constituționale ce poate surveni în cazurile de încălcare a Constituției și a legislației constituționale (în acest sens, în calitate de sancțiuni eficiente pot fi considerate nu doar demiterea sau lipsirea de mandat, ci și interzicerea de a mai ocupa funcții publice pe o anumită perioadă de timp sau chiar pe viață, în funcție de delictul comis) și, în același timp, elaborarea unui mecanism eficient de aplicare a acestora.

Alături de șeful statului, parlament, guvern (deputații și miniștrii), subiecți ai răspunderii constituționale pot fi: judecătorii, membrii comisiilor electorale (ca subiecți individuali), autoritățile administrației publice locale și partidele politice (ca subiecți colectivi) etc.

În cele ce urmează, ne vom expune asupra răspunderii constituționale a unora dintre ei, dat fiind faptul că această răspundere este reglementată de legislația în vigoare.

Răspunderea membrilor Curții Constituționale. Chiar dacă legislația nemijlocit nu prevede o asemenea formă de răspundere, considerăm că avem destule temeuri pentru a o recunoaște ca fiind ca atare.

Astfel, potrivit art. 83 din Codul jurisdicției constituționale [2], judecătorii Curții poartă răspundere disciplinară pentru încălcarea culpabilă a prevederilor Legii cu privire la Curtea Constituțională și ale Codului jurisdicției constituționale. O primă constatare ce poate fi desprinsă din aceste prevederi este că judecătorii poartă răspundere juridică pentru încălcarea legislației constituționale.

În continuare, la alin. (6), se stabilește că Curtea Constituțională poate aplica judecătorilor, în funcție de gravitatea abaterii, următoarele sancțiuni disciplinare: avertisment; muștrare; ridicarea mandatului de judecător al Curții Constituționale. În viziunea noastră, este incorect ca pentru o abatere disciplinară (oricât de gravă ar fi ea) să survină ridicarea mandatului de judecător al Curții Constituționale, considerate a fi una dintre cele mai importante autorități într-un stat de drept. Aceasta deoarece, prin esență, abaterea disciplinară constituie o abatere de la actele normative de organizare interioară a unei instituții, o încălcare a unor raporturi de subordonare. Din acest punct de vedere, ar fi corect să se aplice doar avertismentul sau muștrarea.

Mai mult decât atât, potrivit art. 84 alin. (1) din Cod, urmărirea disciplinară a judecătorului Curții poate fi pornită numai în temeiul unei sisizări făcute în scris de autoritățile competente să numească judecători în Curtea Constituțională (adică de către Parlament, Președintele Republicii și Consiliul Superior al Magistraturii). Considerăm că implicarea acestor autorități accentuează o dată în plus statutul deosebit al judecătorilor Curții Constituționale, precum și procedura specială de tragere la răspundere constituțională a acestora.

În același timp, art. 19 din Legea cu privire la Curtea Constituțională [4] prevede că mandatul judecătorului Curții Constituționale încetează prin ridicarea imunității judecătorului în caz de:

- imposibilitate a exercitării funcției de judecător din motive de sănătate timp îndelungat și neîntrerupt (mai mult de 4 luni);
- încălcare a jurământului și a obligațiilor funcției;
- condamnare de către instanța judecătorească pentru săvârșirea unei infracțiuni;
- incompatibilitate.

Asupra ridicării imunității judecătorului și încetării exercitării funcției decide Curtea Constituțională.

După cum se poate observa, este ridicolă situația în care, de exemplu, pentru încălcarea jurământului și a atribuțiilor funcționale (care, prin esență, sînt de natură constituțională), să survină răspunderea disciplinară sub forma ridicării imunității. În viziunea noastră avem de a face cu o calificare juridică incorectă a faptelor și a situației în general.

Un ultim argument în favoarea recunoașterii cazului studiat ca fiind o răspundere constituțională îl regăsim în art. 5 lit. e) și f) din Codul jurisdicției constituționale, în care se stabilește în mod separat competența Curții în problema răspunderii disciplinare a judecătorilor acesteia și competența de a ridica mandatul judecătorului în cazurile prevăzute de art. 19 alin. (1) din Legea cu privire la Curtea Constituțională. În viziunea noastră, momentul dat relevă destul de clar distincția dintre răspunderea disciplinară și răspunderea materializată în ridicarea mandatului, pe care o considerăm a fi de natură juridico-constituțională. Susținînd corectitudinea unei asemenea reglementări, considerăm necesă

ră modificarea și a celorlalte prevederi pe care le-am menționat anterior.

Răspunderea constituțională a membrilor Comisiei Electorale Centrale. Ca și în cazul precedent, nu atestăm o expunere expresă a acestei forme de răspundere, însă considerăm că și de astă dată avem destule temeuri pentru a o recunoaște ca fiind de natură constituțională.

Astfel, potrivit art. 20 alin. (1) din Codul Electoral al Republicii Moldova [1], calitatea de membru al Comisiei Electorale Centrale încetează în caz de:

- expirare a mandatului;
- demisie;
- demitere;
- imposibilitate a exercitării atribuțiilor;
- deces.

În baza alin. (2) al aceluiași articol, membrul Comisiei Electorale Centrale este demis de către autoritatea care l-a desemnat în caz de:

- a) adoptare în privința lui a hotărîrii judecătorești definitive de condamnare pentru infracțiune săvîrșită;
- b) pierdere a cetățeniei Republicii Moldova;
- c) constatare, prin hotărîre judecătorească definitivă, a incapacității de exercițiu restrînse sau a incapacității de exercițiu;
- d) încălcare gravă a Constituției Republicii Moldova și a prezentului cod;

e) rămînere definitivă a actului de constatare prin care s-a stabilit emiterea/adoptarea de către acesta a unui act administrativ sau încheierea unui act juridic cu încălcarea dispozițiilor legale privind conflictul de interese;

f) aflare în incompatibilitate, fapt stabilit prin actul de constatare rămas definitiv.

În același timp, potrivit alin. (3), membrii Comisiei pot fi demisi și în cazul comiterii unor fapte incompatibile cu calitatea pe care o au.

În viziunea noastră, pierderea cetățeniei Republicii Moldova, încălcarea gravă a Constituției Republicii Moldova și a Codului Electoral și aflarea în incompatibilitate, fapt stabilit prin actul de constatare rămas definitiv, pot fi considerate ca temeuri pentru survenirea răspunderii constituționale, cu atât mai mult că aceasta intervine în cadrul unor raporturi juridice de natură constituțională, determinînd aplicarea unei sancțiuni specifice – demiterea.

Sub aspect procedural, este important alin. (4) al art. 20, care stabilește că materialele privind demiterea se înaintează Curții Supreme de Justiție de către organele care au desemnat persoanele respective în componența Comisiei Electorale Centrale (Parlamentul și Președintele Republicii Moldova), precum și de către membrii comisiei. În baza hotărârii Curții Supreme de Justiție cu privire la demiterea și/sau în cazul încetării, înainte de expirarea mandatului, a calității de membru al Comisiei Electorale Centrale, autoritatea respectivă, în termen de 10 zile, desemnează, iar Parlamentul confirmă un nou membru pentru durata neexpirată a mandatului predecesorului.

După cum se poate observa, instanța aplicării măsurilor de răspundere constituțională este una complexă, formată din autoritățile reprezentative supreme ale statului și din Curtea Supremă de Justiție. Prin urmare, considerăm că există suficiente motive pentru a califica cele enunțate ca fiind răspundere constituțională ce survine pentru comiterea unor delicturi constituționale și pentru care se aplică sancțiuni de aceeași natură.

Răspunderea constituțională a partidelor politice. Potrivit art. 22 alin. (1) din *Legea privind partidele politice* [8], partidul politic își încetează activitatea prin:

„... - dizolvarea prin hotărâre definitivă a Curții de Apel Chișinău, la cererea Ministerului Justiției;

- declararea neconstituționalității partidului prin hotărâre a Curții Constituționale”.

Sub aspect procedural, în alin. (2) se prevede că Ministerul Justiției va înainta Curții de Apel Chișinău o acțiune prin care va cere dizolvarea partidului politic, dacă există cel puțin unul din următoarele temeiuri:

a) partidul activează în baza statutului și programului său cu modificări și completări care nu au fost înregistrate în modul stabilit de lege;

b) pe parcursul unui an, care începe să curgă din data când a devenit definitivă hotărârea Curții de Apel Chișinău cu privire la limitarea activității partidului, acesta a comis acțiuni similare celor pentru care activitatea partidului a fost limitată;

d) activitatea partidului se desfășoară pe căi ori prin mijloace ilegale sau prin săvârșirea unor acte de violență;

e) partidul a fost declarat neconstituțional prin hotărâre a Curții Constituționale.

Hotărârea definitivă a Curții de Apel Chișinău cu privire la dizolvarea partidului politic se remite Ministerului Justiției, care va consemna în Registrul partidelor politice demararea procedurii de lichidare a acestuia. Pentru dizolvarea unui partid politic, Ministerul Justiției, în scopul executării hotărârii definitive a Curții de Apel Chișinău, va crea o comisie de lichidare a partidului. Existența unui partid politic încetează numai după finalizarea procedurii de lichidare și radierea partidului din Registrul partidelor politice.

În baza acestor prevederi legale, putem conchide că răspunderea constituțională a partidelor politice este destul de pronunțată. În schimb, considerăm necesar ca legislația să clarifice și așa situații în care pentru încălcările imputate partidului se dovedesc a fiinovate persoane fizice din cadrul acestuia. Deci, urmează să fie reglementate cazurile în care pentru actele ilegale comise să fie trase la răspundere nemijlocit persoanele fizice în baza vinovăției lor.

Concluzii. Referitor la răspunderea constituțională a deputaților și miniștrilor, putem conchide că, în virtutea statutului lor deosebit, aceștia trebuie recunoscuți ca subiecți ai răspunderii constituționale. Chiar dacă legiuitorul a prevăzut unele cazuri în care acestora li se pot aplica sancțiuni constituționale, le considerăm a fi insuficiente. În viziunea noastră, este necesară o accentuare pronunțată, inclusiv la nivelul legii care le reglementează statutul juridic, a răspunderii constituționale ce poate surveni în cazurile de încălcare a Constituției și a legislației constituționale, de admitere a abuzurilor de drept și, în același timp, elaborarea unui mecanism eficient de aplicare a acesteia. Ar fi bine-venit ca în calitate de sancțiuni să fie prevăzute atât posibilitatea demiterii, cât și posibilitatea interzicerii de a ocupa funcții publice.

Spre deosebire de subiecții enunțați, o situație diferită poate fi atestată în cazul unor așa autorități ca membrii Curții Constituționale și membrii Comisiei Electorale Centrale. În baza legislației în vigoare, tragem concluzia că, în ambele cazuri, instituția răspunderii constituționale este reglementată (dat fiind specificul temeiurilor, sanc-

țiunilor, instanțelor și al procedurii de aplicare), însă nu este concretizată expres ca fiind ca atare.

Referințe bibliografice

1. *Codul Electoral al Republicii Moldova*, nr. 1381 din 21.11.1993. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 81 din 18.12.1997.

2. *Codul jurisdicției constituționale*, nr. 502 din 16.06.1995. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 53-54 din 28.09.1995.

3. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29.07.1994, în vigoare din 27.08.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 12.08.1994, nr. 1 (cu modificări și completări pînă la 20 septembrie 2006).

4. *Legea cu privire la Curtea Constituțională*, nr. 317 din 13.12.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 07.02.1995, nr. 8.

5. *Legea cu privire la Guvern*, nr. 64-XII din 31.05.1990. Republicată în: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 26.09.2002, nr. 13.

6. *Legea despre adoptarea Regulamentului Parlamentului*, nr. 797 din 02.04.1996. Republicată în: Monitorul Oficial al Republicii Moldova 07.04.2007, nr. 50.

7. *Legea despre statutul deputatului în Parlament*, nr. 39 din 07.04.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 15.04.2005, nr. 59-61.

8. *Legea privind partidele politice*, nr. 294 din 21.12.2007. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 42-44 din 29.02.2008.

9. Popa V. *Drept parlamentar al Republicii Moldova: Monografie*. Chișinău: ULM, 1999, 232 p.

10. Виноградов В. А. *Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование*. Москва, 2000, 287 с.

11. Сергеев А. Л. *Конституционная ответственность в Российской Федерации (часть вторая)*. В: Конституционное и муниципальное право, 2003, № 1, с. 5-8.

RESTRÎNGEREA DREPTULUI LA VIAȚĂ

Irina IACUB,

doctor în drept, lector universitar, Institutul de Criminologie și Științe Penale

Alexandru VASILACHE,

magistru în drept

RÉSUMÉ

Le droit à la vie est le premier des droits individuels. Il occupe une place ontologique; de ce droit dépend l'existence des autres droits fondamentaux. Sa protection est envisagée tant au niveau conventionnel international et européen qu'au niveau du droit constitutionnel interne. Traditionnellement ce droit fondamental se résume au droit qu'a un individu de voir sa vie protégée contre toute atteinte.

Dans cet article nous allons étudier la question du restreindre du droit à la vie et surtout de donner une réponse à la question de savoir si le droit à la vie peut être restreint et d'identifier les cas spécifiques où la restriction est légalement permis.

Mots-clés: la vie, le droit à la vie, la restreindre du droit à la vie.

REZUMAT

Dreptul la viață este primul din categoria drepturilor individuale. De acest drept depinde existența altor drepturi fundamentale, el ocupând astfel un loc ontologic. Protecția sa este asigurată atât la nivel european și internațional, cât și la nivelul dreptului constituțional intern al statelor. În mod tradițional, acest drept fundamental poate fi rezumat la dreptul unui individ de a-și avea viața protejată împotriva oricărui atac.

În acest articol ne propunem să studiem problema restrîngerii dreptului la viață și, în special, să dăm răspuns la întrebarea dacă dreptul la viață poate fi restrîns și să identificăm cazurile concrete în care este permisă restrîngerea legală a acestuia.

Cuvinte-cheie: viață, dreptul la viață, restrîngerea dreptului la viață.

Introducere. Pînă în prezent, dreptul la viață a fost studiat destul de amplu și multispectual, dată fiind valoarea sa fundamentală pentru însăși existența omului, recunoscută și protejată la nivel internațional, european și național. Cu toate acestea, însă, multe aspecte ale acestuia fie nu sînt studiate suficient, fie cunosc diferite abordări, viziunile cercetătorilor fiind în multe privințe diferite. Unul dintre aceste aspecte, în viziunea noastră, este restrîngerea dreptului la viață. Opiniile savanților, în acest sens, sînt chiar diametral opuse: în timp ce unii recunosc și argumentează natura dreptului la viață de a fi un drept absolut și, respectiv, nefiind pasibil de restrîngere, alții susțin contrariul.

Scopul articolului. În prezentul demers științific ne propunem să realizăm un studiu asupra problematicii enunțate, pentru a clarifica cîteva aspecte importante, precum: *dacă acest drept este unul ce poate fi restrîns, care sînt situațiile în care se admite restrîngerea legală a acestuia și particularitățile garantării constituționale a dreptului la viață în Republica Moldova.*

Metode și materiale aplicate. În vederea atingerii scopului trasat, pentru realizarea studiului au fost aplicate diferite metode de cercetare științifică: metoda inductivă, cea deductivă, metoda comparativă, metoda interpretării logice a normelor de drept etc. În calitate de suport științific și normativ au servit publicațiile științifice ale cercetătorilor autohtoni, ruși și din spațiul comunitar, unele acte

internaționale în materia drepturilor omului, precum și legislația națională, în special Constituția Republicii Moldova.

Discuții și rezultate obținute. Referitor la întrebările: *dacă dreptul la viață este sau nu un drept absolut, poate fi restrîns sau nu*, precizăm că este general acceptat și oficial recunoscut faptul că dreptul la viață este un drept natural al omului, cu care acesta este înzestrat de la naștere. Statul protejează acest drept sub cea mai rigidă formă, interzicînd înstrăinarea, cedarea, privarea sau restricționarea lui [1].

Unii cercetători consideră că dreptul la viață nu poate fi restrîns, deoarece este un drept absolut. În acest sens, A. A. Ușamirski menționează că restrîngerea dreptului la viață prin aplicarea pedepsei capitale nu este prin esența sa o restrîngere, dar presupune lipsirea de acest drept [19, p. 81].

De aceeași părere sînt și alți cercetători ruși, care consideră că orice „restrîngere” a dreptului la viață este identică cu lipsirea de acest drept, altfel spus, este imposibil de a restrînge dreptul la viață, dar pot fi prevăzute situații concrete în care persoana poate, în condiții legale, să fie lipsită de viață [16, p. 135].

Desigur, există și un alt punct de vedere. După părerea lui G. I. Koni, realizarea dreptului la viață, ca și realizarea altor drepturi, nu este absolută, fiind posibilă lipsirea legală de viață în temeiurile prevăzute de lege, de exemplu, la executarea pedepsei capitale [17, p. 86].

Expunîndu-se asupra acestor viziuni, cercetătoarea N. A. Belobraghina menționează că ideea comună a acestora constă în recunoașterea posibilității lipsirii legale de viață a persoanei. Doar că, în primul caz, posibilitatea dată nu constituie o barieră pentru recunoașterea dreptului la viață ca avînd un caracter absolut, iar în cel de al doilea caz – constituie [13, p. 24].

O analiză similară o face și A. V. Balașov, care grupează cercetătorii care s-au expus asupra problemei în trei categorii [12, p. 8-9]:

- cei care consideră dreptul la viață a fi un drept absolut ce nu poate fi restrîns (de exemplu, G. B. Romanovski în viziunea căruia dreptul la viață este o valoare absolută, nu poate fi restrîns în nici un fel de circumstanțe, inclusiv în situații extreme [18, p. 12]);

- cei care consideră dreptul la viață ca fiind un drept natural și inalienabil, cu excepția cazurilor exprese prevăzute de lege;

- cei care susțin că dreptul la viață este un drept alienabil.

Dat fiind faptul că reglementările juridice internaționale prevăd anumite temeuri în baza cărora se admite intervenția statului și restrîngerea dreptului la viață al persoanelor în scopul protecției drepturilor altor persoane, autorul citat consideră că în prezent nu se poate susține că dreptul la viață este unul absolut, absolută în acest sens fiind doar viața [12, p. 12]. Cu toate acestea, incontestabil, dreptul la viață rămîne a fi un drept fundamental, universal și inalienabil [7, p. 58].

Susținând o asemenea poziție, precizăm că într-adevăr doar viața este absolută, în timp ce dreptul la viață, fiind o reflectare a acestei valori în dreptul pozitiv, ca și majoritatea drepturilor (existând și unele excepții), este pasibil de restrângere (uneori nuanțată de la o societate la alta). La rîndul său, restrîngerea, după cum precizează cercetătoarea L. I. Gluhareva, presupune, pe de o parte, stabilirea limitelor conținutului juridic al dreptului, iar pe de altă parte – micșorarea volumului unui drept stabilit de lege. Important e că restrîngerea poate fi atât pozitivă (în interes general), cât și negativă (cu încălcarea dreptului persoanei) [15, p. 90-91].

Desigur, vorbind despre restrîngerea dreptului la viață, trebuie conștientizat faptul că în acest caz, în sens îngust, restrîngerea este echivalentă cu lipsirea de viață, decesul persoanei condiționînd pierderea dreptului în cauză. În viziunea noastră negarea posibilității restrîngerii acestui drept nu denotă, însă, faptul că acesta nu poate fi restrîns în general, deoarece în cazul dat restrîngerea trebuie înțeleasă ca o posibilitate de încălcare legală a acestui drept.

În contextul unei interpretări exegetice, Curtea Constituțională a Republicii Moldova a statuat că, fiind cel dintîi și cel mai firesc drept al ființei umane, în accepțiunea sa fizică, dreptul la viață, garantat de art. 24 din Constituția Republicii Moldova, presupune că nimeni nu poate fi privat de viață în mod arbitrar [1]. Astfel, putem trage concluzia că totuși este posibilă lipsirea de viață în condiții legale, fapt ce în viziunea noastră exclude caracterul absolut al dreptului la viață (idee susținută și în doctrina juridică europeană [11; 2]).

Este un moment ce poate fi atestat și în cele mai importante documente internaționale în materia drepturilor omului. În acest sens, art. 2 din Convenția Europeană pentru apărarea drepturilor și libertăților fundamentale ale omului [6] garantează dreptul la viață al oricărei persoane și definește circumstanțele în care agenții statului pot recurge în mod legitim la forța letală:

„1. *Dreptul la viață al oricărei persoane este protejat prin lege. Moartea nu poate fi cauzată cuiva în mod intenționat, decît în executarea unei sentințe capitale pronunțate de un tribunal cînd infracțiunea este sancționată cu această pedeapsă prin lege.*

2. Moartea nu este considerată ca fiind cauzată prin încălcarea acestui articol în cazurile în care aceasta ar rezulta dintr-o recurgere absolut necesară la forță:

a. pentru a asigura apărarea oricărei persoane împotriva violenței ilegale;

b. pentru a efectua o arestare legală sau a împiedica evadarea unei persoane legal deținute;

c. pentru a reprima, conform legii, tulburări violente sau o insurecție.”

Acest articol se plasează printre articolele primordiale ale Convenției și nu admite nicio derogare. Împreună cu art. 3 el consacră una dintre valorile fundamentale ale societăților democratice care fac parte din Consiliul European. Jurisprudența constantă a CEDO a afirmat că, fără protejarea acestui drept, exercitarea oricăror alte drepturi sau libertăți garantate de Convenția europeană ar fi iluzorie [10, p. 8].

În context, precizăm că Convenția a fost redactată într-o perioadă în care o mare parte din statele fondatoare ale Consiliului European reglementau pedeapsa capitală. În prezent, art. 2 trebuie analizat din perspectiva Protocolului adițional nr. 6 la Convenția europeană prin care pedeapsa cu moartea a fost abolită. Acest Protocol adițional este actualmente în vigoare, fiind ratificat de toate statele-membre ale Consiliului European, cu excepția Federației Ruse.

În ceea ce privește legislația internă, în special Legea Supremă, în cuprinsul acesteia sînt reglementate atît dreptul la viață, cît și instituția restrîngerii exercitării unor drepturi. O problemă importantă ce poate fi constatată este contradicția dintre normele constituționale și legislația în vigoare.

Astfel, în art. 24 din Constituția Republicii Moldova este stipulat [5]:

„(1) Statul garantează fiecărui om dreptul la viață ...

„(3) Pedeapsa cu moartea este abolită. Nimeni nu poate fi condamnat la o asemenea pedeapsă și nici executat”.

Din cîte se poate observa, pe lîngă faptul că dreptul la viață este consacrat constituțional într-o formulă greșită, unica garanție pe care o oferă statul este abolirea pedepsei cu moartea. Relevante în acest context sînt reflecțiile cercetătoarei N. A. Belobraghina, care consideră pe bună dreptate că termenul „dreptul la viață” necesită unele corectări. El nu poate fi interpretat în sens direct, deoarece, pe de o parte, viața ca valoare apare independent de voința cuiva, inclusiv și a statului, iar pe de altă parte, statul nu poate să garanteze nimănui nemurirea. Astfel, prin însăși nașterea sa omul își realizează dreptul la viață. De aceea, autorul citat accentuează că în dreptul constituțional e necesară consacrarea sintagmei „dreptul la protecția vieții”, fie „dreptul la

apărarea vieții” [14, p. 6], și respectiv, obligația corelativă a statului.

Potrivit prof. Gh. Costachi, protecția unei asemenea valori cum este viața omului în cadrul unui stat de drept nu se poate baza doar pe obligația negativă a statului de a nu aplica pedeapsa cu moartea față de infractori. Pentru păstrarea unei asemenea valori supreme, sînt indispensabile obligațiile pozitive ale statului de a garanta și a asigura protecția și apărarea eficientă a dreptului la viață. Prin urmare, consacrarea dreptului la viață în Constituție nu presupune doar o constatare a acestui fenomen, dar și anumite obligații ale statului ce țin de adoptarea unor norme juridice corespunzătoare și elaborarea unor mecanisme eficiente de aplicare a acestora. Aceste principii trebuie să garanteze substanțial protecția și apărarea vieții fiecărui om [7, p. 62-63].

Un alt articol din Constituție, care ne interesează în contextul problematicii analizate, este art. 54, în care este stabilit:

„(2) Exercițiul drepturilor și libertăților nu poate fi supus altor restrîngeri decît celor prevăzute de lege, care corespund normelor unanim recunoscute ale dreptului internațional și sînt necesare în interesele securității naționale, integrității teritoriale, bunăstării economice a țării, ordinii publice, în scopul prevenirii tulburărilor în masă și infracțiunilor, protejării drepturilor, libertăților și demnității altor persoane, împiedicării divulgării informațiilor confidențiale sau garantării autorității și imparțialității justiției.

(3) Prevederile alineatului (2) nu admit restrîngerea drepturilor proclamate în articolele 20-24”.

Concluzia ce poate fi dedusă din aceste dispoziții constituționale este că dreptul la viață (împreună cu dreptul la integritate fizică și psihică) nu poate fi restrîns. Altfel spus, din interpretarea logică a alin. (3) al art. 54 reiese că Constituția nu admite încălcarea legală a dreptului la viață (prin aceasta conferindu-i statutul de drept absolut [4, p. 220]). Astfel înțelese, aceste prevederi constituționale vin în contradicție atît cu standardele internaționale (unele din ele fiind expuse anterior), cît și cu legislația națională în vigoare.

În pofida acestor reglementări exprese, prof. A. Smochină (în calitate de comentator al Constituției Republicii Moldova) consemnează existența unor *excepții admisibile și situații speciale*. Astfel, în viziunea autorului, garantarea dreptului la viață înseamnă interzicerea cauzării morții de către agenții statului, cu anumite excepții. Moartea

nu poate fi cauzată cuiva *in mod intenționat* de către agenții statului, se admit cazurile morții care nu constituie o încălcare a dreptului la viață. Excepțiile admisibile sînt legitima apărare, efectuarea unei arestări legale, împiedicarea evadării unei persoane legal deținute și reprimarea tulburărilor violente sau a insurecțiilor. La categoria situațiilor speciale, cercetătorul atribuie *eutanasia* și *avortul*, precizînd că în pofida reglementării diferențiate de la stat la stat, precum și a multiplelor dezbateri științifice pe marginea acestora, în Republica Moldova eutanasia și provocarea ilegală a avortului sînt interzise de legea penală, fiind pasibile de pedeapsă [4, p. 115].

Deci, în condițiile în care legislația interzice eutanasia și avortul ilegal, putem constata că restrîngerea dreptului la viață este admisă doar în următoarele cazuri: *legitima apărare, efectuarea unei arestări legale, împiedicarea evadării unei persoane legal deținute și reprimarea tulburărilor violente sau a insurecțiilor*.

Legitima apărare este o instituție juridică ce permite fiecărei persoane de a se apăra împotriva oricărui pericol iminent ce-i amenință viața, sănătatea sau proprietatea. În acest sens, art. 36 din Codul penal stabilește [3]: „(1) Nu constituie infracțiune fapta, prevăzută de legea penală, săvîrșită în stare de legitimă apărare. (2) Este în stare de legitimă apărare persoana care săvîrșește fapta pentru a respinge un atac direct, imediat, material și real, îndreptat împotriva sa, a altei persoane sau împotriva unui interes public și care pune în pericol grav persoana sau drepturile celui atacat ori interesul public. (3) Este în legitimă apărare și persoana care săvîrșește fapta, prevăzută la alin. (2), pentru a împiedica pătrunderea, însoțită de violență periculoasă pentru viața sau sănătatea persoanei ori de amenințarea cu aplicarea unei asemenea violențe, într-un spațiu de locuit sau într-o altă încăpere”.

În ceea ce privește efectuarea unei arestări legale, împiedicarea evadării unei persoane legal deținute și reprimarea tulburărilor violente sau a insurecțiilor, aceste momente țin, în marea lor parte, de activitatea poliției, adică a agenților statului, cărora legea astfel „le permite” „restrîngerea dreptului la viață” în vederea exercitării competențelor lor funcționale (inevitabil cu respectarea aumitor condiții). Cadrul legal în materie este constituit din mai multe acte legislative, printre care menționăm, în special: Legea cu privire la activitatea Poliției și statutul

poliștului, nr. 320 din 27.12.2013 [8], Legea privind regimul armelor și al munițiilor cu destinație civilă, nr. 130 din 08.07.2012 [9], etc.

Sub acest aspect, precizăm că judecătorii de la Strasbourg realizează un control extrem de riguros al rașunilor care conduc agenții statului la folosirea forței letale, criteriul principal pe care îl folosesc fiind cel al proporționalității mijloacelor folosite cu starea de pericol pe care o reprezintă persoana în cauză. Curtea europeană analizează *in concreto* circumstanțele particulare ale fiecărui caz, cum ar fi pericolul concret pe care îl reprezintă persoanele a căror viață este pusă în pericol, cadrul legal care autorizează folosirea forței letale, pregătirea riguroasă (sau nu) a misiunii de către forțele de ordine, tipul de armament folosit, modul concret în care este folosită forța letală [10, p. 9].

Se poate conchide, astfel, că admiterea restrîngerii dreptului la viață în anumite condiții presupune inevitabil verificarea ulterioară a tuturor circumstanțelor pentru a se stabili dacă au fost respectate limitele prevăzute de lege în acest sens, în caz contrar persoanele vinovate (indiferent de statut) urmînd a fi trase la răspundere. Presupunem că anume sub această formă urmează să fie interpretată obligația statului de a „garanta dreptul la viață”, consacrată în Constituție. Cu toate acestea, sîntem însă de părerea că art. 24, cît și art. 54 alin. (3) din Legea Supremă a Republicii Moldova necesită a fi modificate și completate.

Apreciem în mod deosebit propunerea prof. Gh. Costachi de a consacra în textul Constituției o formulă din care să se reliefeze valoarea deosebită a vieții fiecărui om pentru stat și societate și angajamentul acestuia de a proteja și a apăra dreptul la viață, și anume: „*Fiecare persoană dispune de dreptul inviolabil la viață. Nimeni nu poate fi lipsit de viață în mod arbitrar. Statul este obligat să protejeze și să apere viața fiecărui om.*”, savantul considerînd că această precizare va servi drept o garanție constituțională eficientă a realizării și apărării dreptului în cauză [7, p. 63].

În concluzie, accentuăm că articolul 24 trebuie să conțină în mod necesar și o expunere expresă a cazurilor în care se admite restrîngerea dreptului la viață. Respectiv, propunem modificarea și completarea acestui articol după cum urmează (cu separarea implicită a acestuia de dreptul la integritate fizică și psihică):

„**Articolul 24.** Dreptul la viață

(1) Fiecare persoană dispune de

dreptul inviolabil la viață. Nimeni nu poate fi lipsit de viață în mod arbitrar. Statul este obligat să protejeze viața fiecărui om.

(2) Restrîngerea dreptului la viață se admite doar în limitele legii în cazuri excepționale precum: legitima apărare, efectuarea unei arestări legale, împiedicarea evadării unei persoane legal deținute și reprimarea tulburărilor violente sau a insurecțiilor.

(3) Pedeapsa cu moartea este abolită. Nimeni nu poate fi condamnat la o asemenea pedeapsă și nici executat”.

În mod corespunzător, necesită o revizuire și art. 54 alin. (3) din Constituție, în vederea extinderii acțiunii acestuia și asupra dreptului la viață. Deci, urmează a fi exclusă mențiunea art. 24 din excepțiile admise pentru instituția restrîngerii exercițiului unor drepturi. La o privire de ansamblu, aceste modificări au menirea de a consolida garanțiile constituționale ale dreptului la viață, care în condițiile actuale sînt absolut necesare pentru accentuarea caracterului democratic și de drept al statului Republica Moldova.

Referințe bibliografice

1. *Avizul Curții Constituționale a Republicii Moldova asupra proiectelor de lege pentru modificarea art. 24 alin. (3) din Constituția Republicii Moldova*, nr. 2 din 22.09.2005. În: Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 129-131/12 din 30.09.2005.

2. Ball R. *Absolute and non-derogable rights in international law*. Human Rights Law Centre, 21 July 2011. http://www.parliament.vic.gov.au/images/stories/committees/sarc/charter_review/supplementary_info/263_-_Addendum.pdf.

3. *Codul Penal al Republicii Moldova*, nr. 985 din 18.04.2002. Republicat în: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2009, nr. 41-44.

4. *Constituția Republicii Moldova. Comentariu*. Chișinău: Arc, 2012.

5. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova din 12.08.1994, nr. 1.

6. *Convenția europeană pentru Apărarea Drepturilor Omului și a Libertăților Fundamentale*, Roma, 4 noiembrie 1950, amendată de Protocoalele nr. 11 și 14, însoțită de Protocolul adițional și de Protocoalele nr. 4, 6, 7, 12 și 13. http://www.dri.gov.ro/documents/conventia_%20pt%20prot%20dr%20omului%20si%20libert%20fundament.pdf.

7. Costachi Gh. *Conținutul dreptului la viață și consacrară acestuia în Constituția Republicii Moldova*. În: „5 ani de la crearea Mecanismului Național de Prevenire a Torturii în Republica Moldova”, Materialele conferinței internaționale științifico-practice. Chișinău: S.n., 2013.

8. *Legea cu privire la activitatea Poliției și statutul poliștilor*, nr. 320 din 27.12.2013. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 42-47 din 01.03.2013.

9. *Legea privind regimul armelor și al munițiilor cu destinație civilă*, nr. 130 din 08.07.2012. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 222-227 din 21.10.2012.

10. *Manualul Drepturilor Omului*. București: Asociația pentru Apărarea Drepturilor Omului în România – Comitetul Helsinki (APADOR-CH), 2008.

11. Reisoğlu S. *Right to Life*. In: Journal of International Affairs, December 1998 – February 1999, Volume III, Number 4. <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/SafaReisoglu.pdf>.

12. Балашов А. В. *Конституционное право на жизнь в современной России*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2011.

13. Белобрагина Н. А. *Ограничение конституционного права на жизнь*. В: Пробелы в российском законодательстве, 2010, № 3.

14. Белобрагина Н. А. *Право на жизнь: конституционно-правовой механизм обеспечения и защиты*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2012.

15. Глухарева Л. И. *Механизм гарантий прав человека*. В: Право и жизнь, 2000, № 27.

16. *Конституция Российской Федерации*: Проблемный комментарий. Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 2004.

17. Конь Г. И. *Обеспечение права на жизнь в решениях Межамериканского и Европейского судов по правам человека*. В: Вестник МГУ. Серия 11. Право, 2006, № 6.

18. Романовский Г. Б. *Теоретические проблемы права человека на жизнь: конституционно-правовое исследование*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2006.

19. Ушамирский А. Э. *Право военнослужащего на жизнь: теоретические и практические аспекты*. В: Современное право, 2006, № 6.

ABORDĂRI CONCEPTUALE PRIVIND LATURA OBIECTIVĂ A INFRAȚIUNII DE REȚINERE ILEGALĂ

Anatolie DOGA,
doctorand

SUMMARY

The present article is devoted to a consideration the objective aspect of the crime of illegal detention complained to art. 308 par. (1) of the Criminal Code of the Republic of Moldova. Some proposals to amend the rule laid down in art. 308 para. (1) of the Criminal Code were submitted after critical analysis of the opinions expressed in the academic literature and examination of the ECHR jurisprudence. One of these proposals relates to the expansion of the mentioned criminal provision criminalizing illegal arrests committed in violation of the norms of contravention.

Keywords: Criminal code of the Republic of Moldova, illegal detention, illegal arrests, objective aspect of the crime, deliction, action, crime.

REZUMAT

Articolul este dedicat examinării laturii obiective a infracțiunii de reținere ilegală incriminate la art. 308 alin. (1) Cod penal al R. Moldova. În urma analizei critice a opiniilor expuse în doctrina de specialitate și examinării jurisprudenței CEDO, au fost înaintate unele propuneri de modificare a normei prevăzute la art. 308 alin. (1) CP. Una dintre aceste propuneri se referă la extinderea sferei de incriminare a normei penale menționate și la reținerile ilegale săvârșite prin încălcarea normelor dreptului contravențional.

Cuvinte-cheie: Cod penal al Republicii Moldova, reținere ilegală, arestare ilegală, latură obiectivă a infracțiunii, faptă, acțiune, infracțiune.

Introducere. Latura exterioară a faptei infracționale este un element obligatoriu pentru orice infracțiune, condiționând răspunderea penală a unei persoane de exteriorizarea rezoluției delictuoase printr-o acțiune sau inacțiune ce comportă o schimbare în lumea obiectivă, fiind exclusă sancționarea gândurilor acelei persoane.

Importanța unei examinări detaliate și multilaterale a semnelor laturii obiective a infracțiunii este dictată de mai multe împrejurări.

În primul rând, anume de la constatarea laturii obiective se începe determinarea faptului existenței sau inexistenței infracțiunii. De asemenea, experiența pozitivă formată în domeniul interpretării legii penale ne demonstrează că, în procesul calificării infracțiunilor, cele mai multe dificultăți apar în legătură cu elucidarea semnelor laturii obiective a faptei criminale.

În al doilea rând, importanța relevării acestui element al componenței de infracțiune derivă și din faptul că, în dispozițiile din Partea specială a C. pen., legiuitorul acordă prioritate determinării conținutului laturii exterioare a infracțiunii. De tehnică legislativă, acest lucru este unul inerent și indispensabil, întrucât particularitățile fiecărei componențe de infracțiune rezultă din semnele ce caracterizează latura obiectivă a infracțiunii.

În contextul relevării conținutului

laturii obiective a reținerii sau arestării ilegale, se va lua în considerație construcția tehnică a art. 308 C. pen., care are un caracter complex, conținând două norme incriminatoare, care prevăd răspunderea penală pentru două componente de infracțiuni diferite:

- reținerea ilegală (art. 308 alin. (1) C. pen.);
- arestarea ilegală (art. 308 alin. (2) C. pen.).

Conținut de bază. Trecând la caracterizarea laturii obiective a infracțiunilor incriminate la art. 308 alin. (1) și alin. (2), urmează să subliniem faptul că în tehnica legislativă penală actul delictuos este relevat prin așa-numitul „*verbum regens*”, adică prin intermediul verbului sau expresiei verbale care indică actul de conduită interzis de norma penală [1, p. 141].

În cazul infracțiunii incriminate la art. 308 alin. (1) C. pen. „*verbum regens*” este desemnat prin expresia „reținerea ilegală”.

În conformitate cu art. 6 C. pr. pen., în care sînt definiți anumiți termeni și expresii utilizate în legislația procesual-penală, prin reținere se are în vedere măsură luată de organul competent de a priva de libertate o persoană pe un termen de pînă la 72 de ore.

De asemenea, conform art. 165 C. pr. pen., reținerea este definită ca fiind „privarea persoanei de libertate pe o perioadă scurtă de timp, dar nu mai mult

de 72 de ore, în locurile și în condițiile stabilite prin lege” [2].

În teoria dreptului procesual-penal, reținerea este definită ca privarea de libertate a persoanei bănuite sau învinuite de comiterea unei infracțiuni, pentru care legea penală prevede pedeapsa cu închisoare pe un termen mai mare de un an prin hotărârea organului de urmărire penală pentru o perioadă scurtă de timp, dar nu mai mult de 72 de ore, în izolațiile de detenție provizorii ale organelor afacerilor interne [3, p. 344].

De fapt, această definiție rezultă din conținutul art. 165, 166, 167, 169, 170 C. pr. pen. De asemenea, termenul de reținere prevăzut la art. 25 din Constituția R. Moldova se referă anume la această măsură procesuală de constrângere [3, p. 344].

Potrivit art. 25 alin. (3) din Constituția R. Moldova, “Reținerea nu poate depăși 72 de ore” [4].

Luând în considerație subelementele componente de infracțiune descrise la art. 308 alin. (1) C. pen. al R. Moldova, mai ales cele ce caracterizează obiectul juridic special, latura obiectivă și semnele subiectului infracțiunii, se poate constata că sub incidența noțiunii de reținere examinate, ca măsură procesuală reglementată la art. 165 C. pen., nu intră:

1. reținerea persoanei de către organul de poliție pentru executarea unei ordonanțe de aducere silită, conform art. 199 C. pr. pen.;

2. reținerea persoanei pentru executarea unui mandat de arestare preventivă (art. 307, 308 C. pr. pen.) sau a încheierii de arestare preventivă (art. 329 C. pr. pen.);

3. pentru executarea unei ordonanțe de dare în căutare a învinutului (art. 288 C. pr. pen.);

4. în cazul interdicției de a părăsi sala ședinței de judecată pînă la terminarea cercetării judecătorești, dispuse de către președintele ședinței față de martorii ascultați (art. 370 alin. (5) C. pr. pen.);

5. interdicția de a părăsi locul efectuării unei percheziții pînă la terminarea acestei acțiuni de către persoanele care se aflau în încăpere sau au venit în acel loc în timpul percheziției (art. 128 alin. (10) C. pr. pen.);

6. reținerea persoanei care a săvârșit o infracțiune de audiență (art. 171 C. pr. pen.);

7. reținerea infractorului săvârșită în temeiul art. 168 alin. (1) C. pr. pen.

Prin urmare, reieșind din prevederile în vigoare, în sensul art. 308 alin. (1) C. pen. al R. Moldova, prin reținere se are în vedere măsura procesuală ce

corespunde cu scopul și durata reținerii reglementate la art. 165 C. pr. pen., ca măsură procesuală de constrângere pusă în aplicare ilegal de către persoana care efectuează urmărirea penală. O interpretare extensivă apare ca nejustificată, întrucît dreptul penal se limitează la protejarea relațiilor sociale din sfera justiției, condiționate de aplicarea în condiții de legalitate a măsurilor de constrângere procesuale, neputînd să-și extindă sfera de reglementare în direcția creării unor instituții juridice care aparțin altor ramuri de drept.

Se poate menționa că reținerea contravențională reglementată de art. 433 C. contr. nu intră în cîmpul incriminator al art. 308 alin. (1) C. pen.

Din această perspectivă, propunem următoarea formulare a dispoziției textului normativ prevăzut de art. 308 alin. (1) C. pen.: „Reținerea ilegală cu bunăștiință, săvîrșită de către persoana care efectuează urmărirea penală sau de reprezentantul organului constatator”.

Un prim argument care poate fi înaintat în susținerea acestei poziții este că reținerea contravențională, ca și reținerea procesual-penală, poate să împiedice realizarea actului de justiție în strictă consonanță cu principiul legalității. Un alt argument este cel după care practica CEDO, în jurisdicția sa, pune un semn de egalitate între contravenție și infracțiune în raport cu efectele răspunderii pe care le produce săvîrșirea unor asemenea fapte.

În cazul *Vilko Eskelinen c. Finlandei*, Curtea a statuat: „Reclamantul a fost condamnat, mai întîi, pentru săvîrșirea unor «fapte perturbatorii minore» în cadrul unei proceduri administrative asimilare unei «proceduri penale», în sensul autonom dat acestei noțiuni în cadrul Convenției. După ce această condamnare a fost definitivă, împotriva sa au fost formulate mai multe acuzații penale, în cadrul unor proceduri penale propriu-zise, ce se raportau la săvîrșirea aceluiași «acte perturbatoare», adică «acte de tulburare a liniștii publice», incriminate însă distinct atît de Codul de procedură administrativă, cît și de prevederile Codului penal al statului în cauză”. Curtea a considerat că, procedînd astfel, autoritățile naționale au angajat împotriva reclamantului două **proceduri penale diferite** pentru comiterea aceluiași fapte, cu încălcarea principiului *non bis in idem* garantat de dispozițiile art. 4 din Protocolul nr. 7 la Convenție” evidențierea noastră [5].

Totodată, după cum ne demonstrază jurisprudența CEDO, violarea art. 5 al Convenției poate fi constatată atît în cazurile privării de libertate abuzive

pentru comiterea de infracțiuni, cît și pentru comiterea de contravenții.

Astfel, în cauza *Guțu c. Moldovei*, Curtea a reiterat: „sintagmele «legală» și «potrivit căilor legale» din art. 5 §1 se referă, în esență, la legislația națională și la obligația statului de a se conforma prevederilor materiale și procedurale ale acestuia. Totuși, «legalitatea» detenției în conformitate cu legislația națională nu este întotdeauna un element decisiv. Detenția trebuie să fie compatibilă cu scopul art. 5 §1. Refuzul reclamantului de a urma poliției, fapt ce a determinat reținerea, a fost condiționat de lipsa răspunzătoare a citării. Curtea a remarcat că nicio măsură de investigație nu putea fi luată în ceea ce privește faptul că abaterea pretinsă ar fi fost comisă de fiul reclamantului, decît în cazul în care ar fi fost pornită formal urmărirea penală” [6].

Merită a fi subliniată și ideea potrivit căreia, în corespundere cu CEDO, reținerea contravențională poate fi aplicată doar în baza unei suspiciuni întemeiate că persoana a comis o anumită contravenție. Astfel, reprezentantul autorităților publice care efectuează reținerea trebuie să dețină informații verosimile, care ar fi suficiente pentru o suspiciune obiectivă, din care ar rezulta că persoana a comis o contravenție [7, p. 79].

Privitor la interpretarea noțiunii de **reținere ilegală** aplicată ca măsură de constrângere procesual-penală, în doctrina de specialitate au fost exprimate mai multe opinii. În general, pot fi evidențiate două puncte de vedere de bază, prin care este abordată problematica ilegalității în cazul infracțiunii examinate.

Susținătorii primului punct de vedere limitează ilegalitatea reținerii doar la anumite încălcări esențiale ale normelor procesual-penale, care reglementează temeiurile, condițiile și modul de aplicare a reținerii. În acest sens, cercetătorul P. Suruhin identifică patru modalități prin care pot fi încălcate normele procesual-penale în contextul comiterii infracțiunii de reținere ilegală, și anume:

- reținerea persoanei fără existența temeiurilor prevăzute de lege;
- reținerea persoanei săvîrșită prin încălcarea condițiilor prestabilite de normele procesual-penale;
- încălcarea cerințelor legale ce țin de respectarea procedurii de efectuare a reținerii;
- reținerea persoanei pe un termen mai mare decît cel stabilit [8, p. 71].

Totodată, același autor menționează: „Neîntocmirea procesului-verbal, în prezența temeiurilor de reținere a unei

persoane, nu influențează asupra legalității aplicării acesteia. O asemenea reținere asigură determinarea implicării persoanei la comiterea infracțiunii și este orientată spre realizarea intereselor justiției penale. Astfel, neîntocmirea procesului-verbal de reținere, mai ales încălcările comise la întocmirea acestuia, nu creează pericolul luării unei decizii ilegale la rezolvarea cauzei penale și, respectiv, nu constituie o încălcare esențială a legislației procesual-penale” [8, p. 71].

În același context, E. Zațepina [9, p. 189-190] afirmă că doar încălcarea grosolană a formei de reținere, manifestată prin neîntocmirea procesului-verbal de reținere, formează componenta infracțiunii incriminate la art. 308 alin. (1) C. pen.

Acest ultim punct de vedere este împărțit și de A. Amosov, potrivit căruia, atunci când există temeiurile aplicării reținerii persoanei, nerespectarea formei procesuale ce reglementează procedura de aplicare a acesteia nu atentează la interesele justiției, ci la interesele de serviciu. În speță, persoana urmează să fie supusă fie răspunderii disciplinare, fie răspunderii penale pentru infracțiunile de serviciu, atunci când sunt prezente semnele acesteia [10, p. 141].

În același spectru de idei, A.I Ciuceav consideră că va exista reținere penală condamnabilă și atunci când are loc falsificarea procesului-verbal de reținere, manifestată prin neindicarea locului și a timpului de reținere [11, p. 378].

M. Kaufman prin reținere ilegală are în vedere reținerea efectuată în lipsa temeiurilor prevăzute de lege sau cu încălcarea procedurii stabilite, precum și reținerea persoanei ce urmează a fi eliberată. Plecând de la această abordare, autorul distinge următoarele forme de comitere a infracțiunii:

a) reținerea săvârșită în absența temeiurilor legale. Este vorba fie de absența totală a acestora, fie de insuficiența vădită a probelor ce ar mărturisi că persoana a comis o anumită infracțiune;

b) reținerea unei persoane bănuite de comiterea unei infracțiuni pentru care nu se prevede pedeapsa privativă de libertate, chiar dacă există unul dintre temeiurile reținerii;

c) încălcarea gravă a procedurii de reținere;

d) deținerea în continuare a unei persoane ce urmează a fi eliberată în prezența temeiurilor prevăzute de lege [12, p. 127].

Condiția unei încălcări esențiale a normelor procesual-penale este promo-

vată, pentru identificarea infracțiunii de reținere ilegală, și de autorul Gh. Ulianoschi, potrivit căruia: „Legea procesual-penală prevede expres temeiurile, termenele și procedura reținerii persoanei. Orice reținere efectuată cu încălcarea esențială a acestor garanții procesuale care asigură siguranța persoanei de a nu fi reținută ilegal constituie element material al infracțiunii de reținere ilegală” [13, p. 673].

În conformitate cu cel de al doilea punct de vedere, la definirea elementului material al infracțiunii de reținere ilegală (art. 308 C. pen.) nu sînt fixate anumite limite de gravitate pe care trebuie să le depășească actul ilicit pentru îndeplinirea cerințelor referitoare la conținutul normativ. În speță, va exista componentă de infracțiune atunci când sînt încălcate temeiurile, procedura sau alte garanții legale ale reținerii, indiferent de gravitatea acestora.

H. Dadaev afirmă că în calitate de acțiuni pedepsite penal figurează atât reținerea persoanei în lipsa temeiurilor de reținere determinate de legislație, cât și nerespectarea formei procesuale de reținere, chiar și atunci când sînt prezente temeiurile reținerii [14, p. 99].

În același sens, A. Borodac menționează că reținerea ilegală cu bună știință presupune încălcarea uneia sau a mai multor prevederi ale art. 165 – 174 C. pr. pen. [15, p. 454]

Potrivit autorilor S. Brînză și V. Stati, reținerea este ilegală atunci când nu se respectă temeiurile, termenele, condițiile de aplicabilitate față de anumite categorii de persoane sau alte condiții esențiale, stabilite de Codul de procedură penală [16, p. 794].

În același spectru de idei se înscrie și I. Țurcanu, potrivit căruia reținerea va deveni ilegală atunci când organul de urmărire penală dispune aplicarea reținerii contrar Codului de procedură penală [17, p. 604].

Concluzii. În lumina prezentărilor făcute mai sus, ne vom alătura la cel de al doilea punct de vedere, iar în acest sens putem înainta mai multe argumente.

În primul rînd, legiuitorul nu fixează anumite limite graduale de pericolozitate a diferitelor modalități de comitere a infracțiunii, fapt ce rezultă din formularea generică a elementului material cu expresia „... reținere ilegală”. Prin urmare, orice reținere săvârșită cu încălcarea normelor procesual-penale și în prezența celorlalte semne calificative, înscrise la art. 308 alin. (1) C. pen., se consideră a fi ilegală.

În al doilea rînd, dacă încălcarea normelor procesual penale, referitoare

la aplicarea reținerii, nu comportă un grad prejudiciabil al unei infracțiuni, își va putea găsi aplicativitate art. 14 alin. (2) C. pen., potrivit căruia: „Nu constituie infracțiune acțiunea sau inacțiunea care, deși, formal, conține semnele unei fapte prevăzute de prezentul cod, dar, fiind lipsită de importanță, nu prezintă gradul prejudiciabil al unei infracțiuni” [18].

Mai subliniem și ideea potrivit căreia la art. 308 alin. (1) C. pen. nu se prevede răspunderea penală doar pentru încălcarea materializată în lumea obiectivă a temeiurilor și condițiilor legale de aplicare a reținerii, ci pentru acea încălcare care, din punct de vedere subiectiv, este caracterizată prin „bună-știință”. Acest semn de factură subiectivă, de rînd cu activitatea materială obiectivizată, are o importanță esențială la evaluarea gradului prejudiciabil al faptei.

În sfîrșit, poate fi invocată și jurisprudența CEDO, din care rezultă, fără echivoc, că orice ingerință a art. 5, indiferent de gravitate, de caracterul esențial sau neesențial al încălcării, constituie o violare a dreptului la libertate și la siguranță a persoanei. O eventuală gradare a ilegalităților săvîrșite în contextul reținerii persoanei în esențiale și neesențiale ar putea crea premise pentru rețineri arbitrare din partea autorităților la aplicarea acestei măsuri de constrîngere procesuale.

În rezultatul celor consemnate, putem concluziona că infracțiunea de reținere ilegală, incriminată la art. 308 alin. (1) C. pen., poate fi comisă prin una dintre următoarele modalități:

- reținerea săvîrșită fără existența temeiurilor și condițiilor prevăzute de legislația procesual-penală;
- reținerea persoanei prin încălcarea normelor procesuale referitoare la procedura de aplicare a reținerii;
- reținerea săvîrșită prin încălcarea garanțiilor procesuale stabilite de lege;
- încălcarea termenelor de reținere.

Referințe bibliografice

1. Giurgiu N. *Legea penală și infracțiunea*. Iași: Ed. Gama, 1995.
2. *Codul de procedură penală al Republicii Moldova (Partea generală)* nr. 122-XV din 14.03.2003. În: Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 104-110/447 din 07.06.2003.
3. Dolea I., Roman D. ș.a. *Drept procesual penal*. Chișinău: Ed. Cartier juridic, 2005.
4. *Constituția Republicii Moldova*, adoptată la 29.07.1994. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, nr. 1.

5. Vilko Eskelinen c. Finlandei. Hotărârea CEDO din 17 aprilie. http://www.echr.ru/documents/manuals/Article06/Inte-rights-Art6-manual_RUS.pdf. (Accesat la data de: 08.08.2013).

6. Guțu c. Moldovei. Hotărârea CEDO din 7 iunie 2007. http://justice.md/file/CEDO_judgments/Moldova/GUTU.

7. Копушу Я. Предупреждение необоснованных задержаний граждан и пресечение нарушений режима содержания лиц, подвергшихся аресту за правонарушение – одно из условий соблюдения прав человека. În: Revista Națională de Drept, nr. 6-7, 2011.

8. Сурихин П.И. Уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание. Диссертация кандидата юридических наук, Омск, 2001.

9. Зацепина Е.М. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ульяновск, 2005.

10. Амосов А. Е. Незаконное лишение свободы в уголовном праве России (виды и характеристика). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Владимир, 2008.

11. Есаков Г.А. и др. Уголовное право России. Части Общая и особенная. Курс лекций. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Изд. Проспект, 2010.

12. Преступления против правосудия (толкование уголовного закона. комментарий статей УК Р.Ф. материалы судебной практики, статистика), под редакцией А.В. Галаховой. Москва: Норма, 2005.

13. Barbăneagră A., Alecu A., Berliba V. ș.a. *Codul penal al Republicii Moldova. Comentariu*. Chișinău: Ed. Sarmis, 2009.

14. Дадаев Х. М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Грозный, 2007.

15. Borodac A. *Manual de drept penal. Partea specială*. Chișinău: Tipografia. Centrală, 2004.

16. Brînză S., Stati V. *Drept penal. Partea specială*. Vol. II. Chișinău: Tipografia centrală, 2011.

17. Brînză S., Ulianoschi X ș.a. *Drept penal. Partea specială*. Chișinău: Ed. Cartier, 2005.

18. *Codul penal al Republicii Moldova* nr. 985-XV din 18.04.2002. În: Monitorul Oficial al R. Moldova nr. 128-129/1012 din 13.09.2002.

PROCESUL CONTRAVENȚIONAL: FAZELE PROCESULUI ȘI CONȚINUTUL LOR

Marin MIGHEREA,
doctorand

SUMMARY

Contravention of liability is one of the basic forms in the domain of contravention strife. For the right, accurate, convenient application of the administrative-delinquency of sanction, a major role of importance is given to the contravention of liability. In this publication the author is trying to examine the fundamental juridical institutions of the contravention of law such as: the definition of contravention of process, the connection of syntagms „contravention of process” and „contravention of procedure”, „the stages of contravention of process and their content etc.

Keywords: contravention, liability of contravention, administrative-delinquency of sanction, the process of contravention, contravention procedure, the stages of contravention of law.

REZUMAT

Răspunderea contravențională este una dintre formele de bază din domeniul combaterii contravenționalității. În aplicarea corectă, oportună și legitimă a sancțiunii contravenționale, un rol deosebit de important îi revine procesului contravențional. În prezenta publicație autorul examinează instituțiile juridice de bază ale procesului contravențional: definiția procesului contravențional, raportul dintre procesul contravențional și procedura contravențională, dintre fazele procesului contravențional și conținutul lor etc.

Cuvinte-cheie: contravenție, răspundere contravențională, sancțiune contravențională, proces contravențional, procedură contravențională, fazele procesului contravențional.

Introducere. Existența statului de drept presupune, în primul rând, asigurarea ordinii de drept în societatea respectivă, combaterea contravenționalității fiind parte componentă a activității de asigurare a ordinii de drept.

Combaterea contravenționalității nu poate fi examinată fără aplicarea constrângerii juridice față de autorii raporturilor juridice de conflict. Totodată, măsurile de constrângere juridică, inclusiv sancțiunile contravenționale, trebuie să fie aplicate în strictă conformitate cu procedura legală.

Scopul studiului constă în analiza și cercetarea procesului contravențional, a fazelor procesului și a conținutului lor, pentru a elucida toate elementele componente, particularitățile lor de bază, precum și temeiurile de tragere la răspundere și de aplicare a sancțiunilor corespunzătoare.

Actualitatea temei. Răspunderea contravențională este o formă specifică și recent legiferată a răspunderii juridice, iar nerespectarea normelor dreptului contravențional are consecințe negative atât pentru cetățeni, în particular, cât și pentru societate, în general.

Metode aplicate și materiale utilizate. Metodele aplicate în acest studiu sînt: analiza, sinteza, comparația, investigația științifică. Materialele folosite sunt: legislația în domeniu a Republicii Moldova; doctrina juridică

națională, cea românească și cea rusă; manuale și tratate.

Rezultate obținute și discuții. Republica Moldova este un stat de drept, democratic, în care cetățenii beneficiază de drepturile și libertățile consacrate prin legea fundamentală – Constituția Republicii Moldova și prin alte legi, dar de asemenea supunîndu-se obligațiilor prevăzute de acestea, fiind egali în fața legii, și autorităților publice, fără nicio discriminare.

Respectarea cerințelor de supunere în fața legii impune stabilirea unor reguli de conduită într-un cadru legal bine determinat, care configurează conținutul diferitelor ramuri de drept. Încălcarea unei asemenea reguli de conduită determină aplicarea sancțiunii prevăzute de legea în vigoare în acest scop.

În sfera încălcării regulilor de conduită stabilite prin lege, un loc aparte îl ocupă contravențiile, acestea fiind faptele (acțiunile sau inacțiunile) ilicite ce atentează la personalitate, la drepturile și interesele legitime ale persoanei fizice sau juridice, la proprietate, la orînduirea de stat și cea publică, precum și alte fapte ilicite pentru care legislația prevede răspunderea contravențională.

Prin săvîrșirea unor contravenții se creează un raport juridic (raport juridic de conflict), în temeiul căruia statul are dreptul de a aplica vinovatului sancțiunea contravențională prevăzută

de legea contravențională în vigoare [3, p. 12].

Raportul contravențional apare astfel ca o relație socială reglementată prin intermediul normelor juridice, relație în care subiectele sau titularii de drepturi și obligații prevăzute de aceste norme dispun de drepturi care pot fi realizate, la nevoie, cu ajutorul organelor de stat [7, p. 124].

De menționat că în Legea contravențională din 29 martie 1985, noțiunea *contravenție administrativă* era prevăzută în art. 9, care stipula următoarele: „Contravenția administrativă se consideră fapta (acțiunea sau inacțiunea) ilicită ce atentează la personalitate, la drepturile și interesele legitime ale persoanelor fizice și celor juridice, la proprietate, la orânduirea de stat și la ordinea publică, precum și alte fapte ilicite pentru care legislația prevede răspunderea administrativă” [2, art. 9].

În noul Cod contravențional, adoptat la 24 octombrie 2008 și intrat în vigoare la 31 mai 2009, denumirea de „Contravenții administrative” este substituită cu definiția „Contravenție”. La fel, codul prevede și noțiunea de contravenție care se deosebește de cea precedentă. În art. 10 din noua lege contravențională, constituie contravenție: „fapta – acțiunea sau inacțiunea ilicită – cu un grad de pericol social mai redus decât infracțiunea, săvârșită cu vinovăție, care atentează la valorile sociale ocrotite de lege, este prevăzută în prezentul cod și este pasibilă de sancțiune contravențională” [1, art. 10].

Apariția raportului juridic de drept contravențional este condiționată de intrarea în vigoare a normei juridice contravenționale. În doctrina juridică națională, se disting două tipuri de raporturi: raport juridic de conformare și raport juridic de conflict.

Raporturile de conformare apar odată cu intrarea în vigoare a normei juridice și constituie respectarea legislației contravenționale de către subiecții dreptului – destinatarii legii, care sunt obligați să respecte legea. Atîta timp cît subiectul dreptului contravențional se află în raport de conformare cu prevederile legale, față de el poate fi aplicată numai convingerea, ca metodă de asigurare a ordinii de drept.

Raporturile de conflict (de contradicție) apar în cazul încălcării prevederilor legii contravenționale. În aceste cazuri, eficiența convingerii este epuizată și apare temeiul juridic de a aplica constrîngerea ca metodă de administrare. Statul, fiind subiect activ, impune răspunderea contravențională,

iar subiectul activ al contravenției devine subiect pasiv al răspunderii contravenționale și este obligat să suporte sancțiunea pentru contravenția săvârșită [5, p. 57].

Raportul juridic apare astfel ca relație socială reglementată prin intermediul normelor juridice, relație în care subiecții sînt titularii de drepturi și obligații prevăzute în norme, drepturi care pot fi realizate, la nevoie, cu ajutorul organelor de stat. Statul însă nu poate trage la răspundere contravențională direct persoana, deoarece aceasta nu are drept de aplicare automată, ci va cere pedepsirea pe calea unei proceduri speciale, prevăzute de lege.

Printr-o asemenea ordine se conturează un raport de procedură între diferiți subiecți care au anumite drepturi și obligații. Termenul de procedură este derivat din latinescul „procedere”, care înseamnă a progresa, a avansa, a evalua, forma legală de a proceda în cazuri determinate de lege.

Definirea procesului contravențional a fost dată de un grup de autori din Federația Rusă, care sînt de părerea că acesta reprezintă „activitatea reglementată de lege pentru soluționarea litigiilor dintre părțile raportului contravențional” [14, p. 16].

O altă definire a procesului contravențional, la fel dată de autori ruși, este următoarea: „Proces administrativ ca mod de reglementare a activității de drept a organelor administrării de stat” [15, p. 63].

Mulți savanți în domeniul administrativ tratează mai larg noțiunea de proces contravențional ca activitate a organelor de stat și a celor publice, reglementate de normele administrativ-procesuale, pentru soluționarea sarcinilor individuale concrete în domeniul administrării de stat prin concursul împuternicirilor legal delegate [13, p. 11].

Prof. V. Guțuleac face referire la savantul rus S. I. Kotiurghin, care definește procesul administrativ drept activitatea unor organe statale și obștești, special împuternicite pentru a efectua cercetarea administrativă, examinarea și emiterea deciziilor privind cazul contravențional în limitele dreptului administrativ [9, p. 327].

Autorul G. I. Petrov remarcă că noțiunile *proces* și *procedură* interacționează ca un întreg cu o parte a întregului: procedura este parte a procesului, iar procesul – totalitatea procedurilor [9, p. 320].

Alți specialiști în dreptul administrativ sînt de părerea că procesul administrativ este o activitate, reglementată

de normele administrativ-procesuale, a unor subiecți ai raporturilor administrativ-procesuale, special împuterniciți pentru a soluționa unele litigii concrete din domeniul administrării de stat sau că această procedură de soluționare tripartită a litigiilor administrative și disciplinare (adică litigiile născute din relațiile de subordonare) în orice organ statal și prin orice metodă de organizare a unei astfel de soluționări. Deosebim următoarele tipuri de proceduri: procedura de soluționare a propunerilor, a cerințelor și a plîngerilor, de aplicare a stimulărilor, de soluționare a abaterilor disciplinare și procedura cu privire la contravențiile administrative [10, p. 30-31].

Savantul ucrainean V. K. Șkarupa, specialist în dreptul administrativ, citat de A. P. Korenev, definește procedura cu privire la contravențiile administrative în felul următor: „constituie un complex de interconexiuni ale acțiunilor organelor special împuternicite, îndreptate spre examinarea obiectivă, la timp, deplină și sub toate aspectele a tuturor circumstanțelor pentru soluționarea cazului contravențional în strictă conformitate cu legislația, asigurînd executarea deciziei emise, precum și constatînd cauzele și condițiile care au contribuit la săvîrșirea contravențiilor, educînd cetățenii în spiritul legii, astfel încît să fie respectate și apărate drepturile și interesele legitime ale persoanei și să fie asigurată ordinea de drept în stat” [12]. Analizînd această definiție, savantul rus A. P. Korenev susține că procesul administrativ este o activitate reglementată de normele administrativ-procesuale ale unor subiecți ai raporturilor administrativ-procesuale special împuterniciți pentru a soluționa unele litigii concrete din domeniul administrării de stat [12, p. 212].

Sintetizînd opiniile doctrinare enunțate mai sus, specialistul autohton S. Furduliu susține că *procesul administrativ* constituie totalitatea normelor care reglementează organizarea competentă și activitatea organelor administrației de stat și a jurisdicției administrative, în situațiile în care acestea soluționează conflicte de natură contravențională. Această definire se bazează pe faptul că respectiva activitate este reglementată de normele de drept de procedură și astfel stabilirea faptei juridice, precum și realizarea drepturilor și obligațiilor subiectelor relațiilor juridice se efectuează numai în conformitate cu ordinea strictă reglementată de legea procesuală, care include normele administrativ-procesuale respective [4, p. 179].

În literatura de specialitate, procedura administrativă este definită ca activitatea organelor de stat reglementată de normele administrativ-procesuale, avînd scopul să examineze cazurile cu privire la contravențiile administrative și, în anumite situații, să aplice sancțiuni administrative.

În literatura juridică română, noțiunea de *procedură contravențională* este definită ca „activitatea organului competent ce presupune aprecierea cît mai corectă a pericolului social al faptei, justa individualizare și aplicare corectă a sancțiunii, avîndu-se în vedere cauzele care exclud sau înlătură caracterul contravențional al faptei, sau răspunderea contravențională a făptuitorului” [6, p. 68].

Autorii de drept administrativ, reprezentanți ai doctrinei ruse, ucrainene, beloruse consideră că procedura cu privire la contravențiile administrative este o activitate reglementată de legislația în vigoare a organelor statale (persoanelor cu funcție de răspundere) ce constau în intentarea, cercetarea și soluționarea cazurilor cu privire la contravențiile administrative, precum și executarea deciziilor de aplicare a sancțiunilor administrative, avînd ca scop menținerea ordinii publice și prevenirea de noi contravenții. Autoarea din Federația Rusă N. Ș. Kileashanova menționează că procesul contravențional reprezintă „activitatea reglementată de legislația în vigoare pentru soluționarea litigiilor dintre părțile raportului contravențional și pentru aplicarea măsurilor de impunere a statului sau prin constrîngerea din partea statului” [11, p. 399].

În literatura de specialitate autohtonă, procedura în cazurile cu privire la contravențiile administrative (procedura contravențională) este definită ca o activitate reglementată de lege, desfășurată de către organele (persoanele cu funcții de răspundere) împuternicite, cu participarea părților și a altor persoane ca titulari de drepturi și obligații, avînd ca scop constatarea și examinarea cazurilor contravenționale, aplicarea și executarea sancțiunilor contravenționale, astfel încît să se asigure ordinea de drept, precum și apărarea drepturilor și intereselor legitime ale persoanelor [3, p. 16].

Odată cu intrarea în vigoare a Codului contravențional al Republicii Moldova (31 mai 2009), este definită noțiunea de proces contravențional, reglementată în art. 374, care prevede că: „Procesul contravențional reprezintă totalitatea de norme din prezentul cod care reglementează procedura contra-

vențională” [1, art. 374 alin. (1) - (2)].

Din definiția procesului contravențional putem distinge următoarele trăsături ale procedurii contravenționale:

- în primul rînd, procedura contravențională este o totalitate de norme juridice procesuale ce conțin reguli de aplicare a normelor materiale ale dreptului contravențional;

- în al doilea rînd, normele juridice se aplică numai în caz de apariție a raporturilor juridice generale de fapta contravențională comisă;

- în al treilea rînd, procedura contravențională presupune o activitate a organelor abilitate privind: prevenirea, curmarea sau constatarea faptei contravenționale, examinarea cazului contravențional și emiterea deciziei asupra cazului, atacarea deciziei și revizuirea cazului, punerea în executare a deciziei privind aplicarea sancțiunii contravenționale;

- în al patrulea rînd, afit conținutul acestei activități, cît și organele abilitate să examineze cazul și să emită decizia asupra cazului, alte părți ale procedurii contravenționale sînt strict stabilite de legislația contravențională în vigoare;

- în al cincilea rînd, procedura contravențională are ca scop și reeducarea contravenientului, constatarea cauzelor și condițiilor în care s-a comis contravenția.

Ne atașăm opiniei expuse de prof. V. Guțuleac, care definește mai larg noțiunea procedurii contravenționale. Astfel, în opinia profesorului, *procedura contravențională* este o formă de manifestare a procesului contravențional care este o totalitate de norme juridice procesuale, ce constituie mecanismul de realizare a normelor materiale ale dreptului contravențional, prin care sînt protejate valorile sociale din domeniul combaterii contravenționalității, activitatea executivă a organelor abilitate, reglementată de legislația în vigoare, privind prevenirea și curmarea de contravenții, constatarea și examinarea faptei contravenționale, aplicarea sancțiunilor contravenționale și executarea deciziilor respective, resocializarea contravenientului și stabilirea cauzelor și condițiilor care favorizează comiterea de noi contravenții [5, p. 208].

În continuare, precizăm că procedura contravențională are scopul de elaborare a unui mecanism bine chibzuit, legitim de realizare a normelor materiale ale dreptului contravențional privind aplicarea corectă a măsurilor de constrîngere statală, inclusiv a sancțiunilor contravenționale pentru

asigurarea executării deciziilor și de aplicare a pedepsei contravenționale.

Procedura contravențională are ca scop și soluționarea completă și obiectivă a cazului contravențional, astfel încît persoana vinovată să fie sancționată conform legii în vigoare și nicio persoană să nu fie sancționată pe nedrept, adică să nu se încalce legea și aplicarea ei corectă, fapta contravențională comisă trebuie încadrată juridic corect, încît să nu se ajungă la sancționarea persoanei care în realitate nu a comis o faptă contravențională.

Scopurile procedurii contravenționale, în știința juridică, mai sînt definite ca sarcini, deci de aici rezultă că procedura are anumite sarcini. Codul cu privire la contravențiile administrative din 29.03.1985 (art. 232) stipula că sarcinile procedurii în cazurile cu privire la contravențiile administrative sînt: „clarificarea la timp, sub toate aspectele, deplină și obiectivă a împrejurărilor fiecărui caz; soluționarea lui în strictă conformitate cu legislația; asigurarea îndeplinirii hotărîrii adoptate; stabilirea cauzelor și condițiilor care au condus la comiterea contravențiilor administrative; prevenirea contravențiilor; educarea cetățenilor în spiritul respectării legilor, întăririi legalității” [2, art. 232].

Potrivit legislației în vigoare, putem distinge următoarele sarcini ale procedurii contravenționale:

- clarificarea la timp, sub toate aspectele, deplină și obiectivă a împrejurărilor fiecărui caz;

- soluționarea cazului contravențional în strictă conformitate cu legislația în vigoare;

- asigurarea executării hotărîrii adoptate privind aplicarea sancțiunilor contravenționale;

- stabilirea cauzelor și condițiilor care favorizează comiterea contravențiilor;

- prevenirea contravențiilor;

- educarea cetățenilor în spiritul respectării legilor, al întăririi legalității [1, art. 1; 2].

Aceste sarcini contribuie nemijlocit la atingerea scopului procedurii contravenționale.

Le vom examina succint pe fiecare.

Clarificarea la timp a împrejurărilor fiecărui caz înseamnă, în primul rînd, respectarea termenelor prevăzute în art. 30, 34, 36, 450, 453, 454, 468, 469, 475, 478 din Codul contravențional al RM.

Clarificarea deplină și obiectivă a împrejurărilor fiecărui caz înseamnă că în procesul constatării faptei comise și al cercetării cazului, în baza

probelor acumulate, respectând strict principiile de bază ale dreptului contravențional și ale procedurii contravenționale, este necesar să se stabilească: a fost sau nu încălcată norma materială a dreptului contravențional; vinovăția făptuitorului; făptuitorul este sau nu subiect al răspunderii contravenționale; circumstanțele agravante și cele atenuante ale faptei.

Soluționarea cazului în strictă conformitate cu legislația în vigoare înseamnă că pe lângă cercetarea corectă și sub toate aspectele a cazului contravențional, decizia cu privire la aplicarea sancțiunii contravenționale trebuie să fie adoptată în strictă corespundere cu cerințele legislației în vigoare, iar tipul și severitatea sancțiunii contravenționale aplicate trebuie să corespundă gradului de pericol social al faptei comise.

Asigurarea executării hotărârii adoptate este o sarcină de bază a procedurii contravenționale. Sancțiunea contravențională își va atinge scopul doar dacă hotărârea respectivă este luată la timp și pe deplin executată. Pentru ca această sarcină să fie realizată, este necesar, în primul rând, anunțarea la timp a deciziei asupra cazului și înmînarea copieii de pe decizie în decurs de 3 zile; în al doilea rând, respectarea prescripției de executare a deciziilor cu privire la aplicarea sancțiunilor contravenționale.

Stabilirea cauzelor și condițiilor care favorizează comiterea contravențiilor, ca sarcină a procedurii contravenționale, asigură efectuarea profilaxiei generale a contravenționalității și prevenirea altor contravenții. Potrivit Codului contravențional, procurorul, agentul constator, la stabilirea pedepsei, determină cauzele și condițiile care au favorizat săvârșirea contravenției, și, în caz de necesitate, sesizează autoritatea respectivă sau persoana cu funcție de răspundere. În decurs de 30 de zile, persoana cu funcție de răspundere sesizează, în modul stabilit de lege, informează instanța de judecată, procurorul sau agentul constator despre măsurile întreprinse.

Sarcinile procedurii contravenționale, practic, determină și fazele ei. Potrivit opiniei împărțite de majoritatea autorilor din domeniu, procedura contravențională poate fi divizată în următoarele faze:

- constatarea faptei contravenționale, pornirea procesului contravențional și cercetarea cazului;
- examinarea cauzei și emiterea deciziei la caz;

- atacarea deciziei emise și reexaminarea ei, după caz;

- executarea deciziei (hotărârii) privind aplicarea sancțiunii contravenționale;

- reeducarea contravenientului, precum și lichidarea cauzelor și condițiilor ce favorizează comiterea de contravenții [5, p. 261-264].

Concluzii. În scopul aplicării corecte și legale a sancțiunii contravenționale, ca formă de constrângere statală pentru contravenția comisă cu vinovăție, este necesară nu numai determinarea corectă a normei materiale încălcate (incadrarea juridică a faptei comise), ci și respectarea strictă a procedurii respective.

Sancțiunea contravențională va fi aplicată legal numai în cazul în care vor fi respectate următoarele prevederi ale procedurii contravenționale:

- să fim în prezența conținutului constitutiv al contravenției comise (obiectul, latura obiectivă, subiectul, latura subiectivă);

- examinarea cauzei și emiterea deciziei (hotărârii) de aplicare a sancțiunii contravenționale să fie efectuată de către organul împuternicit (art. 393 CC al RM);

- să fie aplicată o pedeapsă contravențională prevăzută de lege (art. 32 CC al RM) și în limitele sancțiunii contravenției comise;

- decizia privind aplicarea sancțiunii contravenționale să fie emisă (adoptată) în limitele termenului de prescripție (art. 30 CC al RM);

- la emiterea deciziei să fie luate în considerație circumstanțele stipulate în art. 41-46 din Codul contravențional al RM.

Recenzent:

Victor GUȚULEAC,
dr., prof. univ.

Referințe bibliografice

Surse în limba română

1. *Codul contravențional al Republicii Moldova*, adoptat prin Legea nr. 218-XVI din 24.10.2008. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 3-6/15 din 16.01.2009.

2. *Codul cu privire la contravențiile administrative al Republicii Moldova*, adoptat la 29. 03. 1985. În: *Veștile Sovietului Suprem și ale Guvernului RSSM*, nr. 3 din 1985, art. 47 (abrogat).

3. Furdul S. *Procedura în cazurile cu privire la contravențiile administrative*. Chișinău: Editura Centru de Drept, 2000.

4. Furdul S. *Dreptul contravențional*. Manual. Chișinău: Cartier Juridic, 2005.

5. Guțuleac V. *Tratat de drept contravențional*. Chișinău: „Tipografia Centrală”, 2009.

6. Țiclea Al., Tărăcilă I. D., Stan I. *Răspunderea contravențională: Teorie. Practică judiciară*. Îndrumar de constatare și sancționare a contravențiilor. Legislație. Ed. rev. și adăug. București: Atlas Lex, 1996.

7. Vrabie C. *Teoria generală a dreptului*. Iași, 1993.

Surse în limba rusă

8. Бахрах Д. Н., Ренов Э. Н. *Производство по делам об административных правонарушениях*. Москва: Знание, 1989.

9. Гуцуляк В. И. *Административное право Республики Молдова: Учеб. для юридических вузов и фак.* Chișinău: "Elena V. I." SRL, 2007.

10. Дёмин А. А. *Понятие административного процесса и административно-процессуальный кодекс РФ*. В: Государство и право, 1998.

11. Киялханова Н. Ш. *Административно-процессуальное право*. Москва: Юнити-Дана, Закон и право, 2004.

12. Корнев А. П. *Административное право России*. Учеб., ч. 1. Москва: МЮД МВД России, 1996.

13. Лория В. А. *Административный процесс и его код*. Тбилиси, 1986.

14. Салищева Н. Г. *Административный процесс в СССР*. Москва: Юридическая литература, 1964.

15. Сорокин В. Д. *Административно-процессуальное право*. Москва: Юридическая литература, 1972.

ASPECTE EVOLUTIV-CONCEPTUALE ALE DATORIEI PUBLICE

Ion RĂILEANU,
doctorand, ULIM

RESUMÉ

La dette publique est l'ensemble des obligations de l'Etat contractées par contrats d'emprunt. À travers le temps, les emprunts ont eu des différents buts d'utilisation. Le besoin d'emprunts a été déterminée par les nécessités économique de l'etat. En Moldavie, les emprunts sont réglementés par la Loi nr. 419-XVI de 22.12.2006 sur la dette publique, garantie de l'État et le refinancement.

Mots-clés: dette publique, emprunt, emprunt publique, crédit public, budget public.

REZUMAT

Datoria publică constituie totalitatea obligațiilor statului asumate prin contracte de împrumut. De-a lungul timpului, împrumuturile au avut diferite scopuri de utilizare. Nevoia împrumuturilor a fost determinată de necesitățile economice ale statului. În Republica Moldova, împrumuturile sînt reglementate prin Legea nr. 419-XVI din 22.12.2006 cu privire la datoria publică, garanția de stat și recreditarea.

Cuvinte-cheie: datorie publică, împrumut, împrumut public, credit public, buget public.

Introducere. *Datoria publică*, după cum se susține în literatura de specialitate, reprezintă „totalitatea obligațiilor pecuniare la un moment dat, rezultate din împrumuturi interne și externe, pe termen mediu sau lung, contractate de stat în nume propriu sau garantate de acesta” [1, p. 179].

Actualitatea studierii temei date se desprinde din faptul că, fiind o resursă extraordinară la care apelează statul și unitățile administrativ-teritoriale, în prezent datoria publică constituie unul din motivele care determină cheltuielile și deficitul bugetar în statele contemporane.

În literatura de specialitate, datoria publică mai este înțilnită sub termenii de „împrumut public” sau „credit public”. Cu alte cuvinte, creditul public reprezintă mijloacele bănești împrumutate de către stat pe un anumit termen, în vederea acoperirii unor nevoi sau necesități de importanță națională sau locală.

Scopul studiului constă în identificarea aspectelor evolutiv-conceptuale ale datoriei publice, împrumutului public, a primelor forme de împrumut la nivel de stat.

Rezultate obținute și discuții. De-a lungul istoriei, fenomenul de creditare la nivel de stat a fost înregistrat mai întâi în țările cu o economie mai dezvoltată. De facto, creditarea ca fenomen își are originile în relațiile dintre persoanele fizice, ca urmare a unui contract de vânzare-cumpărare sau de schimb. O dată precisă privind apariția datoriei publice nu se cunoaște, însă istoria a înregistrat date despre creditare la nivel internațional în sec. XVIII.

După cum susțin autorii ruși, în Rusia istoria creditului public a început încă în anul 1769, când Ecaterina a II-a a făcut primul său împrumut în Olanda. Principalul creditor al Rusiei

în acel timp a fost Casa bancherilor olandezi „Gope și Co”. Împrumutul contractat atunci a fost conceput pentru acoperirea cheltuielilor militare ale flotei ruse din Marea Mediterană, precum și pentru consolidarea influenței ruse în Polonia. Împrumutul de la 1769 a marcat începutul creșterii datoriei Rusiei [9].

În ce privește SUA, anii '20 ai sec. XX a fost timpul în care s-a format societatea de consum. Producătorii de bunuri îndemneau cumpărătorii să cumpere și să cumpere tot mai mult, în asemenea condiții s-a dezvoltat o reclamă modernă. Producătorii aplicau toate metodele posibile pentru ca clientul să nu economisească banii, ci, din contra, să-i cheltuiască. Cei care nu dispuneau de bani pentru cumpărarea bunurilor, beneficiarii de dreptul de achitare în rate. Astfel a apărut noțiunea de „viață în credit”. O parte din profiturile monopolurilor s-au transformat în valori mobiliare, care au absorbit veniturile nerepartizate. Acțiunile aveau o anumită valoare pentru că se cumpărau și din vânzarea lor puteau fi obținute cîștiguri. În țară se propaga ideea precum că valorile mobiliare (acțiunile) constituie o cale ușoară spre îmbogățire. Președintele Comitetului de Finanțe „General Motors”, J. Reskob, afirma că dacă pe zi se economisesc 15 dolari pentru cumpărarea de acțiuni, atunci peste 20 de ani va fi posibil de a salva un capital în valoare de 80 000 dolari. Deținătorii de valori mobiliare în mod activ împrumutau bani, intrînd astfel în datorii uriașe [10].

În țările europene, fenomenul creditării s-a răspîndit odată cu dezvoltarea economică. În epoca Renașterii, împrumuturile au fost deja complet reglementate. Au apărut primele bănci comerciale – profesioniștii ai pieței de creditare. Puterea de stat n-a mai

interzis operațiunile cu datorii, ci din contra a încercat să le reglementeze. De exemplu, în Marea Britanie, în 1545 rata maximă anuală era de 10%. Aceasta a scăzut treptat: în 1624 – pînă la 8%, iar în 1652 – pînă la 6%. În mod analogic au procedat și alte state, de exemplu Franța și Olanda.

Principalul motiv care a determinat preocuparea față de debitori a fost faptul că împrumuturile și-au schimbat destinația: de regulă, ele erau folosite pentru cumpărarea obiectelor de lux sau pentru desfășurarea de războaie civile.

În istoria modernă, originea creditării este revoluția industrială. În această perioadă au apărut primele bănci și rețele de sucursale. Acest fenomen a fost cauzat de dezvoltarea rapidă a producției și comerțului [11].

În Republica Moldova, date istorice privind operațiuni legate de împrumuturi sunt atestate încă pe timpul lui Ștefan cel Mare. „Negustorii moldoveni făceau afaceri și peste hotare, în special la Liov și Transilvania, aveau și afaceri cămătărești, împrumuturile fiind deseori garantate prin garanții reale – case, moșii sau alte bunuri – și garanții personale, prin chezași, negustori cunoscuți cu reputație bună. Chestiuni privitoare la datorii și chezași sînt cunoscute din corespondența pîrgarilor moldoveni cu cei din Bistrița. Astfel, în aprilie 1481, măcelarului sucevean Peterman, care se constituie chezaș pentru datoria pe care pielarul bistrițean Baltasar o avea față de suceveanul Sahac, îi sînt poprite casa și averea pentru neplata datoriei” [3, p. 6].

În prezent, sediul datoriei publice în Republica Moldova se conține în mai multe acte normative.

Constituția Republicii Moldova, la art. 66 lit. i), menționează că una dintre atribuțiile Parlamentului este

cea de exercitare a controlului asupra acordării împrumuturilor de stat, asupra ajutorului economic și de altă natură acordat unor state străine, asupra încheierii acordurilor privind împrumuturile și creditele de stat din surse străine [5].

La fel, împrumutul este reglementat și de prevederile art. 129 alin. 1 și art. 131 alin. 4 din Constituția RM. Textele articolului 129 alin. 1 menționează despre aprobarea de către Parlament a direcțiilor principale ale activității economice externe, principiile utilizării împrumuturilor și creditelor străine, iar art. 131 alin. 4 indică despre obligația Guvernului de aprobare a majorării sau reducerii veniturilor bugetare sau a împrumuturilor, precum și aprobarea majorării sau reducerii cheltuielilor bugetare, pînă la înaintarea propunerii legislative sau amendamentului la lege.

Conform art. 2 din Legea 419-XVI din 22.12.2006 cu privire la datoria publică, garanțiile de stat și recreditarea de stat, datoric de stat constituie obligațiile contractuale pecuniare curente și scadente ale statului și dobînzile datorate și neonorate, aparute din calitatea statului de debitor sau fidejutor, fiind contractate, în numele Republicii Moldova, de Guvern, prin intermediul Ministerului Finanțelor, în monedă națională sau în valută străină [6].

Legea nr. 249 din 02.11.2012 cu privire la bugetul de stat pe anul 2013, la art. 20 lit. i) și k), indică următoarele:

„Ministerul Finanțelor se autorizează:

i) să contracteze, pe parcursul anului bugetar, împrumuturi interne pe piața valorilor mobiliare de stat peste limitele prevăzute de bugetul de stat, cu scadență în anul 2013, pentru acoperirea decalajului temporar de casă al bugetului de stat;

k) să recrediteze, din contul împrumuturilor externe, autoritățile administrației publice ale raioanelor, ale municipiilor Chișinău și Bălți, ale unității teritoriale autonome Găgăuzia, drept garanție de rambursare servind defalcările sumelor din veniturile generale de stat la bugetele unităților administrativ-teritoriale și transferurile din fondul de susținere financiară a unităților administrativ-teritoriale” [7].

Din cele expuse mai sus, se observă faptul că bugetul public al Republicii Moldova este determinat, în mare parte, de împrumuturi atât interne, cât și externe. De asemenea, procedura contractării împrumuturilor are loc numai după votarea de către Parlament a

proiectului de lege, Guvernului revenindu-i inițiativa în desfășurarea operațiunilor prealabile.

Autorul român V. Iancu, descriind teoria și practica împrumutului public, tratează creditul public ca fiind o metodă de acoperire a deficitelor bugetare. În opinia acestui autor, „creditul public reprezintă o convenție încheiată între persoane fizice și juridice române, instituții și organisme financiar-bancare internaționale în calitate de creditori și stat în calitate de debitor, prin care prima parte pune la dispoziția statului o sumă de bani, cu titlul de împrumut, iar statul se obligă să o restituie, în condițiile convenite, plătind și o anumită sumă de bani pentru utilizarea împrumutului” [1, p. 178].

Din această definiție se desprinde avantajul împrumutului public de consolidare a patrimoniului statului, ca urmare a utilizării în folos public a sumelor de bani împrumutate.

Pe lângă acest avantaj, împrumutul public are însă și dezavantaje, cum ar fi angajarea generațiilor pe viitoare în cazul împrumuturilor pe termen lung și reducerea capitalului particular circulant în economie.

La nivel local, în Republica Moldova împrumuturile de stat conțin reglementări și în Legea nr. 397 din 16.10.2003 privind finanțele publice locale. Articolul 1 din lege definește împrumutul ca fiind „mijloace financiare rambursabile, acordate pe un anumit termen (scadență), cu calcularea, de regulă, a unei dobînzii, cu respectarea prevederilor legale” [8].

La fel, art. 15 alin. 1 privind finanțele publice locale stipulează că „împrumutul reprezintă o obligație care urmează a fi onorată din veniturile bugetului unității administrativ-teritoriale respective, în conformitate cu clauzele contractului de împrumut”, iar la art. 13 și 14 sînt prevăzute împrumuturile pentru cheltuieli curente și cele pentru cheltuieli de capital [8].

Atît legislația actuală a Republicii Moldova, cît și literatura de specialitate divizează împrumuturile publice în împrumuturi *interne* și *externe*. Clasificarea acestora este în funcție de locul sau sediul unde se află creditorul (împrumutătorul). Împrumutul public intern este acel împrumut de stat contractat de la cetățenii autohtoni sau de alți deținători interni de disponibilități bănești [2, p. 131].

Datoria publică externă sau împrumuturile externe reprezintă împrumuturile pe termen mediu sau lung, contractate direct sau de către societățile comerciale, societățile naționale și

autoritățile publice locale cu garanția statului [1, p. 179].

În opinia autorului autohton Armeanic A., „împrumuturile de stat, interne și externe, s-au dezvoltat ca o componentă structurală a dreptului financiar contemporan, cu particularități diferite de ale creditului particular, fiind determinate, de cele mai multe ori, de necesitatea completării veniturilor publice ordinare, precum și de cea a constituirii unor resurse investiționale subordonate interesului public” [4, p. 10].

Spre deosebire de secolele trecute, în care domnitorii contractau împrumuturi pentru stat, în prezent autoritatea responsabilă de contractarea împrumuturilor este Guvernul Republicii Moldova.

Conform art. 3 alin. 1 lit. a) din Legea nr. 419 din 22.12.2006 cu privire la datoria publică, garanțiile de stat și recreditarea de stat, „Guvernul, în persoana Ministerului Finanțelor, este autorizat să contracteze împrumuturi de stat, interne și externe, în monedă națională sau în orice valută străină” [6]. Alin. 2 al articolului numit menționează că Parlamentul aprobă contractele de împrumut externe și hotărârile de acordare a garanțiilor de stat. Art. 4 instituie acțiunile Ministerului Finanțelor în vederea administrării datoriei de stat și a garanțiilor de stat.

Astfel, datoria de stat și garanțiile de stat sînt administrate de Ministerul Finanțelor. În acest scop, Ministerul Finanțelor:

a) elaborează Programul anual al împrumuturilor de stat, în care se includ toate împrumuturile de stat interne și externe care urmează a fi contractate, precum și cele care au fost contractate în trecut și sînt în vigoare la momentul elaborării Programului, care este parte componentă a cadrului de cheltuieli pe termen mediu, și stabilește obiectivele de împrumut în funcție de capacitatea de deservire a datoriei de stat;

b) evaluează condițiile financiare ale împrumuturilor și/sau ale emiterii valorilor mobiliare de stat;

c) examinează condițiile contractelor privind împrumuturile de stat și garanțiile de stat, evaluează posibilitățile de împrumut și condițiile de finanțare pe piețele internaționale;

d) analizează oportunitățile și condițiile de contractare a mijloacelor necesare pentru dezvoltarea țării și pentru refinanțarea datoriei de stat și supraveghează ca impactul net al noului împrumut să nu depășească limitele datoriei de stat, stabilite în legea bugetului de stat pe anul respectiv;

e) pregătește și înaintează Guvernului proiectele de acte legislative și normative necesare pentru îndeplinirea obligațiilor și atribuțiilor de administrare a datoriei de stat și a garanțiilor de stat;

f) efectuează emisiunea primară a valorilor mobiliare de stat pe piețele financiare internă și externă;

g) determină volumul total al valorilor mobiliare care vor fi emise pe parcursul anului bugetar pentru plasare pe piețele financiare internă și externă, în limitele stabilite de legea bugetului de stat pe anul respectiv, și propune modificări la aceste limite în funcție de necesitățile financiare și de situația pe piețele financiare;

h) determină planul plasării interne și externe a valorilor mobiliare de stat la începutul fiecărui an bugetar, precum și modifică acest plan în funcție de necesități;

i) coordonează cu instituțiile financiare specializate emiterea valorilor mobiliare de stat care vor fi plasate pe piețele externe;

j) acumulează informația și monitorizează situația cu privire la datoria publică;

k) evaluează situația privind datoria de stat și determină necesitatea căutării unor noi forme de reducere a datoriei, inclusiv restructurarea, refinanțarea, operațiunile de răscumpărare, swap și scutirea de plată a datoriei, precum și implementează aceste forme în limitele drepturilor prevăzute de prezenta lege;

l) evaluează riscurile legate de schimbul valutei străine și de rata dobânzii în privința datoriei de stat;

m) primește, analizează și înaintează Guvernului recomandări în privința tuturor cererilor de emitere a garanțiilor de stat, ține evidența garanțiilor de stat;

n) comunică și coordonează chestiunile referitoare la administrarea datoriei de stat cu instituțiile financiare internaționale, agențiile guvernamentale, băncile străine și orice creditori interni sau externi;

o) reprezintă Guvernul în chestiunile referitoare la administrarea datoriei publice;

p) colaborează cu agențiile de evaluare (rating) pentru calcularea riscului de țară pentru Republica Moldova.

Este de remarcat faptul că la nivel internațional, precum și în relațiile reglementate de normele dreptului civil ale Republicii Moldova, acordarea împrumuturilor are loc numai după încheierea unor contracte de împrumut.

Conform art. 5 din Legea nr. 419 din 22.12.2006 cu privire la datoria publică, garanțiile de stat și recreditarea de stat, contractarea împrumutului pentru persoanele juridice finanțate din bugetul de stat impune o procedură prealabilă în care ministerele, alte autorități ale administrației publice centrale și instituțiile publice finanțate, integral sau parțial, de la bugetul de stat sînt obligate mai întîi să depună la Ministerul Finanțelor o cerere pentru solicitarea finanțării. Cererea urmează să cuprindă:

a) scopul pentru care sînt solicitate mijloacele;

b) modalitatea de utilizare a mijloacelor solicitate și rezultatele scontate;

c) evaluarea necesităților de finanțare;

d) sursa de obținere a mijloacelor solicitate, dacă această informație este disponibilă.

Guvernul mai are și sarcina aprobării sau respingerii cererii de finanțare a persoanelor juridice enumerate de art. 5 din Legea citată.

Plafoanele datoriei de stat, inclusiv ale datoriei de stat interne, și externe, precum și plafoanele garanțiilor de stat, la o dată anumită, sînt stabilite de legea bugetului de stat [6, art. 6].

Avînd atribuții de gestiune a datoriei publice, Ministerul Finanțelor al Republicii Moldova monitorizează datoria de stat prin consemnarea în registrul de stat privind datoria de stat, în baza rapoartelor și datelor statistice despre cifra împrumuturilor.

În cazul neonorării obligațiunilor asumate prin contractul de împrumut sau al nefolosirii mijloacelor bănești împrumutate conform destinației stabilite la contractare, Ministerul Finanțelor, direct sau prin intermediul Inspectoratului Fiscal Principal de Stat, este împuternicit să suspende pe cale extrajudiciară operațiunile bancare, să sechestreze și să perceapă în mod incontestabil mijloacele datorate din conturile bancare ale acestor beneficiari de mijloace din împrumuturi de stat și/sau de garanții de stat, conform procedurii stabilite de legislația în vigoare [6, art. 10].

Concluzii. Este de menționat faptul că odată cu dezvoltarea vieții economice, de-a lungul istoriei, împrumuturile de stat au avut destinații de utilizare diferite. Dacă în trecut împrumuturile de stat erau contractate pentru necesitățile curente și acoperirea cheltuielilor de război, astăzi țările utilizează împrumuturile de stat în alte scopuri.

În Republica Moldova, acordarea împrumuturilor de stat, conform Legii 419 din 22.12.2006 cu privire la datoria publică, garanțiile de stat și recreditarea de stat, are loc pentru:

a) sprijinirea dezvoltării economiei țării și activității investiționale;

b) promovarea exporturilor;

c) crearea de noi locuri de muncă și îmbunătățirea condițiilor sociale și ecologice în țară;

d) lichidarea consecințelor calamităților naturale și ale altor situații excepționale;

e) rambursarea prealabilă, rambursarea, refinanțarea și restructurarea obligațiilor existente și a garanțiilor;

f) finanțarea deficitului bugetar și acoperirea necesităților decalajului de casă pe termen scurt al Trezoreriei de Stat.

Referințe bibliografice

1. Iancu V. *Dreptul finanțelor publice*. București: Editura Sylvi, 2002.
2. Mînea M., Costaș C. *Dreptul finanțelor publice*, vol. I, *Drept financiar*, Editura Sfera juridică, 2006.
3. Aramă E. *500 de ani de la trecerea în eternitate a lui Ștefan cel Mare – ilustru șef de stat, legiuitor și judecător*. În: *Dreptul*, 2004, nr. 9, p. 6.
4. Armeanic A. *Sistemul bugetar – parte componentă a conceptului financiar*. În: *Legea și viața*, 2006, nr. 3, p. 10.
5. *Constituția Republicii Moldova adoptată la 29.07.1994*. În: MO al RM, 1994, nr. 1.
6. *Legea nr. 419-XVI din 22.12.2006 cu privire la datoria publică, garanțiile de stat și recreditarea de stat*, Publicată la 09.03.2007 în Monitorul Oficial, nr. 32-35, art. 114. Data intrării în vigoare: 09.09.2007.
7. *Legea nr. 249 din 02.11.2012 cu privire la bugetul de stat pe anul 2013*. Publicată la 21.12.2012 în Monitorul Oficial, nr. 263-269, art. 853.
8. *Legea nr. 397 din 16.10.2003 privind finanțele publice locale*. Publicată la 19.12.2003 în Monitorul Oficial nr. 248-253, art. 996.
9. http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=1558&n=84.
10. http://ru.wikipedia.org/wiki/История_США.
11. http://www.banki.ru/wikibank/istoriya_kredita/.

OBIECTUL ACȚIUNII CIVILE ÎN PROCESUL PENAL

Elena BUGUȚA,
doctorandă

SUMMARY

An offense can produce, in addition to socially dangerous consequences, a material or moral damage harmful to an individual or legal entity, where the offense is a source of certain civil obligations. The legal means by which the victim who has been caused a material damage requires to repair this damage is deemed a civil action.

The civil action in a criminal proceeding has its source in the commitment of the offence. Thus, since by the same offense there have been violated both the rules of criminal law and the rules of the civil law, there are legal grounds that the act would involve both criminal liability and civil liability.

Keywords: civil action, criminal proceedings, criminal prosecution, criminal case, accused, injured party, civil party, damage.

REZUMAT

Săvârșirea unei infracțiuni poate să producă, pe lângă urmări socialmente periculoase, și un prejudiciu material sau moral în dauna unei persoane fizice sau juridice, caz în care infracțiunea este sursa unor obligații civile. Mijlocul legal prin care persoana păgubită material cere să-i fie reparat prejudiciul cauzat este *acțiunea civilă*.

Acțiunea civilă în procesul penal își are izvorul în săvârșirea infracțiunii. Întrucât prin aceeași faptă s-a încălcat atât norma de drept penal, cât și norma de drept civil, există temeuri juridice ca fapta să atragă atât răspunderea penală, cât și răspunderea civilă.

Cuvinte-cheie: acțiune civilă, proces penal, urmărire penală, cauză penală, inculpat, parte vătămată, parte civilă, prejudiciu.

Introducere. Acțiunea civilă are ca obiect tragerea la răspundere civilă a inculpatului, precum și a părții responsabile civilmente. Tragerea la răspundere civilă a subiecților menționați se concretizează în obligarea lor la repararea pagubei pricinuite prin infracțiune.

Potrivit părerii autorului român Petre Buneci, obiectul acțiunii civile îl constituie tragerea la răspundere civilă delictuală a inculpatului și a părții civilmente responsabile [3, p. 43].

Ca natură juridică, răspunderea civilă delictuală este o sancțiune specifică dreptului civil, ce nu are caracter de pedeapsă. Spre deosebire de pedepse, care au întotdeauna un caracter personal, răspunderea civilă delictuală „este o sancțiune civilă care se aplică nu atât în considerarea persoanei care a săvârșit fapta ilicită cauzatoare de prejudicii, cât în considerarea patrimoniului său” [13, p. 301].

Tragerea la răspundere civilă a celor arătați se realizează prin obligarea lor la repararea pagubei provocate prin infracțiune, acesta fiind și scopul exercitării acțiunii civile de către partea civilă, anume obținerea reparării prejudiciului suferit [4, p. 350].

Potrivit art. 1398 Cod civil, „cel care acționează față de altul în mod ilicit, cu vinovăție este obligat să repare prejudiciul patrimonial, iar în cazurile prevăzute de lege, și prejudiciul moral cauzat prin acțiune sau omisiune” [1]. Acesta constituie temeiul juridic al răspunderii civile delictuale pentru fapra proprie.

Prejudiciul se definește ca fiind rezultatul săvârșirii unei fapte ilicite, im-

pactul negativ al acestuia asupra unui subiect de drept. Constituie prejudiciu, spre exemplu, diminuarea valorii unei clădiri, ca urmare a unui incendiu, vătămarea corporală a unei persoane contaminarea de o boală etc. [13, p. 304].

După cum este sau nu este susceptibil de evaluare bănească, prejudiciul poate avea caracter *material* sau *moral*.

Delictul civil, așadar, este suportul exercitării acțiunii civile în procesul penal, iar partea responsabilă civilmente și inculpatul pot fi acționați numai în raport de nerespectare a obligațiilor civile care au decurs din producerea prejudiciului cauzat prin infracțiune.

Conținutul de bază. Obiectul acțiunii civile are, deci, un caracter reparator [3, p. 43]. Alin. (2) al art. 219 CPP stabilește că repararea prejudiciului se efectuează prin:

1. Restituirea în natură a obiectelor sau a contravalorii bunurilor pierdute ori nimicite în urma săvârșirii faptei interzise de legea penală.

2. Compensarea cheltuielilor pentru procurarea bunurilor pierdute ori nimicite sau restabilirea calității, aspectului comercial, precum și repararea bunurilor deteriorate;

3. Compensarea venitului ratat în urma acțiunilor interzise de legea penală;

4. Repararea prejudiciului moral sau, după caz, a daunei aduse reputației profesionale.

1) Restituirea în natură a obiectelor sau a contravalorii bunurilor pierdute ori nimicite în urma săvârșirii faptei interzise de legea penală

Repararea pagubei se face, potrivit legii civile, în natură prin:

- a) restituirea lucrului;
- b) restabilirea situației anterioare săvârșirii infracțiunii;
- c) desființarea totală sau parțială a unui înscris;
- d) prin orice alt mijloc de reparare în natură [6, p. 39].

Repararea în natură a pagubei cauzate prin infracțiune. Restituirea în natură a obiectelor sau a contravalorii bunurilor pierdute ori nimicite în urma săvârșirii faptei interzise de legea penală constă în restituirea lucrului de care a fost deposedată partea civilă, deci un bun anume determinat, individualizat, cert, și nu unul asemănător. Este posibil ca partea civilă să accepte restituirea și a altui bun în locul celui de care a fost deposedată. În asemenea situație, este vorba despre *restituirea prin echivalent*.

Restituirea lucrului se face ori de câte ori acesta este găsit la învinuit, inculpat ori la altă persoană. În asemenea situații, organul de urmărire penală este obligat, în momentul descoperirii, de a ridica bunurile și de a le sechestra. Dacă s-a stabilit cu certitudine că bunul aparține părții civile și a ajuns prin infracțiune în posesia învinuitului, inculpatului sau a altor persoane, acesta poate fi restituit până la soluționarea în fond a cauzei. Lucrurile pot fi restituite nu numai părții civile, dar și altor persoane, dacă se constată că le aparțin acestora. Astfel, măsura restituirii lucrurilor este o măsură cu caracter real și vremelnic de reparare imediată și în natură a pagubei [4, p. 351].

În cazul în care repararea în natură nu este cu putință, inculpatul și partea

responsabilă civilmente pot fi obligați la plata unei despăgubiri bănești.

Prin dauna produsă prin infracțiune se înțelege atât paguba reală suferită de partea civilă, cât și folosul sau câștigul de care aceasta a fost lipsită prin infracțiune. Câștigul nerealizat trebuie să fie urmarea directă a săvârșirii infracțiunii și să nu se datoreze unor cauze neimputabile inculpatului.

Restituirea lucrurilor poate fi dispusă atât de către organele de urmărire penală, cât și de către instanța de judecată. Când restituirea lucrurilor are caracterul unei măsuri procesuale de reparare vremelnică a pagubei produse prin infracțiune, definitivarea restituirii se face prin hotărârea instanței de judecată. Este posibil însă ca restituirea lucrurilor să se facă și prin ordonanța procurorului cu ocazia încetării urmăririi penale sau în cazul anumitor infracțiuni, repararea pagubei în natură poate fi făcută numai prin desființarea totală sau parțială a unui înscris. Astfel, în cazul falsificării unui testament, moștenitorul poate fi repus în drepturile din care a fost decăzut, ca urmare a falsului săvârșit, prin desființarea totală sau parțială a testamentului falsificat [6, p. 40].

Repararea pagubei prin plata unei despăgubiri bănești. Victima are dreptul la o despăgubire integrală, înțelegându-se prin aceasta că trebuie repusă din punct de vedere patrimonial în aceeași situație în care s-a aflat la data producerii prejudiciului. Reparațiunea integrală nu presupune, însă, numai o despăgubire pentru dauna imediată, de înlocuire a valorii economice pierdute. Ea trebuie să includă și un echivalent bănesc al consecințelor patrimoniale directe suferite de pe urma prejudiciului [7, p. 144].

Acțiunea civilă pentru acordarea despăgubirilor cuvenite, ca urmare a prejudiciului suferit, aparține în principiu victimei [7, p. 141].

Repararea pagubei se face prin plata unei despăgubiri bănești, în măsura în care repararea în natură nu este cu putință. Despăgubirea bănească, similară despăgubirii în natură, cuprinde atât suma de bani care acoperă prejudiciul efectiv cauzat, cât și folosul de care a fost lipsită partea civilă [7, p. 40].

În spiritul unei corecte aplicări a legii, în cazul în care inculpatul a fost obligat la plata despăgubirilor reprezentând valoarea integrală a unor bunuri degradate, instanța trebuie să oblige partea civilă să predea inculpatului acele bunuri. Lăsându-se bunurile în patrimoniul părții civile, se creează o situație ce echivalează cu îmbogățirea fără justă cauză.

Pornind de la principiul disponibilității care guvernează materia răspunderii civile, partea civilă determină modalitatea de restituire și, în legătură cu aceasta, ea poate să refuze să primească un bun echivalent, chiar fără a motiva acest lucru. Atunci când se restituie bunul care a aparținut părții civile, acesta fiind deteriorat, instanța poate să oblige inculpatul sau partea civilmente responsabilă să acopere cheltuielile privitor la aducerea bunului în forma inițială, de pînă la comiterea infracțiunii [4, p. 351].

Repararea trebuie să se facă, ori de cîte ori este posibil, în natură și abia atunci cînd aceasta nu este cu putință – prin echivalent, adică prin calculul unor despăgubiri bănești. Aceasta poate consta fie într-o sumă globală, fie în anumite prestații periodice, la care să fie obligat autorul faptei ilicite.

În cazul în care, după acordarea despăgubirilor prin hotărârea judecătorească, se face dovada unor noi prejudicii, avînd drept cauză aceeași faptă ilicită, instanța va putea decide acordarea unor despăgubiri suplimentare, fără a se putea invoca autoritatea de lucru judecat a hotărîrii anterioare [13, p. 305].

Virtual reparațiunea sau despăgubirea sub forma unui drept de creanță se cuvine victimei din momentul în care aceasta a suferit prejudiciul. Determinarea modalității de reparare, în natură sau prin echivalent, precum și stabilirea întinderii despăgubirii se face prin hotărîre judecătorească. Aceasta constată preexistența dreptului victimei, drept care s-a născut odată cu producerea daunei. Totodată stabilește că în pasivul patrimonial al autorului faptului prejudiciabil se înscrie, pe aceeași dată, o obligație de reparație a pagubei produse [7, p. 143].

2) *Compensarea cheltuielilor pentru procurarea bunurilor pierdute ori nimicite sau restabilirea calității, aspectului comercial, precum și repararea bunurilor deteriorate*

Aceasta este o altă modalitate de despăgubire. La examinarea acțiunii civile sînt aplicate normele de drept civil.

Art. 1418 al CC RM stabilește răspunderea pentru prejudiciul cauzat prin vătămarea integrității corporale sau sănătății, iar art. 1419 CC RM prevede răspunderea în caz de deces al persoanei vătămăte.

În ipoteza în care vătămarea integrității corporale sau o altă vătămarea a sănătății are ca efect pierderea sau reducerea capacității de muncă, stabilirea prejudiciului se va face diferit, după cum persoana vătămăte este încadrată în muncă; este majoră, dar neîncadrată

în muncă; este minoră. În cazul în care persoana vătămăte este încadrată în muncă, ea va avea dreptul de a obține diferența dintre veniturile obținute anterior și cele primite după prejudicierea sa. Pentru a determina corect această diferență, este necesar de stabilit venitul lunar al persoanei vătămăte, obținut pînă la vătămarea sănătății.

În situația în care persoana vătămăte era majoră, dar neîncadrată în muncă, la calcularea despăgubirii se va ține cont de evoluția previzibilă și conform așteptărilor raționale a veniturilor ei (alin. (2) al art. 607 CC). Astfel, dacă această persoană are o anumită specialitate, se poate de ținut cont de salariul pe care ea ar fi putut să-l obțină prin angajare. Dacă ea nu are o specialitate, am putea ține cont de valoarea reală a prestațiilor persoanei vătămăte în gospodăria casnică.

Dacă persoana vătămăte era un minor care nu era angajat în muncă, acestuia i se repară cheltuielile de tratament. Ulterior se pot stabili despăgubiri pentru pierderea ori reducerea capacității de muncă a acestei persoane, ținînd cont de posibilitățile angajării ei în cîmpul muncii, de specialitatea dobîndită. Astfel, dacă persoana vătămăte minor s-a încadrat în muncă, iar veniturile astfel realizate sînt mai mici decît cele pe care le-ar fi putut obține dacă nu ar fi intervenit reducerea capacității de muncă, ea poate pretinde diferența respectivă.

Persoana vătămăte are dreptul la repararea cheltuielilor suportate în legătură cu vătămarea sănătății (cheltuieli suplimentare) – de tratament, îngrijire, alimentație suplimentară etc. În situația în care persoana vătămăte a pierdut integral capacitatea profesională de muncă, ea poate pretinde de la autorul prejudiciului cheltuielile legate de reciclarea profesională.

În situația în care persoana vătămăte este asigurată pe linia asigurărilor sociale de ștat, ea va primi pensie de invaliditate. În actuala reglementare, pensia de invaliditate plătită persoanei vătămăte nu are caracter de despăgubire și nu are ca scop repararea prejudiciului, deoarece cuantumul ei depinde de gradul de invaliditate, dar nu de întinderea daunei. În consecință, persoana vătămăte va putea cumula despăgubirea primită de la persoana responsabilă de cauzarea daunei cu pensia de invaliditate, indemnizația sau alte sume plătite pe linia asigurărilor sociale de stat.

Dreptul la repararea prejudiciului în legătură cu pierderea întreținătorului îl au personale inapte de muncă care erau întreținute de defunct la data decesului acestuia (chiar dacă nu aveau dreptul la întreținere din par-

tea acestuia potrivit legii), precum și persoanele inapte de muncă care, deși nu erau întreținute de defunct la data decesului, întruneau condițiile legale pentru a beneficia de întreținere din partea acestuia. De acest drept beneficiază și copilul persoanei decedate, care s-a născut după moartea ei.

3) *Compensarea venitului ratat în urma acțiunilor interzise de legea penală*

Prin dauna produsă prin infracțiune se înțelege atât paguba reală suferită de partea civilă, cât și folosul sau câștigul de care aceeași a fost lipsită prin infracțiune. Folosul sau câștigul nerealizat poate fi acordat atât în cazul în care reparația se face în natură, cât și în cazul în care se face prin plata unui echivalent bănesc. Spre exemplu, în cazul în care reparația s-a făcut prin restituirea lucrului, partea civilă poate cere despăgubiri pentru folosul de care a fost lipsită pentru perioada cât lucrul i-a fost sustras [8, p. 160].

Astfel, victima va trebui despăgubită atât de pierderea patrimonială directă suferită (*damnum emergens*), cât și de beneficiul de care a fost lipsită (*lucrum cessans*) [7, p. 144].

Legislația civilă prevede compensarea venitului ratat, alături de prejudiciul material efectiv și prejudiciul moral.

Alin. (3) al art. 14 CC stabilește că: „Dacă cel care a lezat o persoană într-un drept al ei obține ca urmare venituri, persoana lezată este în drept să ceară, pe lângă repararea prejudiciilor, partea din venit rămasă după reparare” [1].

În art. 610 alin. (2) CC, legislatorul specifică: „ratat se consideră venitul care ar fi fost posibil în condițiile unui comportament normal din partea autorului prejudiciului în împrejurări normale” [1].

Cînd infracțiunea are un caracter continuat, „beneficiul nerealizat ce urmează a fi inclus în cuantumul despăgubirilor trebuie calculat pentru fiecare act infracțional în parte, iar cînd acest lucru nu este posibil, acest beneficiu se va stabili în raport cu ultimul act infracțional, de la data comiterii infracțiunii ori de la data la care infractorul a fost în situația de a nu mai putea comite atare fapte” [3, p. 45].

Stabilirea prejudiciului sub forma venitului ratat se face diferit, după cum vătămarea sănătății n-a avut consecințe de durată sau a avut drept urmare pierderea ori reducerea capacității de muncă. În situația în care vătămarea integrității corporale sau o altă vătămarea a sănătății are efecte de scurtă durată, persoana vătămată va primi diferența dintre veniturile obținute și sumele primite pe durata concediului medical, ori

retribuția de care persoana vătămată a fost lipsită în acest interval de timp.

În cazul sustragerii unor sume de bani, autorul infracțiunii va fi obligat să accepte atât prejudiciul efectiv cauzat, cât și dobînda legală aferentă plătită pe toată durata de timp de la data săvîrșirii infracțiunii și pînă la achitarea sumei datorate.

Cîștigul nerealizat trebuie să fie urmarea directă a săvîrșirii infracțiunii și să nu se datoreze unor cauze neimputabile inculpatului [5, p. 79].

4) *Repararea prejudiciului moral sau, după caz, a daunei aduse reputației profesionale*

Problema reparării daunelor morale constituie una dintre cele mai complexe și controversate probleme din literatura și practica judiciară. Acțiunea civilă poate avea ca obiect și tragerea la răspundere civilă pentru repararea daunelor morale.

Deși prin sine prejudiciul moral nu poate fi reparat, or suferințele produse nu pot fi calculate în bani (adică banii nu sînt în stare să întoarcă suflul sufletească), totuși, acesta poate fi atenuat printr-o compensație care ar oferi persoanei vătămate o oarecare satisfacție pentru suferințele cauzate.

Conform alin. (1) al art. 1422 CC, „În cazul în care persoanei i s-a cauzat un prejudiciu moral (suferințe psihice sau fizice) prin fapte ce atentează la drepturile ei personale nepatrimoniale, precum și în alte cazuri prevăzute de legislație, instanța de judecată are dreptul să oblige persoana responsabilă la reparația prejudiciului prin echivalent bănesc” [1].

O explicație mai detaliată este dată în Hotărîrea Plenului CSJ: „Sub noțiunea de *daună morală* (nepatrimonială) se înțeleg suferințele morale și psihice (de exemplu: jignire, rușine, disperare, defectozitate, indignare, stare de disconfort), pe care le suportă persoana [14].

Drept urmare, conținutul noțiunii de *prejudiciu moral* continuă să fie destul de incert. Acestea sînt „suferințe morale”, „emoții negative”, „reacții psihice negative”, „tulburarea bunăstării psihice, a echilibrului sufletesc al personalității”, „umilinta, iritarea, furia, rușinea, disperarea, starea de disconfort”, „tulburarea emoțională”, în general „orice stare neplăcută în aspect psihologic” [9, p. 82].

Prejudiciul se consideră moral atunci cînd aduce atingere cinstei, reputației și considerației unei persoane. Firește, chiar și în cazul prejudiciului moral, repararea se realizează tot prin despăgubiri bănești, ceea ce face ca, dincolo de admiterea de principiu a

posibilității acoperirii daunelor morale, determinarea, în concret, a cuantumului acestor despăgubiri să nu fie întotdeauna lipsită de dificultăți [13, p. 304].

Alin. (4) al art. 219 CPP constată că la evaluarea cuantumului despăgubirilor materiale, a prejudiciului moral, instanța de judecată ia în considerație suferințele fizice ale victimei, prejudiciul de agrement sau estetic, pierderea speranței de viață, pierderea încrederii în fidelitatea conjugală, pierderea onoarei prin defăimare, suferințele psihice provocate rudelor apropiate etc. După cum se vede, legea nu prevede exhaustiv criteriile de evaluare a cuantumului despăgubirilor morale [4, p. 351].

Clasificarea acceptată de majoritatea autorilor este în funcție de criteriul legăturii acesteia cu vătămările fizice. Astfel, prejudiciile sînt clasificate în:

- prejudicii morale rezultate din leziuni sau vătămări fizice (prejudicii corporale) și
- prejudicii morale independente de orice leziuni fizice (prejudicii afective) [4, p. 352].

Prejudicii morale rezultate din leziuni sau vătămări fizice (prejudicii corporale). În cele mai dese cazuri, leziunile corporale provin din lovituri sau cauzarea unei boli. La pronunțarea hotărîrilor, instanța se întemeiază pe caracteristicile leziunilor descrise de către medici în expertizele medico-legale. Medicul, însă, descrie doar natura leziunilor, durata și intensitatea durerilor, urmînd ca judecătorul să aprecieze pe baza acestor informații gravitatea prejudiciilor și să fixeze cuantumul indemnizației. În acest sens, sarcina probei cauzării prejudiciului moral este pusă în seama victimei. În categoria prejudiciilor morale cauzate de leziuni sau vătămări se includ și prejudiciile morale care constau atât în dureri fizice, cât și în suferințe psihice. Faptele respective sînt descrise tot de către medic în actul de expertiză medico-legală.

Prejudiciile ce decurg din comiterea tentativei, de asemenea, pot fi reparate pecuniar, deoarece acestea pun în pericol viața persoanei și aduc anumite suferințe fizice și psihice suportate în urma faptului ilicit, întrucît însuși faptul de a fi bolnav implică o suferință psihică ce presupune necesitatea unei compensații. În toate cazurile, evaluarea leziunilor corporale este pusă pe seama medicului-legist, care precizează durata tratamentului, durata și intensitatea suferințelor, măsura în care leziunile au pus sau nu în primejdie viața persoanei etc. Această evaluare medicală are importanță nu numai pentru calificarea justă a infracțiunii, dar și pentru aprecierea realității prejudiciului moral.

Prejudiciul estetic este o varietate a prejudiciilor corporale și constă în anumite leziuni sau vătămări prin care s-a adus atingere armoniei fizice sau fizionomiei persoanei. Acest prejudiciu constă în mutilări, desfigurări sau cicatrice cauzate persoanei. La aprecierea suferințelor psihice care însoțesc prejudiciul estetic este necesar de luat în considerație faptul că fiecare persoană resimte în mod diferit un asemenea prejudiciu [4, p. 353].

Prejudiciul de agrement rezultă din atingerea adusă satisfacției și plăcerilor vieții, fiind în pierderea posibilităților de îmbogățire spirituală. Se exprimă atât prin dureri fizice, cât și prin suferințe psihice, ca urmare a percepției de către victimă a unor situații de restrângere în ceea ce privește unele acorduri ale vieții: divertisment, plăceri și satisfacții pe care viața le poate oferi etc., acestea fiind cultura, sportul, călătoriile, ocupațiile dezinteresate, relațiile familiale și sociale. În acest sens, victima nu poate pretinde că în urma infracțiunii și-a pierdut anumite plăceri care sunt anormale sau sunt interzise, spre exemplu, imposibilitatea de a consuma alcool sau droguri [4, p. 353].

Prejudicii morale, independente de orice leziuni fizice (prejudicii afective). În această categorie sunt incluse acele prejudicii care constau doar în suferințe psihice, fără a fi prezente leziunile corporale; de exemplu, prejudiciile morale ce decurg din atingerea cinstei, onoarei, demnității, prestigiului persoanei.

O altă modalitate este repararea prejudiciului în caz de deces. Aceasta constă în dreptul persoanei apropiate victimei decedate la repararea propriului lor prejudiciu afectiv, care constă în lezarea sentimentului de afecțiune. În acest caz, nu trebuie de confundat repararea prejudiciului moral în caz de deces cu repararea prejudiciului material exprimat în cheltuieli pentru înmormântarea victimei. Cercul de persoane care se consideră apropiate trebuie să fie determinat, acestea fiind unele apropiate ale victimei decedate. Chiar și în cazul în care este vorba de rude apropiate, repararea ar trebui să fie supusă condiției ca aceste persoane să fi avut legături strânse de afecțiune cu victima în momentul decesului, deoarece nu în toate cazurile între rude apropiate și victimă există o asemenea legătură.

O altă modalitate a prejudiciilor afective sînt prejudiciile morale cauzate prin imixtiunea ilegală în viața privată. Constituția protejează dreptul la respectarea vieții private și familiale, a domiciliului și a corespondenței. Aceste drepturi sînt recunoscute și de

Codul de procedură penală. Respectarea vieții private presupune respectarea secretelor acesteia împotriva divulgării, imixtiunilor nelegale sau a anumitor împrejurări cum ar fi starea sănătății persoanei, viața sa intimă, veniturile pe care le realizează și impozitele pe care le plătește, modul cum își petrece timpul liber și concediile etc. În toate cazurile acest prejudiciu trebuie să fie un rezultat al unei infracțiuni [4, p. 353].

Instanța investită cu soluționarea acțiunii în daune morale poate recurge la mijloacele reparatorii nepatrimoniale sau la măsuri de natură patrimonială.

Printre măsurile nepatrimoniale pot fi menționate: obligarea autorului la îndeplinirea oricăror măsuri considerate necesare de către instanță spre a ajunge la restabilirea dreptului atins; dreptul la răspuns sub forma replicii, rectificării sau declarației; publicarea în mijloacele de comunicare în masă a dezmințirii etc.

Problema reparării pecuniare a prejudiciilor morale este una dintre cele mai discutate și mai controversate probleme. Dacă în cazul prejudiciului material, prin calcule matematice se poate stabili valoarea pagubei și, pe cale de consecință, valoarea despăgubirilor, în situația prejudiciului moral asemenea calcule nu au utilitate. Natura nepatrimonială a pagubei reclamă aplicarea unor criterii nepatrimoniale. În realitate, finalitatea procesului de evaluare a prejudiciului moral va consta în stabilirea unei indemnizații compensatoare, menite să atenueze suferințele părții vătămate [10, p. 156].

În doctrina națională, reputația profesională este percepută ca „aprecierea calităților profesionale ale persoanei de către societate”. Conceptul de reputație profesională este apropiat conceptului de onoare. Onoarea constituie un component al conceptului de reputație profesională, deoarece ea presupune aprecierea din partea societății. De aici rezultă că reputația profesională face corp comun cu reputația (onoarea) persoanei, deoarece conține aprecierea publică a unor calități destinate ale persoanei [9, p. 16].

Despăgubirea, pentru a reprezenta o reparație, trebuie raportată la prejudiciul moral suferit, la gravitatea și consecințele acestuia [11, p. 214].

Sunt necesare anumite criterii pentru aprecierea prejudiciului moral și alte criterii pentru stabilirea despăgubirii destinate reparării daunelor morale [12, p. 25].

A. Criteriile orientative generale de apreciere a prejudiciului moral:

- importanța valorii lezate prin săvîrșirea faptei ilicite. Prejudiciul moral

va fi cu atât mai grav, cu cât valoarea lezată este mai importantă pentru partea vătămată.

- personalitatea victimei, definită prin factori cum sînt: vîrsta, profesia, nivelul de pregătire și cultură generală, situația profesională și poziția socială.

Criterii orientative speciale sînt:

- gravitatea și intensitatea durerilor fizice și psihice, suferințele fizice și psihice, numărul zilelor de îngrijire medicală, intervențiile chirurgicale, suportarea mediului spitalicesc, sechelele de ordin estetic sau fiziologic, invaliditatea permanentă – sînt tot atîtea elemente care determină agravarea consecințelor nepatrimoniale;

- repercusiunile prejudiciului asupra situației sociale a victimei, cum sînt cele rezultate din atingeri aduse reputației, secretului vieții private, pot fi evaluate prin prisma acestui criteriu;

- existența unor strînse legături afective între victimă și anumite persoane, precum și rangul obligației de întreținere trebuie luate în considerație la aprecierea prejudiciului afectiv, care constă în durerea și suferința psihică provocate de pierderea unei ființe dragi.

B. Criterii orientative de stabilire a cuantumului despăgubirilor în compensare:

- gravitatea prejudiciului moral (de pildă, este mai gravă fapta care întruște elementele constitutive ale infracțiunii);

- criteriul echității exprimă cerința că indemnizația să reprezinte o justă și integrală dezdăunare. Sumele vor fi stabilite astfel încît să nu constituie venituri nejustificate pentru victimele daunelor [11, p. 215].

Concluzii. Este de observat că, indiferent de modalitatea de reparare a prejudiciului, dezdăunarea se face potrivit legii civile, îndeosebi conform prevederilor Codului civil.

Obiectul acțiunii civile nu se poate referi decît la dezdăunarea părții vătămate, dezdăunare care rezultă în mod exclusiv din vina reținută în sarcina inculpatului și ca urmare directă a infracțiunii comise de el. Instanța de judecată nu va putea să acorde dezdăunări în cazul în care s-ar pretinde daune pentru alte fapte decît cele ce constituie obiectul acțiunii de trimitere în judecată, iar acesta deoarece instanța nu se poate progra și asupra examinării altor fapte.

Dacă prin infracțiune s-a cauzat un prejudiciu pe lîngă repararea căruia se pot cere dobînzii legale, dacă partea vătămată nu cere restituirea acestor dobînzii, instanța nu-l poate obliga din oficiu pe inculpat la plata acestora.

Cuantumul prejudiciului poate fi modificat (în minus) în tot cursul proce-

sului, deoarece soluționarea aspectului civil în cadrul procesului penal rămâne legat, în ceea ce privește dreptul la dez-dăunare, de probele administrate și de aprecierea motivată a instanței asupra acestor probe.

Totodată, este prevăzută expres posibilitatea părții civile, a inculpatului și a părții civilmente responsabile de a încheia o tranzacție sau un acord de mediere cu privire la daune; de asemenea inculpatul, cu acordul părții responsabile civilmente, va putea recunoaște pretențiile părții civile.

Recenzent:
Alexandru MARIȚ,
doctor în drept, conferențiar universitar

Referințe bibliografice

1. *Codul civil*: Legea Republicii Moldova nr. 1107- XV din 6 iunie 2002. În: MO al RM, 2002, nr. 82-86/661. În vigoare din 12 iunie 2003.
2. *Codul de procedură penală*: Legea Republicii Moldova nr. 122-XV din 14 martie 2003. În: MO al RM, 2003, nr. 104-110. În vigoare din 12 iunie 2003.
3. Buneci P. *Partea responsabilă civilmente în procesul penal*. București: Editura Fundației României de mîine, 134 p.
4. Dolea I., Roman D., Sedlețchi I., Vizdoagă T., Rotaru V., Cerbu A., Ursu S. *Drept procesual penal, partea generală*. Volumul I, ediția a II-a revizuită și adăugită, Chișinău, 2005.
5. Drăgan J., Oancea I. *Acțiunea penală și acțiunea civilă în procesul penal*. București: Editura Ministerului Administrației și Internelor, 2006, 127 p.
6. Mrejeru Th. *Drept procesual penal*. București: Editura SYLVI, 2001, 206 p.
7. Petrescu R. *Drept civil. Teoria obligațiilor. Răspunderea delictuală*. București: Editura OSCAR PRINT, 1996, 284 p.
8. Pop L. *Teoria generală a obligațiilor*. București: Editura Lumina Lex, 2000, 436 p.
9. Pîrțac O. *Apărarea onoarei, demnității, și reputației profesionale a persoanei în Republica Moldova*. Chișinău: Tipografia Centrală, 2005, 148 p.
10. Turuianu C. *Insulta și calomniile prin presă*. București: Editura ALL Beck, 2000, 122 p.
11. Ungureanu O., Bacari A. ed. al. *Principii și instituții de drept civil. Curs selectiv pentru licență*. București: Editura ROSETTI, 2002, 397 p.
12. Urs I. *Criterii de apreciere a prejudiciilor morale și a despăgubirilor bănești pentru repararea daunelor morale*. În: Dreptul, nr. 4, 1998, p. 25.
13. Ștefănescu B., Dimitriu R. *Drept civil pentru învățămîntul superior universitar*. Academia de Studii Economice, Catedra de Drept, București: Editura: Lumina Lex, 476 p.
14. Hotărîrea Plenului CSJ a RM *Cu privire la aplicarea de către instanțele de judecată a legislației ce reglementează repararea prejudiciului moral*, nr. 9 din 09.10.2006.

SEMNIFICAȚIA ȘI CORELAȚIA DINTRE PRINCIPIILE LEGISLAȚIEI PENALE ȘI PRINCIPIILE DREPTULUI PENAL

Larisa BUGA,

doctorandă, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată

SUMMARY

The role of principles is extremely important in the theory and practice of criminal law. Putting them consistently in the norms of criminal law and respecting them in the activity of the law enforcement bodies contribute to the uniform protection of social relations against criminal attempts, crime prevention, citizens' education in the spirit of obedience to the law, ensuring the rule of law. In this article we will elucidate the meaning of the notions of law principles and of criminal law and their interaction in practice.

Keywords: principles of criminal law, principles of criminal legislation, criminal policy.

REZUMAT

În teoria și practica dreptului penal, rolul principiilor este extrem de important. Transpunerea consecventă a acestora în normele legislației penale și respectarea lor în activitatea organelor de drept contribuie la protecția uniformă a relațiilor sociale față de atentatele criminale, la prevenirea infracțiunilor, la educarea cetățenilor în spiritul respectării legilor, asigurării ordinii de drept. În acest articol vom elucidă sensul noțiunilor de principii ale dreptului și ale legislației penale și interacțiunea acestora în activitatea practică.

Cuvinte-cheie: principiile dreptului penal, principiile legislației penale, politică penală.

Introducere. Realizarea cu succes a sarcinilor de edificare a statului de drept și a societății civile este, incontestabil, imposibilă fără consolidarea continuă a legalității, a ordinii de drept și fără intensificarea luptei cu criminalitatea și cu alte încălcări de lege.

Cu toate acestea, realizarea politicii de stat în sfera luptei cu criminalitatea, a activității instanțelor judecătorești, a organelor de drept și a altor tipuri de organe este posibilă doar în condițiile unei conformări stricte cu litera legii. Din această perspectivă, este necesară nu doar cunoașterea profundă a legii penale, ci și înțelegerea principiilor de bază ale acesteia, care determină conținutul ramurii de drept în ansamblu.

Metode și materiale aplicate. În studiu au fost utilizate metoda comparativă de analiză, metoda logică prin aplicarea procedeelelor logice de inducție, deducție și sinteză.

Scopul prezentului demers științific îl reprezintă abordarea succintă, dar substanțială a semnificației principiilor legislației penale.

Rezultate obținute și discuții. Trebuie să recunoaștem de la bun început că politica penală și legislația penală din perioada postsovietică se bazează pe principii de drept, care exprimă natura democratică, conținutul și orientarea umanistică a întregului sistem juridico-penal. Clarificarea principiilor legislației penale, ca principala formă

de exprimare a politicii penale a statului, este importantă și necesară nu doar pentru înțelegerea esenței, scopului și sarcinilor acesteia, ci și pentru aplicarea corectă a normelor de drept penal [1, p. 8].

Astfel, precizăm pentru început că în doctrina juridică cercetătorii operează cu câteva categorii, și anume: „principiile politicii penale” (politicii juridico-penale), „principiile dreptului penal”, „principiile legislației penale” („principiile Codului penal” [2, p. 4]), „principiile categoriilor și instituțiilor legislației penale” etc.

În vederea clarificării esenței și coraportului dintre aceste noțiuni, vom reitera că termenul *principiu*, după cum se știe, presupune o idee de bază, cu caracter general de care se ghidează oamenii în activitatea lor. Privit în ansamblul său, dreptul este creat și funcționează în baza anumitor principii, care exprimă esența și menirea socială a dreptului ca fenomen social. Astfel, principiile reflectă principalele trăsături și particularități ale dreptului și îi conferă acestuia calitatea de reglator universal al măsurii libertății și dreptății în relațiile sociale [3, p. 93].

În studiile de specialitate, problema coraportului dintre „principiile politicii penale” și „principiile dreptului penal” nu este abordată uniform. Bunăoară, cercetătorul rus V. V. Malțev susține că „chiar dacă principiile politicii juridico-penale și cele ale

dreptului penal sînt apropiate după conținutul lor, totuși există distincții între ele. Principiile dreptului penal sînt primare, iar principiilor politicii penale revenindu-le un rol secundar, de subordonare, care constau în reflectarea exactă și completă a conținutului principiilor dreptului penal în legislația penală” [4, p. 113].

De aceeași părere este și M. A. Malîghina, potrivit căreia „principiile dreptului penal și dispozițiile Constituției determină conținutul politicii penale și constituie fundamentul realizării acesteia în activitatea de creare a normelor de drept și în practica aplicării legii penale” [2, p. 4].

O idee diametral opusă expune R. R. Galiakbarov, care consideră că principiile dreptului penal sînt determinate de politica penală [5, p.15]. La rîndul său, N. A. Beleaev este de părerea că principiile politicii juridico-penale, fiind consacrate în normele de drept, devin principii de drept penal [6, p. 31].

Mult mai logic pare a fi raționamentul cercetătorilor I. Pudovocikin și S. S. Pivvaghidov în viziunea cărora nu este corect a reduce semnificația principiilor politicii penale exclusiv la deservirea principiilor de drept, adică considerarea lor ca un intermediar între principiile dreptului și legislație. Politica nu este o activitate a statului de transformare a fenomenelor juridice în noțiuni juridice. Politica și dreptul sînt fenomene corelate, ce există exclusiv în societatea organizată statal. Nu se poate susține că dreptul cu principiile sale este primar în raport cu politica. Elaborarea dreptului și aplicarea acestuia sînt forme de realizare a politicii juridico-penale a statului și de aceea nu este corect a clarifica care este primar dreptul sau politica.

Principiile politicii juridico-penale apar acolo și atunci, cînd și unde apare necesitatea soluționării problemei prevenirii criminalității prin intermediul dispozițiilor normative ale organelor puterii de stat, ale dreptului penal. Este clar că principiile politicii trebuie reflectate în actele normative elaborate de către stat. De asemenea, trebuie conștientizat că principiile politicii juridico-penale pot fi prevăzute nemijlocit în normele juridice penale, dar pot și să nu fie reglementate expres, dar să exercite o anumită influență asupra conținutului acestor norme. În cazul în care principiile politicii juridico-penale sînt fixate în normele de drept penal se poate vorbi de existența principiilor dreptului penal. Fiind astfel oficial recunoscute, acestea pot, la rîndul lor, să exercite o influență (inversă) asupra

activității statului în sfera luptei cu criminalitatea [7, p. 74].

Cercetătorul A. N. Jevlakov, de asemenea, susține că principiile dreptului penal nu sînt primare față de principiile politicii penale, întrucît politica penală a statului, exprimată prin ideologia sa juridico-penală, determină conținutul dreptului penal [1, p. 11].

T. R. Sabitov concretizează că principiile politicii juridico-penale nu sînt deduse din drept, dar din activitatea statului desfășurată în sfera luptei cu criminalitatea, care presupune aplicarea măsurilor de influență juridico-penală asupra criminalității [8, p. 169]. Totodată, cercetătorul precizează că principiile politicii juridico-penale și principiile dreptului penal dispun de diferite mecanisme și surse de formare. Astfel, primele reflectă ideile diriguitoare principale pentru lupta statului cu criminalitatea, fiind deduse din programe, acte normative, directive, doctrine pînă la consacrarea lor în legislația penală. În schimb, principiile dreptului penal sînt elaborate de știința dreptului penal în baza analizei normelor de drept penal în vigoare. Prin urmare, principiile politicii juridico-penale realizate în legea penală constituie principii ale dreptului penal [8, p.170].

Aceeași concluzie o trage și S. A. Veliev, susținînd că în calitate de principii ale dreptului penal trebuie considerate principiile politicii penale reglementate în normele juridice, care determină conținutul și direcțiile principale ale dreptului penal [3, p. 103].

Este ceva normal asemănarea dintre aceste categorii de principii, întrucît ele reflectă unele și aceleași idei, au același scop și aceeași direcție de acțiune.

În cazul categoriilor „principiile dreptului penal” și „principiile legislației penale”, de asemenea nu poate fi atestată o viziune unică. Potrivit unor cercetători, „dispozițiile generale consacrate în normele Codului penal constituie principii ale dreptului penal (legislației penale)” [9, p. 36-37].

Într-o altă abordare, se susține că, în sens restrictiv, categoriile în cauză se deosebesc. Respectiv, T. R. Sabitov, pornind de la faptul că dreptul este un fenomen mai complex decît legea, afirmă că principiile dreptului reprezintă o categorie mai largă [10, p. 54].

La rîndul său, V. V. Malîev face trimitere la distincția ce există între „dreptul penal” și „legislația penală”, dreptul penal avînd un obiect cu mult mai extins. Altfel spus, în viziunea autorului, legislația penală este unul

dintre elementele obiectului dreptului penal, conținutul căruia se formează sub influența altor elemente (obiectul protecției juridico-penale și conduita social-periculoasă) și a ordinii din societate. De aceea, principiile dreptului penal, spre deosebire de principiile legislației penale, cuprind întreg obiectul dreptului penal și după conținut sînt mai apropiate de așa categorii, precum dreptatea, egalitatea și umanismul [4, p. 90].

O altă precizare expusă de cercetător este că între principiile dreptului penal și principiile legislației penale poate fi observată o relație de tipul „conținut” și „formă”. Conținutul primelor, exprimate sub forma unor norme simple sau norme speciale (norme-principii) în cuprinsul legislației, devin astfel principii ale legislației penale. La rîndul lor, principiile legislației penale (deci, reglementate în normele acesteia) conferă principiilor dreptului penal un caracter oficial și o forță juridică asigurată de forța de constrîngere a statului [4, p. 107].

Într-un alt demers științific, V. V. Malîev este cu mult mai categoric, concluzionînd: „Pentru a fi idei de bază, fundamentale ale legislației penale, principiile dreptului penal trebuie, cel puțin, să fie consacrate în conținutul acesteia. Respectiv, în lipsa fixării acestora în cuprinsul legii penale, principiile dreptului penal nu pot să devină principii ale legislației penale” [11, p.133]. În viziunea noastră, în acest caz, cercetătorul a pus greșit accentele, întrucît nu legislația are nevoie de principii, ci dreptul are nevoie de principii consacrate în legislație.

Prin această afirmație, considerăm că cercetătorul trasează o demarcație clară, dar nejustificată, între dreptul penal și legislația penală, mai ales în ceea ce privește ideea că principiile dreptului penal pot exista și în lipsa consacrării lor normative în cuprinsul legii (nefiind clar în acest sens care ar fi rostul lor). Dar, din cîte se cunoaște, legislația penală constituie forma de exprimare exterioară a dreptului penal [12, p. 30], deci dreptul este tot ceea ce reglementează legea. Prin urmare, au dreptate cercetătorii care susțin că principiile dreptului sînt principiile consacrate în lege.

În aceeași ordine de idei, alți savanți susțin că principiile dreptului penal, spre deosebire de principiile legislației, au parcurs o lungă evoluție socială și sînt percepute ca idei de bază, create de societate. Indiferent dacă sînt sau nu consacrate în norme speciale, principiile dreptului totuși își

realizează funcția de reglementare și protecție. Cu toate acestea, însuși faptul declarării principiilor în normele Codului penal, indiscutabil, le sporește semnificația, fiind astfel garantată protecția și respectarea în societate a principalelor valori sociale. La fel ca și alte norme juridice, principiile sînt obligatorii pentru toți subiecții raporturilor juridice penale (fiind adresate legiuitorului, practicianului ce aplică legea penală, potențialilor infractori, victimelor infracțiunii și tuturor cetățenilor implicați în raporturi juridice penale, procesual-penale sau execuțional-penale) [13, p. 73-74].

Din cîte se poate observa, și în acest caz se face aluzie la existența unor principii ale dreptului nereglementate de lege, care dispun chiar și de o funcție de reglementare și de protecție. În viziunea noastră, o asemenea idee poate fi acceptată doar dacă o vom privi dintr-o altă perspectivă, și, respectiv, cu unele concretizări.

Deci, pe fundalul raționamentelor expuse, devine clară distincția atestată în studiile de specialitate între *sistemul principiilor doctrinare/dogmatice ale dreptului penal* (principii formulate ca și categorii ale conștiinței juridice) și *sistemul principiilor legislative ale dreptului penal* (principii reglementate în actele normativ-juridice) [14, p. 202]. Respectiv, concluzia ce poate fi desprinsă la moment este că principiile dreptului penal reprezintă un sistem mixt, constituit din principii legislative și doctrinare.

În vederea dezvoltării acestei idei, considerăm că ar fi cazul să determinăm cum sînt reglementate principiile în cuprinsul legislației.

În general, în studiile de specialitate se susține că consacrarea principiilor în dreptul pozitiv cunoaște două forme [3, p. 101-102]: *nemijlocită*, formă în care principiul este consacrat expres în cuprinsul unei norme, adică este prevăzut de „litera” legii, și *mijlocită* (indirectă – e.n.), formă în care principiile decurg din totalitatea drepturilor, din conținutul instituțiilor juridice și a legislației în general, altfel spus, din „spiritul” legii. Dat fiind faptul că principiul, pentru a-și realiza funcția regulativă, trebuie perceput nu ca o dorință, solicitare, recomandare, dar ca o cerință, ca un imperativ, obligatoriu pentru anumiți subiecți. Se consideră că prima formă de consacrare a principiilor este mai preferabilă. Aceasta deoarece probabilitatea interpretării neuniforme a „spiritului” legii riscă să determine interpretarea subiectivă a principiilor în activitatea practică.

Respectiv, putem trage concluzia că principiile sînt reglementate de lege fie *expres* (în cuprinsul unor norme-principii), fie *difuz* (dispersat în mai multe norme juridice).

Referitor la consacrarea principiilor în legislația penală, notăm că potrivit cercetătorului V. V. Malițev, principiile dreptului penal sînt consacrate în legislație sub trei forme principale: în normele Părții speciale a Codului Penal; în noțiunile și instituțiile cuprinse în Partea generală a Codului Penal; nemijlocit în normele în care acestea sînt reglementate [11, p. 128; 4, p. 85] (în normele-principii, e.n.).

Prima formă de consacrare legislativă a principiilor dreptului penal este reflectată în multitudinea de componente de infracțiune formulate de către legiuitor. Ideile de dreptate, echitate și umanism, cuprinse de conștiința juridică a legiuitorului, au o influență substanțială asupra formulării conținutului dispoziției și a sancțiunii fiecărei norme a Părții speciale a Codului Penal, aplicabilă fiecărei conduite social periculoase pasibile de pedeapsă penală a persoanei. Această formă este numită „concret juridică” și este considerată a fi de bază, nu doar din considerentul anteriorității apariției sale, dar și datorită semnificației sale fundamentale pentru realizarea celorlalte forme de reflectare a principiilor dreptului penal.

Cea de-a doua formă de consacrare legislativă a principiilor dreptului penal prin normele Părții Generale a Codului penal a început să se contureze încă pînă la divizarea legislației penale în cele două părți ale sale. Acest fapt a fost determinat de necesitatea practică de a delimita actele comise cu vinovăție de cele comise fără vinovăție. În legătură cu aceasta, unele norme ce stabileau componența unor infracțiuni concrete, erau completate cu prevederi cu caracter general, concentrate în cuprinsul unor norme speciale.

Reflectarea în legislație a principiilor dreptului penal în cea de-a doua formă (juridico-abstractă) presupune existența în conținutul acesteia a unui număr mare de norme cu un grad înalt de abstractizare, prin care sînt exprimate în formă juridică cele mai importante noțiuni și instituții ale dreptului penal [4, p. 96].

Necesitatea celei de-a *treia forme* de consacrare legislativă a principiilor de drept penal, care presupune exprimarea nemijlocită a acestora în norme speciale ale legislației penale, a fost determinată de amplificarea rolului valorilor general umane în cadrul societă-

ții și, prin urmare, de obligația statului de a asigura cu garanții juridico-penale respectarea drepturilor și libertăților omului și cetățeanului. Această formă de consacrare reprezintă cel mai înalt grad de abstractizare [11, p. 130].

În viziunea noastră, necesitatea unor asemenea norme (implicit, a acestei forme de consacrare legislativă a principiilor dreptului penal) este determinată de semnificația deosebită a lor care, potrivit unor cercetători, constă în următoarele [15, p. 98-99]:

În primul rînd, fiind una din categoriile normelor juridico-penale, normele-principii exercită o influență directă informațională asupra cetățenilor, îndeplinind funcția educativă, de formare a conștiinței juridice, abținerii de la comiterea infracțiunilor. „Existența în lege a unor articole speciale, care consacră principiile dreptului penal, contribuie nu doar la înțelegerea de către cetățeni a esenței politicii penale contemporane a statului, dar și la orientarea corectă a cetățenilor în sfera reglementării juridico-penale” [16, p. 38-39]. În al doilea rînd, normele-principii asigură aplicarea uniformă a legii penale de către toți subiecții activității de ocrotire a ordinii de drept. În al treilea rînd, dispozițiile principiale ale dreptului penal exercită o anumită influență și asupra activității de creare a legii penale. „Consacrînd anumite idei-principii, legiuitorul astfel își asumă obligația de a le transpune în cuprinsul normelor juridice penale. De aici reiese că și după adoptarea Codului Penal, legiuitorul este obligat a abroga sau a modifica orice normă a acestuia care contravine principiilor în cauză. Respectiv, sfera de acțiune a principiilor în discuție cuprinde nu doar activitatea de aplicare a normelor penale, dar și de creare a acestora” [15, p. 98-99].

În context, alți cercetători notează [9, p.18-19]: - normele-principii se disting printr-un grad înalt de stabilitate, de regulă ele nefiind modificate pe parcursul acțiunii legii; - normele-principii dispun de un caracter imperativ, altfel spus, sînt general obligatorii, nefiind admisă nicio derogare; - acțiunea normelor-principii se răsfrînge asupra întregului act normativ, asupra tuturor normelor juridice fără excepție; - conținutul acestora este laconic și scurt, dispunînd de un înalt grad de abstractizare, necesar pentru facilitarea aplicării principiilor; - cerințele cuprinse în aceste norme sînt clare, concrete, nefiind admisă înțelegerea și interpretarea lor neuniformă.

Așadar, normele ce consacră principii (normele-principii) ocupă un loc

special în mecanismul reglementării normativ-juridice, ele exercitând o influență substanțială asupra legislației penale în ansamblu.

În Codul penal al Republicii Moldova [17] sînt consacrate expres (în norme-principii) următoarele principii: principiul legalității (art. 3), principiul umanismului (art. 4), principiul democratismului (art. 5), principiul caracterului personal al răspunderii penale (art. 6), principiul individualizării răspunderii penale și pedepsei penale (art. 7). Sub aspect comparativ, o enumerare similară este cuprinsă și în Codul penal al Federației Ruse [18] și anume: principiul legalității (art. 3), principiul egalității cetățenilor în fața legii (art. 4), principiul vinovăției (art. 5), principiul dreptății (art. 6) și principiul umanismului (art. 7).

Presupunem că anume acestea sînt *principiile legislative ale dreptului penal* (după cum sînt numite în literatura de specialitate, moment enunțat ceva mai sus). În ceea ce privește *principiile doctrinare ale dreptului penal*, considerăm că nu este vorba de principii ce nu sînt consacrate în lege, ci de principiile care sînt cuprinse în lege într-o formă difuză, acestea fiind deduse de doctrină din normele juridice ale acesteia.

Confirmarea aceste idei o regăsim la cercetătorul rus A. N. Jevlakov, potrivit căruia unele principii în materie, nefiind expres reglementate în legislația penală, reies din conținutul unei totalități de norme juridico-penale și sînt formulate de știința dreptului penal în baza analizei și generalizării acestor norme și a activității de aplicare a lor [1, p. 10].

Un alt moment important subliniat de autorul citat constă în faptul că principiile cuprinse de normele-principii sînt caracteristice nu doar legislației penale, de aceea ar fi logică calificarea acestora ca fiind principii generale sau interramurale. Mai mult, decît atît enumerarea acestora în legea penală nu este exhaustivă [1, p. 10].

Totodată, și alți autori susțin că chiar dacă legislația penală consacră expres doar cinci principii (principiul legalității, egalității cetățenilor față de lege, vinovăției, dreptății și umanismului), totuși pentru practica aplicării legislației penale sînt importante și alte principii, precum: principiul răspunderii personale, principiul diferențierii și individualizării răspunderii (pedepsei) etc. [14, p. 202].

O asemenea viziune a condiționat realizarea unei clasificări a principiilor consacrate în legislația penală, în

principii generale și principii speciale. În acest sens, de exemplu, se susține că principiile generale penetrează întregul drept penal, inclusiv și principiile speciale, mai înguste ale acestei ramuri a dreptului. În unele instituții sau norme ale dreptului penal se pot reflecta concomitent mai multe principii generale. Astfel, instituția liberării de pedeapsă penală reflectă asemenea principii precum: legalitatea, dreptatea, umanismul, egalitatea cetățenilor în fața legii [1, p. 11].

Respectiv, putem deduce că principiile *generale* ale dreptului penal sînt principiile consacrate în normele-principii în cadrul legii penale, iar principiile *speciale* sînt principiile proprii unor instituții și categorii juridice ale dreptului penal care, de regulă, sînt formulate de doctrină.

În literatura de specialitate, principiile speciale sînt definite ca fiind idei și cerințe, care stau la baza creării și aplicării instituțiilor juridice-penale distincte și care se subordonează principiilor generale ale dreptului penal [7, p. 75].

La rîndul lor, principiile generale cuprind cele mai importante aspecte ale aplicării legislației penale. Ele se află într-o strînsă corelație și în ansamblul lor determină unitatea conținutului dreptului penal, principiile trăsături și direcții ale acestuia. De asemenea, principiile reflectă și esența politicii penale a statului, ideologia juridică a societății ca formă supremă a conștiinței juridice. În raport cu sarcinile legislației penale, principiile au un rol ajutător. Exprimînd esența și natura dreptului penal, cele mai importante trăsături ale acestuia, reglementînd cele mai importate aspecte ale răspunderii penale, principiile se răsfrîng asupra tuturor sau a majorității normelor Părții generale și speciale a Codului penal. Astfel, ele trebuie luate în considerație pentru înțelegerea altor norme de drept penal, la interpretarea legii penale, în caz de coliziune a normelor, la soluționarea cazurilor reglementate insuficient de legea penală și în alte situații dificile din punct de vedere teoretic și practic [1, p. 11].

Prin urmare, rolul principiilor este extrem de important. Transpunerea consecventă a acestora în normele legislației penale și respectarea lor în activitatea organelor de drept contribuie la protecția uniformă a relațiilor sociale față de atenționarea criminală, la prevenirea infracțiunilor, educarea cetățenilor în spiritul respectării legilor, asigurării ordinii de drept.

Majoritatea cercetătorilor consideră că anume aceste principii constituie *principii ale legislației penale* (categorie distinctă față de principiile dreptului penal). În ceea ce ne privește, aderăm la poziția autorului A. N. Jevlakov, care definește principiile legislației penale ca fiind „dispoziții primare cu semnificație conducătoare, reglementate expres sau reflectate în normele legislației penale, care stabilesc conținutul, caracterul și direcția afit a dreptului penal în ansamblu, cît și a normelor și instituțiilor distincte ale acestuia” [1, p. 11]. Respectiv, sub acest aspect, considerăm că principiile dreptului penal și principiile legislației penale coincid.

Privind problema dintr-o altă perspectivă, putem identifica, în același timp, unele momente care trasează și o fină distincție între aceste categorii. Ideea ne-a fost sugerată de către același A. N. Jevlakov, care grupează toate principiile reglementate de legislația penală în categoria *principiilor de conținut ale legislației penale*. Concomitent, autorul atestă și existența principiilor pe care se bazează tehnica structurării legislației penale [1, p. 12]. Nu este un caz singular, în doctrina juridică rusă fiind dezvoltate și principiile tehnicii codificării legislației penale [7, p. 76; 19, p. 57, 59; 20, p. 35-36].

Prezintă importanță în acest sens ideile cercetătoarei T. V. Klenov, care susține că principiile dreptului penal se deosebesc de principiile codificării normelor juridico-penale. Ambele categorii de principii se adresează legiuitorului, însă dacă principiile dreptului penal prezintă un reper orientativ pentru determinarea conținutului normelor legii penale, atunci principiile codificării sînt ideile pe care se bazează procesul de exprimare a instituțiilor și normelor juridico-penale în legea codificată și structurarea lor într-un anumit sistem (elaborarea tehnică a legii). În baza principiilor codificării sînt stabilite și regulile procesului legislativ [21, p. 8].

Succint, precizăm că din categoria acestora face parte *principiul unității părții generale și a părții speciale ale Codului penal*. Potrivit acestui principiu structural al legislației penale nici o normă a părții speciale din codul penal nu poate fi aplicată fără a fi luate în considerație și normele din partea generală a codului.

Evident, principiile de creare a părții generale și a părții speciale diferă. La baza structurii părții generale stă principiul instituționalității, astfel că denumirile compartimentelor Părții

generale reflectă conținutul unor mari instituții juridice, precum: legea penală, infracțiunea, pedeapsa penală, liberarea de răspunderea penală etc.

Partea specială este structurată însă în baza unui alt principiu – asemănarea dintre caracterul și semnificația socială a obiectului atentării, protejat de o categorie dată de norme. Respectiv, capitolele părții speciale a codului penal sînt structurate în funcție de obiectul protejat de normele juridico-penale (la care se atentează prin comiterea infracțiunii), de ex.: infracțiuni contra păcii și securității omenirii, infracțiuni de război, infracțiuni contra vieții și sănătății persoanei, infracțiuni contra libertății, cinstei și demnității persoanei etc.

Din alt punct de vedere, trebuie menționat că capitolele părții speciale a Codului penal sînt amplasate într-o anumită ordine care reflectă ierarhia valorilor sociale (relațiilor sociale), recunoscute în statul democratic: persoana, societatea, statul.

În același timp, distincția dintre partea generală și partea specială ale Codului penal este accentuată și de structura normelor juridice din cadrul acestora. Dacă articolele părții speciale dispun de dispoziție și sancțiune, normele din partea generală nu au o asemenea structură. Mai mult decît atît, articolele din partea specială conțin nu doar o normă, dar cîteva norme, ceea ce nu este caracteristic pentru articolele părții generale. Normele atît din partea generală, cît și din cea specială sînt amplasate în diferite părți și puncte ale articolelor. Normele din articolele părții speciale sînt amplasate într-o anumită consecutivitate, ce reflectă într-o ordine ascendentă pericolul social al infracțiunii și, respectiv, severitatea pedepsei pentru comiterea acesteia. De aici derivă rolul deosebit al *principiului formării sistemice a normelor legislației penale* și coraportul acestora în interiorul Codului penal [1, p. 12].

Concluzii. În baza celor relatate poate fi argumentată existența de sine stătătoare a două categorii de principii proprii legislației penale: *principiile de conținut ale legislației penale și principiile structurării tehnice a legislației penale*. Mai mult, date fiind semnificația și particularitățile aplicării practice a legislației penale, reglementarea juridică a unor aspecte ale acesteia (inclusiv la nivel de Constituție), se impune și justificarea existenței *principiilor acțiunii legii penale* (după unii cercetători, principiile activității legii penale [22, p. 75]).

În consecință, din perspectiva acestor trei categorii de principii ale legislației penale se poate susține că principiile dreptului penal coincid parțial cu cele ale legislației penale, ultimele avînd rolul atît de a determina unitatea conținutului dreptului penal, exprimarea exactă și clară a acestuia în norme juridice, cît și a asigura aplicarea practică eficientă și corectă în timp, spațiu și asupra persoanelor. În vederea realizării acestui rol complex, considerăm că principiile legislației penale necesită o cercetare teoretică specială și o consacrare juridică corespunzătoare în legislația în vigoare.

Referințe bibliografice

1. Жевлаков Э. Н. *Принципы уголовного законодательства Российской Федерации и уголовная политика*. В: Вестник Академии Генеральной Прокуратуры РФ, 2007, №1.
2. Малыгина М. А. *Принципы уголовного права: Теория, законодательство и правоприменительная практика*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ростов-на-Дону, 2007.
3. Велиев С. А. *Принципы назначения наказания*. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2004.
4. Мальцев В. В. *Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности*. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2004.
5. Галиакбаров Р. Р. *Уголовное право. Общая часть: Учебник*. Краснодар, 1999.
6. Беляев Н. А. *Уголовно-правовая политика и пути ее реализации*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986.
7. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С.С. *Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств*. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2003.
8. Сабитов Т. Р. *Уголовно-правовая политика Российской Федерации и ее принципы*. В: Вестник НГУ, Серия: Право, 2007, том 3, выпуск 1.
9. Чередниченко Е. Е. *Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации*. Москва: Волтерс Клувер, 2007.
10. Сабитов Т. Р. *Соотношение понятия «принцип уголовного права» со смежными понятиями*. В: Вестник НГУ, Серия: Право, 2007, Том 3, выпуск 2.
11. Мальцев В. В. *Принципы уголовного права в законодательстве и философско-правовых учениях*. В: Публичное и частное право, 2009, № 2.
12. Пудовочкин Ю. Е. *Учение об основах уголовного права*. Москва: Юрлитинформ, 2012, р. 79; Florean I. *Aplicarea legii penale în timp*. București: Lumina Lex, 2000.
13. Стрилец О. В., Канубриков В. А. *К вопросу о системе принципов уголовного права*. В: Юрист-Правовед, 2012, № 5, р. 15; Стрилец О.В. *Принцип вины в системе принципов уголовного права*. В: Вестник ВолГУ, Серия 5, Вып. 10, 2008.
14. Свечков В. В. *Идеология в отечественном уголовном праве (законодательстве)*. В: Вестник Нижегородской академии МВД России, 2011, №3 (16).
15. Мальцев В. В. *Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение*. В: Государство и право, 1997, №2.
16. Звечаровский И. Э. *Современное уголовное право России*. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
17. *Codul penal al Republicii Moldova*, nr. 985 din 18.04.2002. Republicat în: Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr. 72-74 din 14.04.2009 (cu modificări și completări ulterioare).
18. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996). <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/> (accesat la 15.10.2013).
19. Кленова Т. В. *Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве*. В: Государство и право, 1997, №1.
20. Лопашенко Н. А. *Принципы кодификации уголовно-правовых норм*. Саратов, 1989.
21. Кленова Т. В. *Основы теории кодификации уголовно-правовых норм*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2001.
22. Florean I. *Aplicarea legii penale în timp*. București: Lumina Lex, 2000.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-РОЗЫСКНОЙ СЛУЖБЫ УКРАИНЫ: ВЫВОДЫ ИЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В. БИЛЯЕВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной милиции, Донецкий юридический институт МВД Украины

SUMMARY

In the article potential possibilities of application of civilization approach mark at the study of legal problems in the field of state counteraction of criminality. With the use of civilization approach the basic historical stages of development of government criminal search service are analyzed on territory of modern Ukraine.

Keywords: civilization approach, cultural and historical type, subdivisions of criminal search.

РЕЗЮМЕ

В статье обозначены потенциальные возможности применения цивилизационного подхода при изучении правовых проблем в сфере государственного противодействия преступности. С использованием цивилизационного подхода проанализированы основные исторические этапы развития государственной уголовно-розыскной службы на территории современной Украины.

Ключевые слова: цивилизационный подход, культурно-исторический тип, подразделения уголовного розыска.

Постановка проблемы. Ведущими мировыми учеными в современной методологии интегрального глобального прогнозирования широко используется цивилизационный подход, позволяющий прогнозировать динамику развития цивилизаций в основных сферах жизнедеятельности человечества. Цивилизационный подход, утверждающий первенство духовной сферы человека (религии, культуры, морали, науки, образования) в общей шкале пирамиды цивилизаций, объясняет глубинные свойства мотивации человеческого поведения в социально-политической сфере жизнедеятельности, которая включает и правовые отношения, связанные с деятельностью государственных правоохранительных органов [1; 2, с.15-24]. Закономерности цивилизационного развития Украины свидетельствуют о необходимости применения цивилизационного подхода при осуществлении общегосударственной правоохранительной политики, а также при выработке стратегии противодействия преступности оперативными подразделениями органов внутренних дел Украины.

Актуальность темы. Уголовный розыск является наиболее известной оперативной службой, которая непосредственно осуществляет защиту таких основополагающих прав человека как право на жизнь, право на физическую неприкосновенность лица, имущественные и другие неотъемлемые права человека путем предотвращения и раскрытия преступлений. Полноценное обеспечение работы подразделов уголовного розыска является одним из стратегических приоритетов криминальной политики Украинского государства. Решение современных правовых и организационно-тактических

проблем их деятельности предусматривает изучение исторических вопросов становления уголовно-розыскной службы в Украине, что позволяет обозначить исторические закономерности уголовно-розыскной политики государства, а также использовать их в качестве широкого инструментария для прогнозирования результатов мероприятий направленных на усовершенствование эффективности противодействия преступности.

Историко-правовые аспекты становления современной уголовно-розыскной системы Украины изучались целым рядом украинских ученых: О. А. Гапоном, О. А. Гавриленко, И. А. Логвиненко, П. П. Михайленко, А. М. Пиджаренко, Ю. И. Римаренко, О. О. Самойленко, О. В. Тимощуком, В. М. Чисниковым, И. Р. Шинкаренко, О. Н. Ярмишем и др. Органически связанные с ними, в пределах общего историко-цивилизационного контекста, вопросы полицейской и уголовно-розыскной деятельности в России, исследовали В. И. Елинский, А. Я. Малыгин, Д. С. Рыжов, В. И. Полубинский, Н. И. Ципуренко др. В то же время, следует отметить, что цивилизационный подход к изучению рассматриваемых вопросов применяется нами впервые.

Цель статьи. Целью настоящей статьи является ретроспективный анализ основных этапов становления уголовно-розыскной службы Украины в контексте государственно-исторического правонаследования и применение цивилизационного подхода к обобщенным выводам о ближайших перспективах законодательного и организационного обеспечения деятельности подразделений уголовного розыска.

Изложение основного материала. В основе цивилизационного подхода к

решению проблем в области общественных наук лежит соотнесение процессов социально-политической, экономической, культурной и иных сфер жизнедеятельности общества с типом цивилизации, в котором данные процессы протекают. Методология применения цивилизационного подхода строится на аксиоме, закрепляющей наличие особого культурно-исторического типа в основе каждой локальной цивилизации. Культурно-исторический тип определяется доминирующим типом верований конкретного сообщества людей. Он также выступает в качестве своеобразного костяка (постоянной основы) для формирования дальнейшей надстройки, под которой следует понимать культуру народа в широком смысле, включая, в итоге, и правовую систему общества. Приоритетом духовных ценностей в «пирамиде» цивилизаций определяется последующая надстройка (социально-политическая, экономическая и иные сферы жизнедеятельности), являющаяся ее органической производной, что в совокупности и определяет цивилизацию как единое целое [2, с. 29-30; 3, с. 93-95]. Следовательно, совмещение несовместимого, то есть привнесение чуждых для заданного культурно-исторического типа элементов в социально-политическую надстройку цивилизации ведет к разрушению цивилизации, вследствие объективного антагонизма внутренней мотивации человека с внешними условиями его жизнедеятельности. В анализе и сопоставлении культурно-исторического цивилизационного типа с факторами внешней социальной жизнедеятельности, определяющимися, прежде всего, нормами права, заключается применение цивилизационного подхода в праве. В

данном случае, цивилизационный подход выступает в качестве практического интегрального метода познания.

Большинство исследователей (Бродель, Куигли, Мелко, Тойнби, Хантингтон и др.) среди прочих современных цивилизаций выделяют православную (восточнославянскую) цивилизацию, которой соответствует особый культурно-исторический тип, определяющийся типом верования (представления о добре и зле). Рассматривая православную цивилизацию в контексте общероссийской истории, Ф. Бродель отмечает сильную роль государства, ставшего основной движущей силой территориального расширения и укрепления страны [2, с. 332]. В соответствии с православным миропредставлением, государство выступает высшим олицетворением справедливости (правды) в земной жизни человека и главной опорой внешней справедливости к нему [4; 5, с. 251-252]. Традиции народной ментальности, которые формировались в течение веков, определили особый тип гражданина в отношении к государству. Он «на генетическом» уровне ожидает государственной поддержки и защиты. В свою очередь, попытки сформировать у него убеждение в необходимости самозащиты как главного принципа общественного бытия чреваты устранением тех представлений о государстве и его роли, которые сложились в национальной традиции. Таким образом, сильная централизованная власть и как ее продолжение – адекватная государственная политика противодействия преступности является органической (естественной) для православного культурно-исторического типа.

Существование специальных форм государственного противодействия преступности методами негласной работы обусловлено и подтверждается исторически. Процесс становления уголовно-розыскной службы в Украине отображает последовательные исторические этапы развития, которые связаны между собой в пределах существования и эволюционирования православной (восточнославянской) цивилизации. Историческое развитие древнерусских земель на территории современной Украины свидетельствует о решающем влиянии цивилизационных факторов, определивших основные закономерности становления государственного аппарата и формирование его государственной уголовно-розыскной системы. В историческом разрезе целесообразно выделить три условных этапа (периода) развития системы уголовно-розыскных органов, которые предшествовали обретению Украиной независимости.

Первый период – становление Киев-

ской древнерусской державы, ее последующее раздробление и упадок, эпоха Польско-Литовского владычества. Данная эпоха имела решающее значение в плане цивилизационного выбора западнорусских земель, а также на формирование культурно-исторического типа Православной (восточнославянской) цивилизации благодаря Крещению Руси и распространению православия. Следует отметить, что и в период существования Киевской Руси государство не имело специально созданных органов, занимающихся установлением и розыском преступников. Розыск осуществлялся в формах: «свода» – инициативный розыск потерпевшим преступника и похищенного имущества; «гонения следа» – розыск преступника по оставленным им следам: «призова» или «поволаання» – публичное объявление о преступлении и проведении очных ставок среди разных людей для выяснения происхождения спорного имущества. Вместе с тем, в период феодальной раздробленности начинают зарождаться элементы розыскного (инквизиционного) процесса, о чем свидетельствует то, что в преступлениях против княжеской власти розыскные, следственные и судебные функции выполнялись непосредственно князьями и уполномоченными ими лицами [6, с. 11-43].

Литовское государство и позже Речь Посполита также не имели специальных государственных уголовно-розыскных органов. При этом, розыск и разоблачение преступников осуществлялись силами тогдашней общестественности с применением вышеописанных розыскных традиций древней Руси. Доминирующий в то время соревновательный судебный процесс и инициативный со стороны потерпевшего характер розыска закреплялся Статутом Великого княжества Литовского (1529 г.). Судебно-розыскные функции возлагались также на главу сельской общины и отдельных государственных служащих. Кроме того, потерпевший мог нанять для розыска преступника так называемого «сока» – тогдашний аналог современного частного детектива [6, с. 11-43].

Второй период – времена существования сословно-представительской монархии Московского государства, становление и расцвет Российской империи вплоть до ее разрушения в 1917 году. Не вдаваясь в сложные исторические перипетии, констатируем главные исторические события, определившие итог цивилизационного правонаследования государственных уголовно-розыскных органов современной Украины. Речь идет о факте присоединения к царской России древнерусских (украинских) земель в 1654 г. (воссоединение Украины с

Россией), в 1793 г. (второй раздел Польши) и в 1795 г. (третий раздел Польши).

Становление уголовно-розыскной службы России во времена сословно-представительской монархии связывается с существенным реформированием и систематизацией законодательства того времени (Судебник в 1550 г., Стоглав, и Соборное Уложение в 1649 г.) [5, с. 34-48]. Историческим прототипом современного уголовного розыска служит Разбойный приказ, который был учрежден царем Иоанном IV. В последующем он был переименован в Разбойный розыскной приказ, а с 1730 г. – в Розыскной приказ. Основание разбойного приказа положило начало созданию системы судебных органов с розыскными функциями. Функции розыска и принуждения в Разбойном приказе, а позже в приказе Розыскных дел и Тайном приказе, выполняли специальные должностные лица – приставы [5, с. 41]. В ведении Разбойного приказа находились также губные старосты, которые избирались на несколько лет из числа дворян [6, с. 11-43]. На них возлагалась обязанность установления и розыска опасных преступников. При розыском приказе находились докладчики, в обязанность которых входило негласное выявление преступлений и лиц, которые их совершают, что свидетельствует о существовании в оперативной работе того времени института агентуры [5, с. 40]. В период междоусобицы и после принятия Соборного Уложения действовал отдельный институт государственных служащих – сыщиков, которые были представителями центральной власти и наделялись особыми полномочиями по розыску и задержанию преступников в регионах. Внедрение института сыщиков было связано со значительным ростом преступности. При сыщиках, которым предоставлялись достаточно широкие полномочия при осуществлении расследования дел по фактам краж, разбойных нападений и убийств, находился также аппарат подчиненных служащих (Приказ розыскных дел) и вспомогательные силы на местах – стрелки, казаки, пушкари, палачи. Отдельные розыскные обязанности осуществлялись непосредственно сельскими и крепостными общинами. Община следила за поведением своих членов и изучала их образ жизни, а также принимала заявления о совершенных преступлениях. Основным методом оперативно-розыскной работы того времени был «лихованый» обыск – опрос населения с целью выявления преступников, установления их связей, образа жизни, компрометирующих материалов и т.д. [5, с. 41-46].

В период казацко-гетманской автономии Малой Руси розыскные функции,

как правило, возлагались на самого пострадавшего, а также казацкие судебные и административные органы. При сотенных и полковых судах пребывали так называемые «розышники», которые наряду с есаулами, непосредственно осуществляли следственно-розыскные функции и выступали в суде в качестве свидетелей [6; с. 11-43].

Первым профессиональным розыскным учреждением России стал Преображенский Приказ, который был создан Петром Первым в 1697 г. для розыска политических преступников [7]. В 1730 г. он был реорганизован в Канцелярию тайных розыскных дел. Позже, в 1741 г. на основании специального указа был учрежден институт государственных сыщиков, которые выполняли розыскные функции в общеуголовных делах [8; с. 39-44].

С середины XVIII века прослеживается закономерная тенденция организационного укрепления уголовно-розыскного аппарата и его дальнейшее усовершенствование, что объясняется тенденциями роста и профессионализации преступности, которые сопровождали процессы экономического и демографического развития страны, а в последующем – распространением революционного террора. С целью раскрытия профессиональных преступлений в 1746 г. была основана Особая экспедиция в делах о воровстве и разбое [8; с. 39-44]. В это время начинает активно использоваться внедрение агентуры в уголовную среду, а также метод перлюстрации корреспонденции. После принятия в 1832 г. Свода Законов Российской империи наметилось дальнейшее реформирование государственной системы противодействия преступности. Оперативно-розыскная работа законодательно закрепляется в качестве составляющей стадии предварительного расследования [9].

Начало профессиональной уголовной полиции было положено в 31 декабря 1866 г. благодаря учреждению розыскного отделения при канцелярии Петербургского градоначальника. Усовершенствование методов оперативной работы того времени связывают с деятельностью его первого начальника И.П. Путилина [10]. В дальнейшем розыскные отделения были учреждены в Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе [5, с. 41-46]. Деятельность розыскных отделений того времени не имела единой правовой основы. Наряду с «Уставом уголовного судопроизводства», «Уставом о предупреждении и пресечении преступлений» [9], а также ведомственными актами Министерства внутренних дел на местах действовали собственные инструкции, например – «Инструкция

для чинов Киевского розыскного (сыскного) отделения» [11].

6 июля 1908 г. был принят Закон Российской Империи «Об организации сыскной части», в соответствии с которым были закреплены единые организационные основы работы уголовно-розыскной полиции, а в составе полицейских управлений губернских и иных больших городов учреждались розыскные (сыскные) отделения. Законом также закреплялись механизмы судебного-прокурорского контроля за сыскной деятельностью. Положения закона были детализированы в «Инструкции чинам розыскных отделений», которой определялась внутренняя структура уголовно-розыскных подразделений, порядок и методы работы, в частности предусматривалось систематическое наблюдение за преступным элементом путем негласного агентурного и визуального наблюдения. Как общий недостаток системы уголовно-розыскной полиции того времени необходимо отметить организационную децентрализацию, которая была связана с отсутствием, прежде всего, управленческих подразделений, осуществляющих координационные функции. Следствием децентрализации стало отсутствие четкой системы взаимодействия между розыскными подразделениями различных губерний и городов. Кроме того, розыскные отделения имели вспомогательное предназначение в составе местных подразделений общей полиции и осуществляли деятельность в узких пределах города либо повета [9; 12].

В 70-х - 80-х гг. XIX в. и первое десятилетие XX в. особую остроту приобрела проблема преступной деятельности тщательно законспирированных и хорошо технически оснащенных террористических организаций. Широкое приобщение к террору значительного числа активных граждан и сочувствие терроризму со стороны общественности не содействовали эффективности в антитеррористической работе полиции [13, с. 104-116]. Следствием неадекватной государственной политики в направлении организации деятельности оперативно-розыскных подразделений стало масштабное распространение террористических групп и массовый террор в отношении представителей власти, что, в конечном итоге, пошатнуло основы государственности и привело к разрушению Российской Империи.

Вместе с тем, как отмечает И.Р. Шинкаренко, среди главных достижений в плане развития государственной уголовно-сыскной деятельности в Российской империи в начале XX столетия, необходимо отметить:

– законодательное закрепление организационных и тактических основ деятельности подразделений уголовного розыска и создание разветвленной системы губернских подразделений;

– внедрение в работу розыскной полиции последних достижений науки и техники, использование научных методов борьбы с преступностью (антропометрия, дактилоскопия, учет (регистрация) преступлений, фотографирование);

– начало организации профессионального обучения работников уголовного розыска [12].

Развитие аппаратов уголовного сыска в России в период с 1908 до 1917 гг. необходимо охарактеризовать в двойственном плане. Так, с одной стороны, очевидными стали попытки центральной власти модернизировать и укрепить систему оперативно-розыскных подразделений. В то же время, нужно констатировать фактический провал процессов реформирования. Как отмечали отдельные практики сыскной работы того времени, уголовный розыск сосредоточился исключительно в губернских и некоторых уездных городах, в то время как специальные розыскные органы в уездах отсутствовали. Таким образом, значительные территории империи оставались необеспеченными защитой уголовно-розыскных подразделений. В свою очередь, уровень профессионализма работников уездной полиции в негласном сыске не способствовал успешному противодействию преступности [14].

Вопросы организации системы органов уголовного полиции стали предметом первого (и единственного) съезда начальников сыскных отделений империи, который состоялся в период с 26 июня по 3 июля 1913 в Санкт-Петербурге. В обращении к съезду товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский остановился на основных проблемах строительства и деятельности сыскной полиции, среди которых, в частности, отметил бессистемность в организации делопроизводства, отсутствие взаимодействия сыскных отделений с общей и жандармской полицией, наличие между ними конкуренции, отсутствие летучих отрядов сыскной полиции, недостаточную конспиративность сыска. В целом Джунковский дал критическую оценку действующей системы сыскных отделений и отметил ее недостаточную способность для систематической и планомерной борьбы с преступностью [14].

Подводя итог результатам реформирования уголовного розыска в период с 1908 до 1917 гг. Д. С. Рыжов отмечает, что, несмотря на существенный рост профессиональной преступности в Российской Империи, решение правитель-

ства о создании специализированных полицейских учреждениях долгое время откладывалось. В то время как мир профессиональной преступности уже полностью сформировался и непрерывно развивался органы уголовной полиции существовали лишь в нескольких российских городах и по объективным причинам были неспособны вести успешную борьбу с уголовной преступностью в уездах. Таким образом, правительство упустило момент, когда учреждение сыскных отделений могло стать эффективным средством борьбы с профессиональной преступностью [14].

Третий период – становление и развитие уголовного розыска в УССР. Хронология данного этапа наиболее насыщена событиями и, фактически, отражает эволюционный процесс формирования подразделений уголовного розыска современной Украины. Сразу отметим, что подробный анализ исторических аспектов становления советского уголовного розыска, со всей очевидностью, является предметом отдельного монографического исследования. Поэтому остановимся лишь на наиболее существенных его особенностях, которые, как мы считаем, предопределили становление подразделений уголовного розыска в системе МВД современной Украины.

Наряду с окончательным закреплением централизованного принципа управления всей системы милицеских подразделений следует отметить реализацию государством действенных мер по совершенствованию организационно-штатной структуры уголовно-розыскной службы, повышению уровня профессионального мастерства сотрудников, укреплению взаимодействия милиции с общественностью. Благодаря таким мерам государству удавалось осуществлять эффективное противодействие преступности в периоды усложнения криминальной обстановки. Так, например, в период с 1934 г. по 1935 г. число вооруженных грабежей в целом по СССР снизилось на 45%, квалифицированных краж – на 32%, конокрадства – на 66 % [15].

В послевоенный период в связи с ощутимым ростом бандитизма государством было осуществлено реформирование системы оперативных подразделений. В соответствии с циркуляром от 03.12.1946 г. сотрудники уголовного розыска районного звена стали подчиняться новообразованным отделам по борьбе с бандитизмом. Среди приоритетных задач службы уголовного розыска определялись расследование преступлений, розыск идержание преступников совершавших убийства, разбойные нападения, грабежи, а также предупреждение указанных преступлений [6, с. 11-43].

Следующий этап реорганизации уголовного розыска связан с передачей ведущих милицеских служб в ведение Министерства государственной безопасности 1949 г. В составе Главного управления милиции МГБ было организовано три управления: милицеской службы, уголовного розыска, борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. В аппаратах уголовного розыска был учрежден институт сыщиков [6, с. 11-43].

В период 60-70-х годов проведена значительная работа по перестройке деятельности подразделений уголовного розыска с учетом первоочередных заданий, которые ставились перед органами внутренних дел – противодействие хулиганским проявлениям и преступлениям несовершеннолетних, борьба с рецидивной преступностью. Основные направления деятельности службы, организационно-тактические основы их работы, особенности расстановки сил и средств были определены целым рядом нормативно-правовых актов. В целом, советский период развития уголовного розыска свидетельствует о достижении положительных результатов противодействия преступности силами уголовного розыска, а также высоким авторитете данной службы в обществе [6, с. 11-43].

Выводы. Таким образом, рассмотрев основные исторические этапы становления службы уголовного розыска на территории Украины и применив цивилизационный подход к их обобщенному анализу, необходимо сделать следующие выводы:

1. Становление государственной уголовно-розыскной службы на территории современной Украины, в целом, происходило в исторической динамике утверждения государственно-центрической парадигмы общественно-развития соответствующей культурно-историческому типу православной (восточнославянской) цивилизации.

2. Просчеты в государственной политике противодействия преступности, которые были прямо связаны с недостаточным вниманием к вопросам, прежде всего, нормативно-правового, организационного, кадрового и материально-технического обеспечения работы уголовного розыска, повлияли на ослабление государственной власти в Российской Империи и привели к ее разрушению в результате революций. Такой итог, во многом, является наглядным примером последствий «либерального» отношения государства к преступности, что обратным образом подтверждает верность цивилизационного подхода.

3. Недостатки законодательного и организационного обеспечения деятель-

ности уголовно-розыскной службы в течение прошлых исторических эпох позволяют определить и проанализировать причинно-следственные связи вокруг похожих проблем современности. С учетом того, что современная глобализация демонстрирует устойчивую тенденцию уменьшения роли государства в жизни обществ, предыдущие выводы должны быть учтены в ходе дальнейшего реформирования уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства Украины с целью закрепления действенных правовых механизмов противодействия преступности силами уголовного розыска (в результате вступления в силу нового УПК такие механизмы сегодня минимизированы). Единственно перспективным и главным принципом такой работы должен стать приоритет государственных и национальных интересов при осуществлении государственной законодательной политики.

Литература

1. Глобальный прогноз ООН «Будущее цивилизаций. Глобальный прогноз демографической, энергоэкологической, инновационнотехнологической, экономической, геополитической и социокультурной динамики цивилизации на иперод до 2050 года». Концепция и программы разработки прогноза. А. Г. Гранберг, Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. М.: МИСК, 2007.
2. Цивилизации: прошлое и будущее. Учебник. Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец, авт. слова к читателю В.М. Филиппов. М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 576 с.
3. Тростников В. *Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты*. М.: Издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004.
4. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Часть первая. Мир цивилизаций Глава 2. История и сегодняшний день цивилизаций. Природа цивилизаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hant/02.php/
5. Елинский В. И. *Уголовный сыск в России в период сословно-представительской монархии (XVI-XVII вв.)*. История органов внутренних дел России: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2001.
6. Оперативно-розыскува діяльність органів внутрішніх справ: Загальна частина: Підручник. За ред. С. П. Черних, М. П. Водька, О. Ф. Долженкова. Київ.: відділ редакційно-видавничої діяльності

Міністерства ДНДІ МВС України, 2012. – 884 с.

7. Воскресенский Н. А. *Законодательные акты Петра-I*. М.: Юр.лит., 1995. – 346 с.

8. Пиджаренко А. М. *Исторические аспекты уголовного и политического сыска*. В: Бюллетень по обмену опытом работы МВД Украины, 1994, № 113/114, с. 39-44.

9. Антологія сиску. Т.1. Документи та матеріали з кримінального сиску (1637-1918)/ Упоряд.: Ю. І. Римаренко, В. М. Чисніков, І. Р. Шинкаренко та ін. К.: Знання України, 2005. – 596 с.

10. 40 лет среди убийц и грабителей (Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции И. П. Путилина). – К., 1992. – 142 с.

11. Самойленко Е. А. *Киевская городская полиция в середине XIX – начале XX веков*. Х., 2000. – 186 с.

12. Шинкаренко І. Р. *Теоретико-правові передумови становлення системи карно-розшукових підрозділів поліції в Україні на території Російської Імперії (кінець XIX - початок XX століття)*. Вісник запорізького юридичного інституту. Вип. № 2, 2009, с. 3-14.

13. Суворов А. И. *Использование внутренней агентуры в антитеррористической деятельности полицейско-сыскных органов дореволюционной России*. История органов внутренних дел России: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2001.

14. Рыжов Д. С. Развитие аппаратов уголовного сыска в России (1908-1917 гг.). История органов внутренних дел России: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2001, с. 80-93

15. Полубинский В. И. Становление советского уголовного розыска. История органов внутренних дел России: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2001, с. 55-68.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

А. ОДЕРИЙ,

начальник кафедры криминалистики Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, доцент

SUMMARY

The article provides the research of characteristics of an ecological offender's personality as one of the elements of criminalistics characteristics of crimes against environment. Theoretical aspects in the approaches to the given issue have been analysed. The author points out that to compose criminalistics characteristics of an ecological offender, one needs to analyse groups of individuals with different motives and employment. Thereupon, the specific character of an offender has been dealt with from the position of profit, hooliganism and employment. On the basis of the given research, specific peculiarities of environmental offender have been pointed out and their typical model has been generalized.

Keywords: criminalistics characteristics, personality of an environmental offender.

РЕЗЮМЕ

В статье проведено исследование характеристики личности экологического преступника как одного из элементов криминалистической характеристики преступлений против окружающей природной среды. Проанализированы теоретические аспекты в подходах к рассмотрению указанного вопроса. Для построения криминалистической характеристики личности экологических преступников имеет большое значение анализ групп субъектов, отличающихся по мотивам, должностному положению. В связи с этим специфика характеристики личности экологического преступника была рассмотрена с корыстных, хулиганских и должностных позиций. На основе проведенного исследования определены специфические черты экологического преступника и сделана попытка создания его обобщенной типовой модели.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, личность экологического преступника.

Постановка проблемы. На сегодня по состоянию окружающей среды Украина является одной из самых проблемных стран мира. Об этом свидетельствует восемьдесят седьмая позиция Украины среди 163 стран в международном рейтинге экологических достижений (EnvironmentalPerformanceIndex) за 2010 год, составленном специалистами Йельского университета (США) по двадцати пяти показателям, характеризующим действенность государственной политики по сохранению экосистем [1]. Всего экологически чистыми считаются только 6% территории Украины [2]. Более того, статистика МВД свидетельствует об увеличении экологической преступности. Так, в 2001 году было зарегистрировано 1374 таких преступлений, в 2010 году – 2062 преступления, а в 2011 – уже 2115 [3]. Именно поэтому своевременное выявление и эффективное расследование преступлений против окружающей среды в настоящее время приобретает первоочередную значимость. В то же время, судебная практика испытывает по-

требность в современных методических рекомендациях относительно досудебного расследования такой категории уголовных правонарушений.

Актуальность темы. В криминалистической литературе достаточно внимания было уделено такой категории, как криминалистическая характеристика. Именно эта категория составила предмет исследований в работах Л. Г. Видонова, С. И. Винокурова, В. Г. Гончаренко, Л. Я. Драпкина, В. Ф. Ермоловича, А. Н. Колесниченко, В. Е. Коноваловой, М. В. Салтеевского, В. Л. Синчука, А. В. Старушкевича, Н. П. Яблокова и др. Отдельные вопросы криминалистической характеристики преступлений против окружающей среды (в том числе и касательно характеристики личности преступника) были освещены в работах Л. А. Ивановой, С. А. Книженко, А. С. Кузовкина, Е. В. Осиповой, В. А. Попова, С. С. Рузметова, Ю. Н. Туровца, О. А. Яковлевой и др. Однако названные выше исследования не охватывают Украину в целом, а ограничиваются только отдельными

регионами Украины или России, где их предметом в основном были конкретные составы преступлений против окружающей среды, а вопросы создания типовой криминалистической модели экопреступника вообще оставались вне поля зрения исследователей.

Целью статьи является определение специфики характеристики личности экологического преступника с корыстной, хулиганской и должностной точек зрения, а также создание его обобщенной типовой модели на базе проанализированных научных достижений и обьёмного эмпирического материала.

Изложение основного содержания.

Тот факт, что личность преступника является элементом криминалистической характеристики, отмечается всеми учёными-криминалистами. Однако вопрос о признаках и свойствах, которые характеризуют преступника и которые следует описывать, не нашел у исследователей одинакового решения [4, 5]. Личность преступника иногда характеризуется в уголовно-правовом, а чаще в криминологическом аспекте [6, 7, 8], т.к. именно эти аспекты наиболее разработаны в науке. К тому же данные характеристики сопровождаются разъяснениями о том, что очень трудно выделить информацию, которая имеет только криминалистическое значение [9], на том основании, что личность – единое целостное явление, изучаемое как уголовным правом, криминологией, так и другими науками. Однако, тот факт, что криминалистика черпает информацию об обстоятельствах преступления, о личности преступника из уголовного права и криминологии, подтверждает естественный процесс взаимодействия криминалистики с этими дисциплинами. В порядке обратной связи криминалистика поставляет смежным отраслям знаний свои разработки по криминалистической характеристике личности преступника, в которых отображаются специфические стороны его личности в механизме преступления, процессе следообразования. Именно эта взаимосвязь явлений, изучаемых отдельно в пределах каждой из указанных наук, и создает условия для выяснения сути преступника во всех её нюансах.

Мы считаем, что в комплекс признаков личности как элемента криминалистической характеристики должны быть включены все признаки, пригодные для выдвижения обоснованных версий, определения эффективных путей и методов установления, розыска и изобличения виновного. Некоторые из этих признаков имеют не только уголовно-правовое значение (например, предыдущие судимости, в том числе, и за престу-

пления против окружающей природной среды), но и преимущественно криминалистическое, поскольку используются для раскрытия и расследования преступления (например, «почерк» преступника). Конкретное содержание данного элемента криминалистической характеристики определяется набором признаков личности, специфических для лиц, совершающих преступления данного вида, и существенных для успешного расследования. К таким признакам могут быть отнесены: а) социальные – социальное положение, образование, расово-этническая принадлежность, семейное положение, профессия и т.д.; б) психо-логические – мировоззрение, убеждения, знания, навыки, привычки, эмоции, чувства, темперамент и т.д.; в) физиологические – анатомические и функциональные признаки, биохимические особенности крови, слюны, пота и т.д. [10]; г) биографические [11] – сбор, анализ данных о жизненном пути человека как личности и субъекта деятельности (анализ человеческой документации, свидетельства современников, продуктов деятельности самого человека и т.д.) [12]; демографические и т.д. Таким образом, криминалистическая характеристика личности преступника должна презентовать человека как социально-биологическую [13] систему, свойства и признаки которой отражаются в материальной среде и используются для раскрытия и расследования преступлений.

Обычно общество идентифицирует преступника как личность асоциального типа, маргинала, который живет по своим законам, в своем мире (у него есть своя этика и т.д.). В отличие от этого, утверждают некоторые ученые, экологический преступник встроен в социум. У него есть (была) работа, но гораздо важнее – у него есть квалификация (от «синего» до «белого воротничка): от оператора и водителя до главного инженера, генерального директора и выше. А поскольку у него есть квалификация, то он осознает, что совершает так называемые квалифицированные преступления, а поэтому экологический преступник является особым [14]. Более того, перечень социальных категорий, привлеченных к экопреступности, велик, поскольку такие преступления совершаются всеми слоями населения [15, с. 234]. Практически каждый человек хотя бы раз в жизни совершал правонарушения против окружающей среды, а отсутствие должной профилактики и экологической идеологии позволяет прогнозировать, что часть лиц, которые совершают экологические правонарушения, не остановятся и перед совершением преступления против окружающей

среды. Детерминантами преступного поведения могут стать: а) склонность человека к нарушению экологических правил (изменение нормативов, искажение отчетности и т.д.); б) состояние природных факторов (неблагоприятное воздействие температур, влажности, радиации); в) неблагоприятные условия работы, непригодность орудий производства и т.д.; г) неподготовленность определенных категорий лиц к деятельности в данных природных условиях (несоответствующая квалификация, неспособность принимать решения в сложных условиях); д) ослабление социального контроля (неадекватная оценка значимости природоохранных мероприятий и т.д.); е) ненадлежащее руководство экологической деятельностью (бесконтрольность, нераспорядительность и т.д.) [16].

Большое значение для построения криминалистической характеристики лиц, совершающих преступления против окружающей среды, имеет анализ групп субъектов, которые отличаются по мотивам, целям, должностному положению. Следовательно, целесообразно рассмотреть специфику характеристики личности экологического преступника с корыстной, хулиганской и должностной точек зрения. При этом использование термина «экологический преступник», «экопреступник» является вполне обоснованным, поскольку, употребляя его, мы имеем в виду лицо, совершившее преступление(я) против окружающей среды.

1. В ряде случаев экологические преступления имеют корыстную мотивацию. Для таких преступлений характерны признаки получения материальной выгоды, наличие определенного «коэффициента корысти». Наибольшую распространенность среди таких действий имеют преступления, предусмотренные ст.ст. 240, 249, 248 УК. Отдельную группу составляет незаконная порубка леса (ст. 246 УК) с характерным преимуществом в сезонный период (заготовка хвойных пород для реализации).

Криминалистическая характеристика субъектов таких преступлений формируется не только на базе учета демографических показателей (пол, возраст, образование и т.д.), но и требует учета ряда таких специфических признаков, как «экологичность» и «корысть». Первая из них связана в основном с оснащенностью преступника, применением орудий, характеризующихся промышленным характером, запрещенными средствами; местом и временем преступной деятельности (сезонность и др.), негативными последствиями деяния; объемом и продолжительностью

преступного поведения; последствиями преступной деятельности (экологический, материальный ущерб). Второй признак находит свое отражение также и в доходности преступной деятельности, организации преступной деятельности в виде промысла, в связях с переработчиками, сбытчиками и другими соучастниками; в наличии действий, связанных с другими преступлениями, в том числе, корыстными. Такие преступления могут быть отнесены к высокодоходным, которые имеют устойчивый характер, иногда хорошо организованы, обеспечены транспортом, местом хранения и т.д. Яркий представитель этой группы, личность браконьера, обычно мужского пола. Преобладание индивидов, принадлежащих к возрастной категории наиболее социально активных (18-50 лет), свидетельствует об их социальной зрелости, о достаточной сформированности их потребностей и способов удовлетворения этих потребностей. Доля лиц, имеющих высшее образование, является незначительной - 6,9%, большинство имеет полное среднее образование (64,7%) или профессионально-техническое образование (28,1%), а начальное - лишь 0,4%. Обращает внимание отсутствие в судебной практике случаев осуждения браконьеров в составе организованной группы или преступной организации, о существовании и развитии которых свидетельствуют отдельные публикации в СМИ и мнение ученых-специалистов [17].

2. Криминалистическая характеристика экологических преступлений с хулиганской мотивацией, соединенной с вандализмом, строится на анализе преступлений, связанных с уничтожением лесных массивов путем поджога (лесные пожары, возникающие, например, в результате разведения костров лицами, находящимися в состоянии опьянения, сознательного пренебрежения правилами предосторожности), загрязнение водоемов на пляже в результате мойки автомобилей, загрязнение воздуха в результате сжигания в местах проживания и отдыха людей материалов, выделяющих вредные вещества, бессмысленный отстрел специально охраняемых животных и т.д.

Для таких преступников общими будут такие признаки, как агрессивность, жестокость, неуравновешенность, эгоцентризм, при котором личные желания рассматриваются как такие, что подлежат безусловному удовлетворению, несмотря на явно небезопасные последствия, в том числе связанные и с экологической безопасностью (лесной пожар).

Экологические преступления, связанные с выполнением служебных обязанностей, в том числе совершенные должностными лицами, существенно отличаются по ряду признаков от аналогичного вида преступлений, субъекты которых преследовали корыстную цель или проявляли хулиганскую мотивацию.

К таким относятся субъекты, которые являются должностными лицами, а также лица, которые непосредственно выполняют служебные функции в сфере природопользования. Как правило, они совершают преступления, предусмотренные ст.ст. 364, 365, 367, 368 УК, и другие преступления. Кроме указанных лиц такие преступления могут совершать другие лица, выполняющие технические, технологические и другие природоохранные обязанности. Например, лесник в пределах закрепленного обхода совершил самовольную незаконную порубку 60 дубовых деревьев, которые реализовал своим постоянным клиентам – заготовителям древесины [18].

Конечно, приведенное деление в определенной степени условно, поэтому по разным причинам возможны переходы из одной группы (например, хулиганской) к другой (корыстной), или одно преступление может быть совершено лицами из разных приведенных категорий [19]. Так, А. И. Виноградова доказывает, что законодательство о защите растений (ст. 247 УК) преступно нарушают должностные лица (руководители предприятий, учреждений, организаций, их заместители), специально уполномоченные лица, на которых возложена обязанность соблюдения установленных экологических правил (профессионал-оператор, то есть лицо, которое управляет системами: «человек-машина», «человек-природа», «машина-природа»; профессионал, деятельность которого связана с обращением с опасными веществами), другие лица (сельские жители, пенсионеры, студенты, безработные и др.). То есть, личность преступника – это, как правило, должностное лицо, осуществляющее деятельность в сфере реализации установленного порядка защиты растительного мира, в том числе, в части предупреждения и борьбы с вредителями и болезнями растений. Это руководители и работники предприятий, должностные лица, наделенные властными полномочиями охранять и использовать объекты растительного мира (*по нашей классификации - третья группа*). В то же время исследователи отмечают, что преступниками могут быть и физические лица, которые удовлетворяют свои потребности с нарушением установленных правил

[20] (*то есть, представители первой и второй группы*).

Особое место в преступности против окружающей среды занимает специализированная организованная преступность, которая является крупнейшим криминальным явлением, посягающим на экологическую безопасность государства. Организованная преступность против окружающей среды имеет характер ассоциации, действует на профессиональной основе и заботится о своих экономических целях. Она стремится выйти из-под контроля государственных органов, используя методы, которые запрещены законом, и такие средства, как угроза применения насилия, взятки, шантаж и др. Основной целью деятельности такой преступности является получение сверхприбыли и устранение конкурентов в определенной области (лесной, нефтегазовой и т.д.). Характеристика личности организованного преступника в такой сфере имеет свою специфику, связанную с деятельностью организованной группы в форме уголовного объединения. Здесь имеет место элитарный тип организованного преступника, который находится близко к власти или имеет ее непосредственно (занимает должность в государственном учреждении), что и обуславливает низкую ответственность преступников такого типа.

Более того, они и их представители играют активную роль в разработке законов и полномочий тех контролирующих органов, которые ограничивают их деятельность. Через финансовые пожертвования и при использовании социальных контактов они находят доступ к законодателю, привлекая, таким образом, серьезное внимание к своей точке зрения. Такие действия мотивируются желанием избежать наложения ограничений на их деятельность, а там, где потери и уступки неизбежны, добиться обязательств действовать в рамках «возможного». В таких условиях, даже если внешне движение на запрет любой деятельности кажется успешным, то пролоббированные редакции принятых законов являются не чем иным, как символической угрозой. Таким образом, перед нами предстает портрет элитарного должностного экотеррориста, в обязанности которого входит соблюдать общественные или государственные интересы, но факт совершения преступления именно им, без сомнения увеличивает его общественную опасность.

Среди экологических преступников есть и *несовершеннолетние*, мотивом которых чаще всего является хулиганство (например, поджог леса, вандализм, озорство, скука. Для такой категории

преступников характерным является искривление морального и правового сознания в сфере экологии и охраны окружающей среды. Эмоционально-волевая сфера несовершеннолетнего экопреступника ослаблена, снижены чувство стыдливости, развиты грубость и жестокость, отсутствуют самоконтроль и самокритичность, в наличии устойчивая направленность на совершение любых неблагоприятных поступков, в том числе и преступлений против окружающей среды, полное равнодушие к понятиям «созидание» и «любовь к природе». Особенно развито стадное чувство, желание утвердиться в группе себе подобных любимыми способами, в том числе, и путем проявления жестокости к окружающим, надменного отношения к окружающей среде и т.д.

Что касается *женской* экопреступности, то она встречается крайне редко, поскольку давно доказано, что женщине присуще более высокое моральное развитие, и в нормальных условиях женщины практически не совершают преступлений. Экологическую преступность нельзя ставить в один ряд с бытовой, семейной, корыстной и насильственной преступностью, где доля женщин растет именно потому, что драматическое совпадение преимущественно и толкает женщину на преступление [21]. То есть мотивация для женщин на совершение преступлений против окружающей среды, которая имеет место в бытовой, корыстной или насильственной преступности, отсутствует. Более того, устоявшиеся стереотипы в обществе не позволяют женщине с той же легкостью, что и мужчине, занимать высокие должности в государственных органах и на предприятиях. Такое положение дел имеет место не только в Украине [22]. Даже занимая высокие должности и имея возможности, женщины реже совершают преступления. Именно это и обуславливает практически полное отсутствие женщин среди экопреступников. Однако, как правильно отмечает Б. Б. Тангиев, женщина может служить средством в руках мужчин для достижения того или иного противоправного результата, даже не подозревая незаконность своих действий или полностью доверяясь своему сообщнику [15, с. 241].

При незаконных действиях, связанных с вырубкой леса, охотой, занятием рыбным, звериным водным добывающим промыслом и др., о женщине как о субъекте преступления говорить не приходится. Издавна сложилось так, что именно мужчина является охотником, рыбаком, лесорубом и т.д., иными словами добытчиком. Женщине всегда отводилось место домохозяйки, храни-

тельницы домашнего очага, что видимо в значительной мере и повлияло на её психологию.

Отдельно следует остановиться на личности экологического преступника, который совершил преступление против окружающей среды по неосторожности. Личность такого преступника отличается меньшей общественной опасностью, поскольку у него нет устоявшихся антиобщественных взглядов, а также отсутствует уголовная направленность. Вместе с тем, неосторожный экопреступник безразличен к окружающей природной среде и его заботы направлены на решение сиюминутных проблем [23]. Более того, на неосторожных преступников уголовно-правовые меры предупреждения влияют в меньшей степени, чем на преднамеренных (корыстных, насильственных), поскольку субъект не в полной мере осознает опасность своих противоправных действий (бездействий), а потому не всегда понимает причину применения к нему уголовно-правовых мер [24]. Для таких преступников характерны такие черты и качества: 1) недостаточные волевые усилия, направленные на выполнение должностных (служебных) обязанностей; 2) отсутствие желания выполнять свою работу в полную силу; пренебрежительное отношение к действующим в этой сфере деятельности правовым нормам; 4) недисциплинированность; 5) эмоциональная неустойчивость; 6) высокомерие; 7) легкомыслие и т.д. [25]. Следовательно, можно согласиться с той мыслью, что мотивами неосторожных экопреступников могут быть: а) криминальная безответственность; б) самоуверенное или легкомысленное отношение к правилам безопасности на производстве, на транспорте, в быту [26].

Результаты проведенного нами обобщения свидетельствуют, что преступления против окружающей среды преимущественно совершаются мужчинами (84%) в возрасте от 20 до 55 лет (92%), женатыми (52%) со средним (57%) и высшим (31%) образованием, впервые, каждый четвертый из которых ранее привлекался к административной ответственности за экологические правонарушения, а 19% были ранее судимыми, из которых 2% именно за преступления против окружающей среды. Практически каждый второй был безработным (45%), 41% жителем города. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что 4% преступников были работниками природоохранных органов [27]. Б. Б. Тангиев отмечает, что подавляющее большинство составляют лица, находящиеся в зарегистрированном или гражданском браке, 20% - холосты. Во

многих случаях преступник содержит иждивенцев (детей или ребенка, родителей) [15, с. 234].

Всё сказанное выше позволяет выделить определённые особенности (черты) экологического преступника, которые и отличают его от других преступников: 1) занятие профессиональной (или служебной) деятельностью, последствия которой умышленно или по неосторожности могут быть вредными для окружающей среды, в которой пребывает человек; 2) увлечения, связанные с природой (охота, рыбалка, коллекционирование природных предметов и т.д.); 3) осведомлённость о закономерностях физических и биологических явлений, которая может быть использована с преступными намерениями; 4) наследование губительных для природной среды, в которой пребывает человек, традиций, привычек, ритуалов; 5) психофизиологическая способность к совершению деяний, наносящих вред природной среде; 6) отсутствие экологических знаний [28]; 7) отнесение охраны окружающей среды к второстепенным проблемам.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволяет осуществить попытку построить обобщённую типовую модель экологического преступника (экопреступника) – это человек (мужчина), в возрасте от 20 до 55 лет, чаще всего со средним образованием, безработный или работающий на временных работах (за исключением служебных лиц), женатый, может быть жителем города, так и села, имеющих на своём содержании иждивенцев, без явно выраженных дефектов правового и морального сознания, сосредоточенный на совершении одного или нескольких видов преступлений против окружающей среды и способный предвидеть результаты своей деятельности благодаря специальной профессиональной подготовке, жизненному опыту, но игнорирующий важность охраны окружающей природной среды за счет отнесения этой проблемы к разряду второстепенных.

Литература

1. Yale Center for Environmental Law & Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://epi.yale.edu/Countries>
2. National Report of Ukraine on harmonization of society's activity in natural environment. Special publication on the occasion of the 5th Pan-European Ministerial Conference «Environment for Europe», Kyiv – 2003 [Электронный ре-

сурс]. Режим доступа: http://www.mengr.gov.ua/media/files/13_english.pdf

3. Сайт МВС України. Інформація на 18.02.2013 р. [Електронний ресурс]. - Режим доступа :<http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/717134>

4. Ахмедшин Р. Л. *Криміналістическая характеристика личности преступника* [Текст]: Дис... докт. юрид. наук. 12.00.09.уголовный процесс; криміналістика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. Томск, 2006. – 413 с.

5. Хоменко А.Н. *Личность преступника как элемент криміналістической характеристики преступления и её роль в расследовании преступлений* [Текст]: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. - 12.00.09. Волгоград, 1996. - 30 с.

6. Корнякова Т. В. *Кримінологічні засади запобігання органами прокуратури ризичинам протидовкілля*: монографія. К.: Ін Юре, 2011. – 408 с.

7. Мельник П. В. *Окремі іттанясоціально-демографічної характеристики осіб, які вчинили злочини протидовкілля*. В: Актуальні проблеми кримінального права та кримінології, кримінально-виконавчого права: матеріали III-ої Міжнар. наук.-практ. конф. присвяченої 10-річчю Міжнародного гуманітарного університету, (28 жовт. 2011 р., м. Одеса). Одеса, 2011, с. 177-178.

8. Дубовик О. Л., Жалинский А. Э. *Причины экологических преступлений*. М.: Наука, 1988, с.81-85.

9. Ведерников Н. Т. *Личность преступника как элемент криміналістической характеристики преступления*. Криміналістическая характеристика преступлений: Сб. научн. трудов. М., 1984, с. 74-78.

10. Еркенов С. Е. *Методика расследования незаконного занятия рыбным промыслом (по материалам Казахской ССР)*: Учебное пособие. Караганда, 1984. – С.21-22.

11. Сервещкий І. В. *Використання біографічного методу для дослідження індивідуальних якостей людини*. І. В. Сервещкий, О. М. Юрченко, В. В. Редька [Текст]. Наука і правоохорона, 2010, №4 (10), с.138-141.

12. Ананьев Б. Г. *О проблемах современного человеческого знания*. М., 1977, 380 с.

13. Следует учитывать, что соотношение социального и биологического в поведении человека не статично, а динамично и изменяется в историческом аспекте (развитие человеческого рода), а также в процессе жизни отдельного человека. Более детально см.: *Личность преступника* [Текст]: монография. Алимов С. Б., Кондрашков Н. Н., Кудрявцев В. Н., Лейкина Н. С. и др.; отв. ред. Кудрявцев В. Н. М.: Юрид. лит., 1971, с. 40-47.

14. Из интервью с профессором, доктором технических наук А. М. Воронцовым, сотрудником Санкт-Петербургского Центра экологической безопасности РАН. URL: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bellona.no/ru/index.html>

15. Тангиев Б. Б. *Научный эколого-кримінологический комплекс (НЭКК) по обеспечению экологической безопасности и противодействию экопреступности* [Текст]. Б. Б. Тангиев. Предисловие докт. экон. наук, проф. В. К. Донченко. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. – 515 с.

16. Тарайко В. И. *Раскрытие и расследование экологических преступлений*: монография. В. И. Тарайко [Текст]. М.: Юрлитинформ, 2013, с. 129-132.

17. Турлова Ю. А. *Кримінологічна характеристика особи злочинця-браконьера*. Судова апеляція № 2(19). – 2010 р., с.130-136.

18. Убозівці затримали лісника за незаконну порубку дерев дуба. За матеріалами сайту МВС України. [Електронний ресурс]. Режим доступа: emvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/printable_article/790315

19. В литературе предложены и другие критерии для классификации личности экопреступника. Напр. См.: Духно Н. А., Корухов Ю. Г. *Расследование экологических преступлений*: Лекция. М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2001. – 20 с.

20. Виноградова А. І. *Розслідування порушень законодавства про захист рослин*. [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. А. І. Виноградова; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. Київ., 2013, с.12-13.

21. Криминология: Учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Под ред. Г. А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005, с.387.

22. Криминология. Под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб: Питер, 2003, с.157.

23. Бушуев Т. А. *Общественная опасность неосторожных преступлений против природопользования*. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. Владивосток, 1996, с.152.

24. Афиногенов Ю. А. *Проблемы эффективности норм о неосторожных преступлениях*. Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. Владивосток, 1996, с. 62.

25. Северин В. А. *Личность преступника, совершившего халатность в сфере промышленного производства*. Вопросы борьбы с преступностью. 19886. Вып. 44, с.34-37.

26. Криминология. Под ред. Н. Ф.

Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994, с.138.

27. Например, к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 365 УК Украины привлечены рыбинспектор и ихтиолог-Нижнеднепровского государственного бассейнового управления охраны водных ресурсов, которые под видом проведения контролируемых выловов занимались браконьерством. См.: Кулаков В. *Рибні ресурси держави потребують прорурського захисту*. Вісник прокуратури, 2007, №3 (69), с.35-37.

28. Костенко О. М. *Культура і закон – у протидії злу*: Монографія. К.: Атіка, 2008, с. 176.

ВЗАЄМОДІЯ СУБ'ЄКТІВ НАГЛЯДУ ПРИ ЗАБЕЗПЕЧЕННІ ДОТРИМАННЯ ПРАВИЛ ПАСПОРТНО-РЕЄСТРАЦІЙНОЇ СИСТЕМИ

А. ЗАГОРОДНІЙ,

здобувач Одеського державного університету внутрішніх справ

SUMMARY

The article is devoted to defining the main directions and forms of interaction between agents supervision of compliance with the rules of the passport and registration system. The interaction of the implementation of the administrative supervision of compliance with the rules of the passport and registration system is classified according to system accessories interacting agents.

Keywords: administrative and supervisory activities, interaction, supervision entities, rules, passport and registration system, information resources.

РЕЗЮМЕ

Стаття посвячена определению основных направлений и форм взаимодействия субъектов надзора за соблюдением правил паспортно-регистрационной системы. Взаимодействие при осуществлении административного надзора за соблюдением правил паспортно-регистрационной системы классифицировано в зависимости от системной принадлежности взаимодействующих субъектов.

Ключевые слова: административно-надзорная деятельность, взаимодействие, субъекты надзора, правила, паспортно-регистрационная система, информационные ресурсы.

***

Стаття присвячена визначенню основних напрямків і форм взаємодії суб'єктів нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи. Взаємодія при здійсненні адміністративного нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи класифіковано залежно від системної приналежності взаємодіючих суб'єктів.

Ключові слова: адміністративно-наглядова діяльність, взаємодія, суб'єкти нагляду, правила, паспортно-реєстраційна система, інформаційні ресурси.

Постановка проблеми. Мета адміністративно-наглядової діяльності за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції може бути досягнута тільки за умови спільних, скоординованих зусиль усіх суб'єктів такої діяльності. Встановлення чіткої взаємодії суб'єктів адміністративно-наглядової діяльності за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції є одним із шляхів підвищення ефективності цієї діяльності між собою та з іншими центральними та місцевими органами виконавчої влади, органами місцевого самоврядування, громадськими об'єднаннями, підприємствами, установами та організаціями, налагодження тісного співробітництва з відповідними державними органами і громадськими об'єднаннями зарубіжних країн, міжнародними організаціями тощо.

Актуальність теми. Ураховуючи напрацьований практикою певний досвід організації взаємодії під час здійснення нагляду у сфері дотримання правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції, її можна класифікувати в залежності від системної приналежності взаємодіючих суб'єктів на міжнародну (міждержавну), зовнішню (міжвідомчу) і внутрішню (відомчу).

Метою даної статті є визначення на основі аналізу чинних нормативно-

правових актів та практики їх реалізації форм та напрямів взаємодії під час здійснення адміністративного нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи, виокремлення основних проблем, які виникають при цьому, та можливих шляхів їх вирішення.

Виклад основного матеріалу статті. Взагалі взаємодія – це цілеспрямований процес впливу суб'єктів (об'єктів) один на одного з метою досягнення певної бажаної спільної мети [1, с.164]. На нашу думку, взаємодію суб'єктів нагляду при забезпеченні дотримання правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції можна охарактеризувати як засновану на законодавчих та нормативних актах, спільну, узгоджену за метою, часом та місцем діяльність, спрямовану на забезпечення дотримання правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції, із застосуванням найбільш доцільного поєднання притаманних взаємодіючим суб'єктам сил, засобів та методів щодо вирішення поставлених завдань.

Міжнародний (міждержавний) рівень взаємодії здійснюється відповідно до міжнародних договорів, згода на обов'язковість яких надана Верховною Радою України, органами державної влади України, з міжнародними організаціями і компетентними органами іноземних держав у сфері дотримання

правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.

У межах даного рівня взаємодії в досліджуваній сфері центральне місце займають міжнародні організації, які систематично розробляють практичні рекомендації для країн-учасниць, надають фінансову, організаційну та правову допомогу щодо їх впровадження, особливо країнам, в яких спостерігається найбільша кількість порушників правил паспортно-реєстраційної системи, зокрема нелегальних мігрантів (Югославія, Афганістан, Румунія, Туреччина, Ірак, Бангладеш, КНР, Україна, Росія) [2].

Міжнародна (міждержавна) взаємодія переважно здійснюється на підставі Конвенцій, зокрема Конвенції ООН про захист прав усіх трудящих-мігрантів та членів їхніх сімей (1960 р.), Конвенції ООН про статус біженців (1951 р.), Конвенції ООН про права дитини (1989 р.) та інших. Крім того, така взаємодія здійснюється в рамках міжнародних багатосторонніх та двосторонніх договорів та угод, зокрема Шенгенських угод (1985 р. та 1990 р.), Дублінської конвенції (1990 р.), Маастрихтського договору (1992 р.), Амстердамського договору (1997 р.) та інших.

На нашу думку, особливу увагу слід звернути на вдосконалення співпраці з посольствами країн, з яких найчастіше приїжджають до України нелегальні мігранти, зокрема, з питання встанов-

лення їх особи та сприяння у поверненні на батьківщину. Поки що в Україні з цього питання налагоджена взаємодія з Посольством Китаю, відпрацьований механізм залучення представника МВС у Посольстві України в Російській Федерації для роботи з Посольством Шрі-Ланки та Бангладеш у Російській Федерації тощо [3].

Значну роль у протидії нелегальній міграції в Україні відіграє Місія Європейського Союзу з прикордонної допомоги Молдові та Україні (EUBAM), яка розпочала свою діяльність 30 листопада 2005 року у відповідь на спільне звернення Президента Республіки Молдова та України до Європейської Комісії.

До основних напрямків взаємодії органів державної влади й управління на міжнародному (міждержавному) рівні можна віднести наступні: 1) обмін інформацією; 2) обмін спеціалістами міграційної служби, поліції та прикордонної служби з метою навчання заходам та засобам нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції; 3) обмін автентичними зразками документів, що посвідчують особу чи підтверджують її громадянство; 4) обмін науковими методами, технологіями та результатами експертних досліджень у цій сфері; 5) обмін науковими публікаціями і навчальними посібниками із питань нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції; 6) участь у відповідних робочих зустрічах, семінарах, конференціях; 7) обмін досвідом використання технічних засобів контролю.

Зовнішня (міжвідомча) взаємодія – це взаємодія суб'єктів нагляду, різних державних органів, їх служб, підрозділів та співробітників між собою та з іншими учасниками процесу забезпечення дотримання правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.

На наш погляд, зовнішню (міжвідомчу) взаємодію доцільно поділити на два підвиди: взаємодію з суб'єктами, для яких нагляд за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидія нелегальній міграції є одним із службових завдань (Державна міграційна служба України, Державна Прикордонна служба України, Державна митна служба України, міліція тощо), і взаємодію з органами, службами, організаціями, підприємствами, установами та громадськістю, які можуть сприяти реалізації нагляду у зазначеній сфері чи виконують це завдання на добровільних засадах (засоби масової інформації, учбові заклади, медичні установи, фізичні та юридич-

ні особи, які є приймаючою іноземців стороною, тощо).

Важливе значення в організації взаємодії при здійсненні адміністративного нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції має наявність чіткого визначення прав і обов'язків учасників взаємодії, яке має спиратися на загальний принцип – кожен із учасників діє у межах своєї компетенції без заміни один одного.

Організація взаємодії при здійсненні адміністративно-наглядової діяльності за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції має широкий та різнобічний характер і здійснюється у таких напрямках: 1) визначення державної політики у сфері паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції; 2) розробка та реалізація концепцій та комплексних програм протидії правопорушенням у сфері паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції; 3) проведення міжвідомчих нарад керівників суб'єктів нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції як на державному, так і на обласному та місцевому рівнях; 4) проведення взаємозвірок (такий напрям організації взаємодії сприятиме нагляду за ефективним виконанням кожним із суб'єктів своїх завдань, зокрема взаємозвірка є необхідними, на наш погляд, між Державною міграційною службою України та Державною Прикордонною службою України щодо осіб, які перетнули кордон країни з метою отримання статусу біженця та осіб, які звернулись до Державної міграційної служби України за його отриманням); 5) узагальнення передового досвіду взаємодії та запровадження його у практику попередження, виявлення, припинення порушень правил паспортно-реєстраційної системи та притягнення до відповідальності винних осіб; 6) аналіз причин й умов, які сприяють порушенню правил паспортно-реєстраційної системи та збільшенню рівня нелегальної міграції (сприятиме виробленню нових форм взаємодії щодо протидії зазначеним явищам); 7) удосконалення правової бази взаємодії суб'єктів нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.

Слід зазначити, що перелічені напрями організації взаємодії є ефективними при їх належному та своєчасному застосуванні всіма суб'єктами нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції в процесі їх діяльності.

Аналіз чинних нормативно-правових актів та практики організації адміністративно-наглядової діяльності за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи дозволяє виділити наступні форми взаємодії при здійсненні нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції на міжвідомчому рівні:

- *планування та проведення спільних заходів, спеціальних операцій тощо.*

До спільних заходів можна віднести відпрацювання підприємств, установ та організацій, де можуть працювати нелегальні мігранти або особи без відповідної реєстрації, а також житлового сектора, гуртожитків, навчальних та розважальних закладів, в яких можуть проживати чи навчатись нелегальні мігранти чи особи без реєстрації тощо. Проведення спільних заходів зазвичай реалізується спеціально сформованими оперативними групами, до складу яких входять представники всіх взаємодіючих суб'єктів.

Цільові оперативно-профілактичні операції щорічно проводяться у країні. Вони мають свої кодові назви і здійснюються на підставі типових планів. Досить важливим етапом завершення кожної операції є підведення підсумків. На практиці досить часто одне з відомств намагається доповісти керівництву держави про загальні результати спільної роботи як про власні, чим підривається довіра до міжвідомчого співробітництва інших учасників спільних дій. Тому результати спеціальних спільних заходів має узагальнювати одне із відомств (на нашу думку, Державна міграційна служба України), а підписувати їх повинні керівники усіх суб'єктів, які брали участь у заходах. Крім того, інформація повинна містити пропозиції і заходи, спрямовані на збереження досягнутих результатів і розвитку позитивних тенденцій у діяльності суб'єктів нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.

- *надання та виконання доручень.*

Наприклад, уповноважені державні органи відповідно до їх компетенції та за наявності підстав, визначених законом, і у порядку, визначеному Кабінетом міністрів України [4], можуть надавати доручення Державній Прикордонній службі щодо осіб, які перетинають державний кордон, зокрема і щодо нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.

- *обмін інформацією (оперативною та статистичною).*

Так, територіальні підрозділи Дер-

жовної міграційної служби України у п'ятиденний строк надсилають інформацію про іноземців та осіб без громадянства, яким продовжено строк перебування на території України, в Адміністрацію Державної прикордонної служби України [5]. Ще як приклад можна навести обов'язок Міністерства закордонних справ перевіряти у місячний термін правильність оформлення справ з питань імміграції, що надійшли через закордонні дипломатичні установи України від осіб, які постійно проживають за межами України, справжність поданих документів та відповідність їх оформлення вимогам законодавства і надсилати їх до Державної міграційної служби України [6].

- *перевірка осіб за відповідними відомчими інформаційними системами, обліками та базами даних, які існують у суб'єктах нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.* Так, окрім Державної інформаційної системи реєстраційного обліку фізичних осіб та їх документування під час здійснення нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та заходів щодо протидії нелегальній міграції використовуються можливості:

- автоматизованої інформаційно-пошукової системи «Митниця», ведення якої здійснюється підрозділами Державної митної служби України;

- автоматизованої бази даних «Відомості щодо осіб, які перетнули державний кордон України», ведення якої здійснюється підрозділами Державної прикордонної служби України;

- інформаційних баз даних, криміналістичних обліків підрозділів МВС України: 1) АІС «Автомобіль» - про наявність зареєстрованих транспортних засобів та їх перереєстрацію; 2) «ДАІ» про адміністративну практику дотримання правил дорожнього руху, адміністративні стягнення тощо; 3) дані про наявність судимості; порушені кримінальні справи, що знаходяться в провадженні; про закриті (припинені) кримінальні справи щодо конкретних осіб; дані щодо осіб, які звільнені від кримінальної відповідальності та покарання; 4) «АРМОР» – дані про осіб, які під час перебування в Україні скоїли порушення законодавства про правовий статус іноземців та осіб без громадянства чи не виконали рішення суду чи органів державної влади, уповноважених накладати адміністративні стягнення тощо;

- інформаційних ресурсів органів державної податкової служби: 1) Єдиного банку даних про платників податків-юридичних осіб; 2) автоматизованого банку даних інформації «Державний

реєстр фізичних осіб - платників податків; 3) АРМУ «Реєстр втрачених та викрадених паспортів» тощо. Наприклад, Державна міграційна служба України взаємодіє з Державною податковою службою України при перевірці достовірності реєстраційного номера облікової картки платника податків або серії та номера паспорта фізичної особи, яка звернулася за оформленням паспорта громадянина України для виїзду за кордон [7];

- інформаційних ресурсів СБУ: 1) щодо виявлення серед осіб, які подали заяву про надання дозволу на імміграцію, таких, яким дозвіл на імміграцію не може бути наданий; 2) щодо перевірки на наявність чи відсутність обмежень щодо виїзду за кордон осіб, які обізнані з відомостями, що становлять державну таємницю тощо.

- *організація та проведення спільних нарад, навчань, тематичних брифінгів, семінарів, лекцій, висвітлення проблем нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції та шляхів їх вирішення у ЗМІ, проведення виступів у трудових колективах, перед населенням, у навчальних закладах.*

Однією з форм взаємодії спеціальних суб'єктів нагляду за дотриманням правил паспортної системи та протидії нелегальній міграції мають стати періодичні цільові спільні засідання колегій, а також оперативні та міжвідомчі наради, робочі зустрічі керівників і виконавців тощо. На сьогоднішній день є певний досвід організації зустрічей лише на рівні двох суб'єктів, але разом для вирішення конкретного завдання щодо поліпшення взаємодії зазначені суб'єкти у розширеному складі ніколи не збирались.

- *удосконалення правової основи щодо нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції з урахуванням проблем, які виникають під час її реалізації.*

Вивчення практики застосування законодавства у сфері дотримання правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції всіма суб'єктами нагляду у зазначеній сфері має на меті розробку єдиних рекомендацій для його виконання, виявлення недоліків та прогалин і підготовку погоджених пропозицій щодо їх усунення; створення робочих груп за ініціативою суб'єктів нагляду для підготовки нових законопроектів, пропозицій про зміни і доповнення законодавства, направлення законопроекту, підготовленого одним суб'єктом, іншим суб'єктам для вивчення та надання зауважень та пропозицій

з питань, що стосуються їх компетенції, спільне обговорення законопроектів, що стосуються питань нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції, прийняття спільних наказів та інструкцій про взаємодію тощо.

- *технічне та програмне забезпечення наглядової діяльності щодо дотримання правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції.*

Перехід на використання документів, що міститимуть біометричні дані особи, вимагає від суб'єктів нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції відповідного технічного та програмного забезпечення, яке повинно бути уніфіковане, відповідати національним та міжнародним стандартам, має сприяти спрощенню та прискоренню реалізації права на свободу пересування, виключати можливість порушення даного права з боку спеціально уповноважених органів тощо.

Як перспективний напрямок взаємодії органів державної влади та управління слід відзначити надання можливості отримати адміністративні послуги, які відносяться до компетенції Державної міграційної служби України, в міських центрах надання адміністративних послуг, які створюються на підставі ЗУ «Про адміністративні послуги» №5203 від 06.09.2012 року [8] та Постанови Кабінету Міністрів України «Про затвердження Примірного положення про центр надання адміністративних послуг» №118 від 20.02.2013 року [9].

Особливу увагу слід звернути на необхідність налагодження взаємодії органів державної реєстрації актів цивільного стану та територіальних підрозділів ДМС України щодо надання документу, що посвідчує особу, новонародженій дитині. На теперішній час з моменту народження дитини документом, що посвідчує особу, має бути паспорт громадянина України, який видається в територіальних підрозділах міграційної служби. Однак, при оформленні паспорта громадянина України необхідно надати свідоцтво про народження, яке уповноважені видавати державні органи реєстрації актів цивільного стану після державної реєстрації факту народження, та яке наразі відсутнє в переліку документів, що посвідчують особу. Відповідно до п. 3 ст. 13 Закону України «Про державну реєстрацію актів цивільного стану» державна реєстрація народження дитини проводиться не пізніше одного місяця з дня її народження [10]. Сімейним кодексом України (ст. 144) на батьків покладено обов'язок зареєструвати народження

дитини в державному органі реєстрації актів цивільного стану. Невиконання цього обов'язку є підставою для притягнення батьків до відповідальності, передбаченої ч. 2 ст. 212¹ КУпАП. Отже, на сьогоднішній день батькам протягом місяця з моменту народження дитини необхідно з'явитись в державні органи реєстрації актів цивільного стану (куди до речі можуть з'являться батьки самі, без дитини, з відповідною медичною довідкою з пологового будинку), після чого необхідно звернутись в територіальний підрозділ Державної міграційної служби за паспортом для дитини (обов'язково з дитиною, оскільки необхідно заносити до паспорту біометричні дані). Однак, термін звернення до ДМС України в даному випадку не встановлений. Ст.21 ЗУ «Про Єдиний державний демографічний реєстр та документи, що підтверджують громадянство України, посвідчують особу чи її спеціальний статус» зобов'язує кожного громадянина України незалежно від віку отримати паспорт громадянина України. Отже, за проживання без паспорту дитини її батьків може бути притягнуто до адміністративної відповідальності, зокрема вже наступного дня після отримання свідоцтва про народження дитини, що на нашу думку є необґрунтованим, оскільки дитина ще зовсім мала, і багато хто з батьків досить обґрунтовано з медичної точки зору не бажають активного спілкування дитини із сторонніми особами. На нашу думку, необхідно, по-перше, встановити розумний строк, протягом якого батьки зобов'язані з'явитись до Державної міграційної служби України для отримання паспорта громадянина України для дитини; по-друге, доцільним є використання можливостей центрів адміністративних послуг, які слід уповноважити надавати адміністративні послуги, що не лише належать до сфери діяльності Державної служби України, а й щодо одночасної державної реєстрації факту народження дитини і видачі свідоцтва про її народження, з метою спрощення процедури отримання паспорту громадянина України батьками для новонароджених дітей.

Внутрішня (відомча) взаємодія – взаємодія між собою служб, підрозділів і співробітників кожного із уповноважених суб'єктів.

Відомчий рівень взаємодії щодо нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції передбачає взаємодію організаційних структур кожного з уповноважених суб'єктів на підставі внутрішніх інструкцій. Так, наприклад, до форм взаємодії між підрозділами Державної міграційної служби України

можна віднести: подання до адресно-довідкового підрозділу територіального органу Державної міграційної служби України талонів зняття з реєстрації місця проживання в Україні та відомостей про реєстрацію місця проживання осіб; відправлення талонів зняття з реєстрації місця проживання особи в територіальний підрозділ Державної міграційної служби України за попереднім місцем проживання особи, якщо зняття з реєстрації відбувається одночасно з реєстрацією місця проживання; надіслання примірника облікової картки при продовженні іноземцю чи особі без громадянства строку перебування на території України територіальним органом чи підрозділом Державної міграційної служби України, що прийняв рішення про його продовження, до територіального підрозділу Державної міграційної служби України за місцем проживання іноземця чи особи без громадянства для здійснення контролю за їх своєчасним виїздом з України та ін.

Висновки. Підводячи підсумок, слід зазначити, що з метою підвищення ефективності взаємодії суб'єктів адміністративного нагляду за дотриманням правил паспортно-реєстраційної системи та протидії нелегальній міграції, на нашу думку, необхідно розробити та прийняти спільну інструкцію, в якій визначити загальні засади взаємодії, конкретне коло суб'єктів, які взаємодіють між собою, з яких питань, форми та методи їх взаємодії, відповідальність тощо. Наявність такої інструкції, як нам уявляється, не дозволить перекладати свої обов'язки на інші суб'єкти, а також сприятиме організації взаємодії на значно вищому рівні та більш ефективній її реалізації.

Список використаної літератури:

1. Організаційно-правові питання взаємодії дільничного інспектора міліції з іншими службами міліції та громадськістю: Монографія. Х. П. Ярмакі, О. М. Коропатов. Одеса, 2009. – 184 с.
2. Москаль Г. Система міжнародно-правових актів регулювання міграційних процесів [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.viche.info/journal/3188/>.
3. Саїв С. С. Досвід зарубіжних країн протидії нелегальній міграції [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vkhnuvs/2006_32/32/7.pdf.
4. Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Порядку надання Державній прикордонній служ-

бі та виконання нею доручень уповноважених державних органів щодо осіб, які перетинають державний кордон, та визнання такими, що втратили чинність, деяких постанов Кабінету Міністрів України» №280 від 17.04.2013 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/280-2013-%D0%BF>.

5. Наказ МВС України «Про затвердження Порядку розгляду заяв іноземців та осіб без громадянства про продовження строку перебування на території України» № 363 від 25.04.2012 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0778-12/print1362044190636950#n82>.

6. Постанова Кабінету міністрів України «Про затвердження Порядку формування квоти імміграції, Порядку провадження за заявами про надання дозволу на імміграцію і поданнями про його скасування та виконання прийнятих рішень» № 1983 від 26 грудня 2002 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1983-2002-%D0%BF/para34#n34>.

7. Наказ МВС України та МФУ «Про затвердження порядку взаємодії Державної міграційної служби України та Державної податкової служби України при перевірці достовірності реєстраційного номера облікової картки платника податків або серії та номера паспорта фізичної особи, яка звернулася за оформленням паспорта громадянина України для виїзду за кордон» № 554/752 від 21.06.2012 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1257-12>.

8. ЗУ «Про адміністративні послуги» №5203 від 06.09.2012 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/5203-17/para145#n145>.

9. Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження Примірного положення про центр надання адміністративних послуг» №118 від 20.02.2013 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/118-2013-%D0%BF>.

10. Закон України «Про державну реєстрацію актів цивільного стану» № 2398 від 01.07.2010 року [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2398-17>.

ДОСУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПРИ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТЬЮ УК УКРАИНЫ

И. ЛЕОНЕНКО,

соискатель кафедры уголовного процесса Национальной академии внутренних дел

SUMMARY

The article examines the procedure of exempting a person from criminal responsibility in cases stipulated by the Special part of the criminal code. On the basis of the analysis of the current CPC clearly defining the role of the investigator and the Prosecutor, as the main subjects of the evidence in the preliminary investigation stage in the release of the person from criminal liability. By conducting empirical studies attempt to identify the gaps in the practical activities of the investigators of the internal Affairs bodies and find the best way to overcome them.

Keywords: release from criminal liability, special grounds, the pre-trial investigation, the bringing to criminal responsibility the investigators (investigative) operation, closure of criminal proceedings, the petition.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается процессуальный порядок освобождения лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Особенной частью УК. На основании анализа действующего УПК аргументированно определяющая роль следователя и прокурора, как главных субъектов доказывания в стадии предварительного расследования при освобождении лица от уголовной ответственности. Путем проведения эмпирических исследований делается попытка выявить пробелы в практической деятельности следователей органов внутренних дел и найти наиболее оптимальный способ их преодоления.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, специальные основания, досудебное расследование, привлечение к уголовной ответственности, следственные (розыскные) действия, закрытие уголовного производства, ходатайство.

Постановка проблемы. С принятием 13 апреля 2012 г. нового Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украина стала на шаг ближе к европейским стандартам и вошла в новую эру развития уголовно-процессуального законодательства. Как и всякий другой закон, действующий УПК требует внедрения в практическую деятельность. В соответствии с положениями нового уголовного процессуального закона наибольший объем работы возлагается на органы досудебного расследования, особенно на следователей органов внутренних дел. В свою очередь, не совсем понятными для следователей оказались кое-какие процедуры, предусмотренные новым УПК, такие как применение некоторых мер пресечения (например, домашний арест с использованием электронных средств контроля) или проведение негласных следственных (розыскных) действий (например, контроль за совершением преступления, наблюдение за лицом, вещью или местом т.д.). Соответствующих разъяснений также требует и процедура освобождения лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Украины (далее – УК). Данные обстоятельства требуют от следователей приобретения новых знаний и навыков, на что понадобится немало времени.

Актуальность темы. Одной из новелл действующего УПК является вы-

деление института освобождения от уголовной ответственности в отдельную структурную часть. Предусмотрен общий порядок освобождения от уголовной ответственности как по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным Общей частью УК, так и по специальным основаниям, содержащимся в Особенной части УК. Хотя не всегда следователь или прокурор способны правильно понять эти положения и применить их в практической деятельности, что в конечном итоге ведет к нарушению закона и может повлечь отмену или изменение принятого решения. Так, согласно результатам опроса следователей органов внутренних только 41% опрошенных под освобождением от уголовной ответственности по специальным основаниям понимают освобождение от уголовной ответственности на основаниях, предусмотренных Особенной частью УК. Другие респонденты под таким освобождением понимают освобождение от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. ст. 45 - 49 УК (27%), или даже освобождение от наказания на основании закона об амнистии или акта о помиловании (23%). Остальные респонденты вообще затрудняются ответить на данный вопрос. Это говорит о том, что сегодня большинство следователей в тех случаях, когда возникает необходимость применения к лицу специального вида освобождения от уголовной ответственности, вообще не

имеют понятия с чем они имеют дело. Хотя это и не удивительно, поскольку из тех же результатов опроса следует, что 58% следователям вовсе не пришлось сталкиваться в своей профессиональной деятельности со случаями освобождения от уголовной ответственности на основаниях, предусмотренных Особенной частью УК, 36% опрошенных встречались с данными случаями крайне редко и лишь 6% опрошенных приходилось часто применять специальные случаи освобождения от уголовной ответственности на практике.

Целью данной статьи является исследование такой стадии уголовного производства, как досудебное расследование при освобождении от уголовной ответственности на основаниях, предусмотренных Особенной частью УК, а также определение роли следователя органов внутренних дел и прокурора на этой стадии.

Изложение основного материала исследования. В юридической литературе под освобождением от уголовной ответственности следует понимать предусмотренный законом отказ государства от применения к лицу, совершившему преступление, ограничений его прав и свобод, определенных УК [1, с. 58].

Освобождение от уголовной ответственности на основаниях, предусмотренных Особенной частью УК, возможно при наличии двух основных обстоятельств:

1) совершение лицом общественно опасного деяния, предусмотренного соответствующими статьями Особенной части УК;

2) наличие в действиях лица, совершившего преступление, положительного постпреступного поведения (добровольное заявление органам государственной власти о совершенном уголовном правонарушении, активное способствование раскрытию уголовного правонарушения, возмещение причиненного уголовным правонарушением ущерба и т. д.).

Установка обстоятельств (предпосылок и оснований), предусмотренных Особенной частью УК, при наличии которых лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, имеет место на стадии досудебного расследования.

В соответствии с УПК *досудебное расследование* – стадия уголовного производства, которая начинается с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР) и заканчивается закрытием уголовного производства или направлением в суд обвинительного акта, ходатайства о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, ходатайства об освобождении лица от уголовной ответственности (п. 5 ч. 1 ст. 3).

В соответствии со ст. 3 УПК досудебное расследование осуществляется в двух формах: 1) досудебное следствие и 2) дознание.

Предлагается разделить досудебное расследование при освобождении лица от уголовной ответственности по специальным основаниям на **три этапа**.

Итак, на **первом (предварительном) этапе**, при обращении лица в горрайлинорган внутренних дел с добровольным заявлением (сообщением) о совершении одного из общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 255, ст. 260, ст. 263, ст. 289, ст. 307, ст. 309, ст. 311, ст. 321, ст. 321-1, ст. 354, ст. 368-3, ст. 368-4, ст. 369 УК, следователь, а в некоторых случаях другое уполномоченное лицо (например, оперативный сотрудник, который находится в составе следственно-оперативной группы) выясняет следующие обстоятельства: 1) личность, обратившегося с добровольным заявлением; 2) наличие в действиях лица состава уголовного правонарушения, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК; 3) наличие или отсутствие в данном уголовном правонарушении квалифицирующих призна-

ков (совершение общественно опасного деяния повторно, группой лиц, с применением насилия или угрозы его применения, нанесения ущерба в крупном или особо крупном размере и т.д.).

Первое обстоятельство предполагает установку паспортных данных лица, обратившегося с добровольным заявлением (сообщением) в правоохранительные органы. В соответствии с п. 4.4.4. Приказа МВД Украины «Об утверждении Инструкции о порядке ведения единого учета в органах и подразделениях внутренних дел заявлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях и других происшествиях» № 1050 от 19 ноября 2012 г. (далее – Инструкция о едином учете) до осуществления досудебного расследования следует удостовериться в личности заявителя, предупредить его под роспись об ответственности за заведомо неправдивое сообщение о совершении уголовного правонарушения [2, с. 14].

Следующие два обстоятельства охватывают установку предпосылок для освобождения лица от уголовной ответственности. Так, второе обстоятельство предусматривает совершение лицом общественно опасного деяния, подпадающего под признаки соответствующей статьи Особенной части УК, как главную предпосылку применения в отношении этого лица специальных оснований освобождения от уголовной ответственности. При установке третьего обстоятельства следователь опирается на положения соответствующих поощрительных предписаний, предусмотренных Особенной частью УК (ч. 6 ст. 260, ч. 4 ст. 289, ч. 4 ст. 307, ч. 4 ст. 309, ч. 4 ст. 311, ч. 5 ст. 321, ч. 4 ст. 321-1 УК). Лицо, в действиях которого следователем обнаружены соответствующие квалифицирующие признаки, освобождению от уголовной ответственности не подлежит.

Согласно действующему УПК, а также Инструкции о едином учете форма заявления может быть любая (устная или письменная), с использованием средств связи или без такового и т.д. Устные заявления заносятся в протокол устного заявления (сообщения) об уголовном правонарушении, который подписывают заявитель и должностное лицо, принявшее заявление.

Следует отметить, что в некоторых случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 263 ч. 4 ст. 307, ч. 4 ст. 309, ч. 4 ст. 321, ч. 4 ст. 321-1 УК, необходимым элементом постпреступного поведения является добровольная выдача изъятых из легаль-

ного оборота или ограниченных в обороте предметов (оружия, наркотических средств, психотропных веществ, аналогов наркотических средств и психотропных веществ, прекурсоров, ядовитых веществ, фальсифицированных лекарственных средств). В данном случае такие действия следует расценивать как добровольное обращение лица в правоохранительные органы с целью выдачи вышеуказанных предметов. До принятия нового УПК такое действие оформлялось протоколом добровольной выдачи, хотя в УПК 1960 г. прямой нормы, которая бы предусматривала этот протокол, закреплено не было. Отсюда возникает вопрос, каким процессуальным документом должна оформляться такая добровольная выдача сегодня? Ведь такое изъятие зачастую производится до внесения ведомостей в ЕРДР? Из результатов опроса следователей органов внутренних дел получается, что такое действие должно оформляться: 1) протоколом осмотра места происшествия - 58%; 2) протоколом осмотра - 15%; 3) протоколом обыска - 3%. За возможное оформление добровольной выдачи как протоколом осмотра, так и протоколом обыска высказались 9% следователей. Еще 8% следователей считают, что в данном случае можно применять любой из указанных выше процессуальных документов. Интересно, но 2% опрошенных высказались за возвращение процедуры оформления добровольной выдачи предметов, изъятых из легального оборота или ограниченных в обороте протоколом добровольной выдачи (за возвращение данной процедуры также высказались и 5% опрошенных работников прокуратуры). Итак, как видим, большинство респондентов считает, что выдача предметов преступной деятельности должна оформляться протоколом осмотра места происшествия в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК. Такое решение вышеуказанной проблемы является наиболее верным и вполне логичным, так как уголовным процессуальным законом четко обозначено лишь одно следственное (розыскное) действие, которое допускается проводить до внесения ведомостей об уголовном правонарушении в ЕРДР - осмотр места происшествия (ч. 3 ст. 214 УПК). Документом, которым оформляется данное следственное (розыскное) действие, является протокол осмотра места происшествия (ст. 104 УПК). При этом, по мнению автора, в протоколе должно быть указано, что лицо добровольно выдало данные предметы еще до начала

проведения следственного (розыскного) действия.

Таким образом, доказательства (предметы, запрещенные или ограниченные в легальном обороте), изъятые в результате осмотра жилья или иной собственности заявителя, их обыска и, соответственно, оформленные протоколом осмотра или протоколом обыска, являются недопустимыми в данном уголовном производстве и не могут быть использованы при принятии процессуальных решений, так как существенно нарушают права и свободы человека (ч. 1 ст. 87 УПК).

Получив от оперативного дежурного соответствующее заявление, начальник следственного подразделения определяет следователя, который будет осуществлять досудебное расследование, а также информирует начальника территориального подразделения органа внутренних дел (п. 2.1. Приказа МВД Украины «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия органов досудебного расследования с другими органами и подразделениями внутренних дел по предупреждению, выявлению и расследованию уголовных правонарушений» № 700 от 14 августа 2012 г.) [2, с. 102]. Такое действие процессуально оформляется поручением о проведении досудебного расследования, в котором должны быть указаны: фамилия, инициалы, должность следователя, которому поручено провести досудебное расследование; сведения о времени и месте его проведения; фамилия, имя, отчество заявителя; сведения о другом источнике, благодаря которому были выявлены обстоятельства, свидетельствующие о совершении уголовного правонарушения, и т.д. Следователь, в свою очередь, безотлагательно, но не позднее 24 часов, обязан внести соответствующие сведения об уголовном правонарушении в ЕРДР (ч. 1 ст. 214 УПК).

Таким образом, подача лицом, которое намеревается прекратить преступную деятельность, добровольного заявления в правоохранительные органы или добровольная выдача таким лицом предметов, изъятых из легального оборота или ограниченных в обороте, фактически является поводом для начала досудебного расследования.

Иногда на первом этапе невозможно установить некоторые обстоятельства совершенного уголовного правонарушения (например, установить наличие или отсутствие в соответствующем преступлении квалифицирующих признаков, установить причиненный уголовным

правонарушением ущерб или факт совершения лицом преступления впервые и т.п.).

Так, в случае, предусмотренном ч. 4 ст. 289 УК, необходимым является назначение судебной товароведческой экспертизы автотранспорта, а для установления наличия в организме потерпевшего наркотических средств, психотропных, ядовитых или сильнодействующих веществ (газов), которые вводились ему без его согласия с целью незаконного завладения транспортным средством, нужно назначать соответствующую судебно-химическую экспертизу (мочу, кровь и т.д.).

В соответствии с п. 1.13. Приказа Министерства юстиции Украины «Об утверждении Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и Научно-методических рекомендаций по вопросам подготовки и назначения судебных экспертиз и экспертных исследований» № 53/5 от 3 ноября 1998 г. срок проведения экспертизы устанавливается в зависимости от сложности исследования с учетом экспертной нагрузки специалистов руководителем экспертного учреждения и составляет: 1) 10 календарных дней - в отношении материалов с небольшим количеством объектов и простых по характеру исследований; 2) 30 календарных дней - в отношении материалов со средним количеством объектов или средней сложности по характеру исследований; 3) 60 календарных дней - в отношении материалов с большим количеством объектов или сложных по характеру исследований [3].

Для установления наличия или отсутствия судимости у подозреваемого необходимо направить соответствующий официальный запрос (требование) в Департамент (управление) информационно-аналитического обеспечения МВД Украины, который в соответствии с действующим законодательством выполняются в течение 10 суток [4].

В таких случаях, факт наличия или отсутствия в уголовном правонарушении квалифицирующих признаков, являющихся препятствием к применению к подозреваемому мер поощрительного характера, предусмотренных Особенной частью УК, установить на данном этапе практически невозможно.

На **втором (основном) этапе** следователем, прокурором устанавливаются следующие обстоятельства: 1) причастность лица к совершению данного уголовного правонарушения; 2) наличие

доказательств, которые указывают на то, что именно это лицо совершило данное преступление (проведения гласных и негласных следственных (розыскных) действий); 3) размер ущерба, причиненного уголовным правонарушением; 4) основания для освобождения лица от уголовной ответственности, предусмотренные Особенной частью УК (активное содействие раскрытию уголовного правонарушения, возмещение причиненного ущерба, прохождения курса лечения от наркотической зависимости и т.д.).

Удостоверившись в личности заявителя (например, путем проверки паспортных данных), а также установив, что в заявлении изложены обстоятельства, содержащие признаки одного из вышеуказанных общественно опасных деяний, следователь вносит соответствующие данные в ЕРДР в соответствии с пунктами 2.1. - 2.3. раздела I Приказа МВД Украины «Об утверждении Положения о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований» № 69 от 17 августа 2012 г.

Согласно ч. 2 ст. 214 УПК момент внесения в ЕРДР соответствующих сведений является официальным началом досудебного расследования. Только после этого следователь начинает проводить необходимые следственные действия по установлению причастности лица к содеянному уголовному правонарушению. В соответствии с ч. 3 ст. 214 УПК осуществление досудебного расследования до внесения сведений в ЕРДР или без такого внесения не допускается и влечет за собой ответственность, установленную законом (исключение составляет осмотр места происшествия).

На данном этапе следователь должен привлечь лицо, обратившееся с добровольным заявлением (сообщением) или добровольно выдавшим предметы преступной деятельности, к уголовной ответственности, то есть уведомить это лицо о подозрении его в совершении соответствующего уголовного правонарушения. Такое лицо с этого времени приобретает статус подозреваемого в уголовном производстве. Другими словами, термином «привлечение к уголовной ответственности» обозначается уголовно-процессуальная деятельность органов досудебного расследования и прокурора, начиная с момента сообщения лицу прокурором или следователем по согласованию с прокурором о том, что оно подозревается в совершении уголовного правонарушения. Такое

лицо с этого времени или с момента задержания приобретает статус подозреваемого.

Сообщение о подозрении – процессуальный акт, составленный прокурором или следователем по согласованию с прокурором, после начала досудебного расследования, в порядке и в случаях, предусмотренных УПК, с помощью которого лицо уведомляется о подозрении в совершении уголовного правонарушения, содержании этого подозрения, правовой квалификации и фактических обстоятельствах уголовного правонарушения, а также о правах, которыми оно может пользоваться во время проведения досудебного расследования.

В п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК указывается, что сообщение о подозрении обязательно осуществляется при наличии достаточных доказательств для подозрения лица в совершении уголовного правонарушения. Как справедливо отмечает В. М. Бандурка, «достаточные доказательства для подозрения лица в совершении уголовного правонарушения» – это оценочное понятие. Их достаточность для подозрения лица в каждом случае должны устанавливать уполномоченные лица (следователь, прокурор. – *авт.*), в зависимости от характера совершенного правонарушения, его индивидуальных особенностей и конкретных обстоятельств [5, с. 696]. По мнению автора, сам факт обращения лица в правоохранительные органы или добровольная выдача им предметов преступной деятельности, либо совершение действий, предусмотренных ч. 3 ст. 175 УК, можно считать достаточным для привлечения его к уголовной ответственности после внесения соответствующих сведений в ЕРДР.

После сообщения о подозрении следователь начинает сбор и проверку необходимых доказательств, свидетелей о причастности этого лица и других лиц, на которых указало данное лицо, к уголовному правонарушению путем проведения гласных и негласных (розыскных) следственных действий.

На данном этапе в зависимости от наличия оснований следователь, прокурор, как правило, на свое усмотрение, исходя из конкретных обстоятельств дела и тех вопросов, на которые должен ответить только специалист в определенной области знаний, решает – нужно ли в уголовном производстве привлечь эксперта, проводить экспертизу и какую именно (судебно-медицинскую, судебно-химическую, товароведческую, баллистическую и т.д.).

На основании фактических данных,

собранных следователем, прокурором на первых двух этапах досудебного расследования, можно с уверенностью сказать о возможности применения судом к подозреваемому поощрительных мер в виде освобождения его от уголовной ответственности.

Наконец, на *третьем (завершающем) этапе* следователь, проведя все необходимые следственные действия по установлению причастности лица к соответствующему уголовному правонарушению, а также установив наличие в действиях лица специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК, сопроводительным письмом направляет материалы уголовного дела прокурору для дальнейшего решения вопроса об освобождении данного лица от уголовной ответственности.

В свою очередь, прокурор, получив от следователя материалы уголовного производства и установив основания для освобождения от уголовной ответственности, обязан выяснить у подозреваемого не возражает ли он против такого освобождения. Получение согласия подозреваемого в данном случае является обязательным. Дело в том, что подозреваемый может не соглашаться с применением к нему нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности, если он считает, что во время проведения досудебного расследования появились реабилитирующие основания для закрытия уголовного производства (например, в случаях, предусмотренных п. 3 или ч. 1 ст. 284 УПК). Учитывая это, выяснение мнения подозреваемого при освобождении его от уголовной ответственности является вполне логичным.

После этого прокурор составляет ходатайство об освобождении от уголовной ответственности и без проведения досудебного расследования в полном объеме направляет его в суд, что является фактическим окончанием досудебного расследования.

По мнению автора, позиция законодателя, обозначенная в ч. 2 ст. 286 УПК, является спорной. Дело в том, что освобождению от уголовной ответственности как по общим, так и по специальным основаниям подлежит только лицо, в отношении которого во время досудебного расследования были собраны все необходимые доказательства, которые подтверждают виновность данного лица в совершении уголовного правонарушения. В действующем уголовном

процессуальном законодательстве не содержатся разъяснения того, что является полным, а что является неполным объемом досудебного расследования. Но принимая во внимание то, что главной целью уголовного производства является установление объективной истины, следователь, прокурор должны выработать такой комплекс следственных (розыскных) действий, после проведения которых можно было бы с уверенностью утверждать, что именно это лицо совершило соответствующее уголовное правонарушение. Вряд ли для этого будет достаточно только добровольного заявления и допроса подозреваемого. Ведь во многих случаях освобождения от уголовной ответственности необходимо допросить свидетелей, провести обыск помещения или иного владения лица, провести соответствующие экспертизы, то есть собрать все возможные в уголовном производстве доказательства, свидетельствующие о виновности лица в совершении соответствующего уголовного правонарушения. Отсюда положение о возможности направления в суд ходатайства об освобождении от уголовной ответственности без проведения досудебного расследования в полном объеме представляется нелогичным и, по мнению автора, требует исключения из ч. 2 ст. 286 УПК.

Форма и содержание ходатайства имеют важное процессуальное значение, поскольку от изложенных в нем формулировок, фактических обстоятельств уголовного правонарушения, доказательств, а также других сведений, которые содержатся в п. п. 1 - 9 ч. 1 ст. 287 УПК, зависят последствия его рассмотрения судом. К ходатайству прокурора обязательно прилагается письменное согласие лица на освобождение его от уголовной ответственности.

Иногда, когда во время досудебного расследования невозможно установить все необходимые основания освобождения лица от уголовной ответственности (например, когда лицо, больное наркоманией, обратилось в лечебное учреждение или лицо, которое похитило транспортное средство полностью возместило причиненный преступлением ущерб уже после окончания досудебного расследования), следователь составляет обвинительный акт и передает его на утверждение прокурору в порядке, предусмотренном ст. 291 УПК. Обвинительный акт может составить самостоятельно прокурор, если он не согласится с обвинительным актом, который был составлен следователем.

Выводы. Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что следователь и прокурор – главные субъекты доказывания в уголовном производстве. Именно от их профессионализма, умения правильно применять положения уголовного и уголовного процессуального законов зависит принятие правильного решения в уголовном производстве, основной целью которого является установление истины. В целом же следует отметить, что хотя действующее уголовное процессуальное законодательство Украины не является совершенным (существует много вопросов относительно практического применения УПК, не принятый пока что Закон Украины «Об уголовных проступках»), все-таки принятие законодателем в 2012 г. нового УПК и отказ от УПК 1960 г., значительно приблизило Украину к европейским стандартам жизни.

Литература

1. Баулін Ю. В. *Звільнення від кримінальної відповідальності*: Монографія. К.: Атіка, 2004. – 296 с.
2. Збірник нормативно-правових актів України, що регламентують окремі питання кримінального провадження: [упоряд. С. М. Алфоров, С. М. Міщенко, В. І. Фаринник та ін.]; за заг. ред. В. І. Сліпченка. Київ: ТОВ «АРТ-Дизайн», 2012. – 250с.
3. Про затвердження Інструкції про призначення та проведення судових експертиз та Науково-методичних рекомендацій з питань підготовки та призначення судових експертиз та експертних досліджень: Наказ Міністерства юстиції України від 3 листопада 1998 р. № 53/5 [електронний ресурс]: URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0705-98> (дата звернення 22.03.2013 р.).
4. Про затвердження Інструкції про порядок формування, ведення та використання оперативно-довідкового і дактилоскопічного обліку в органах внутрішніх справ та органах (установах) кримінально-виконавчої системи України: Наказ МВС/ДДУПВП України від 23 серпня 2002 р. № 823/188 [електронний ресурс]: URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/REG7026.html (дата звернення 22.03.2013 р.).
5. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар: у 2 т. Т. 1. О. М. Бандурка, С. М. Блажівський, Є. П. Бурдоль та ін.; за заг. ред. В. Я. Тація, В. П. Пшонки, А. В. Портнова. Право, 2012. – 768 с.

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ В РОЗЫСКНОЙ РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

О. КОВАЛЁВА,

соискатель кафедры криминалистики и судебной медицины
Национальной академии внутренних дел

SUMMARY

The article is devoted to the review of legal and organizational basis to apply the scientific and technology means and methods for the search activity of investigator within the new effective Criminal Procedural Law.

Keywords: legal basis, organizational basis, scientific and technology means, methods, search activity, measures of inquiry, investigator, expert, professional.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена рассмотрению правовых и организационных основ использования научно-технических средств и методов в розыскной работе следователя в свете вступившего в силу нового Уголовного процессуального кодекса Украины.

Ключевые слова: правовые основы, организационные основы, научно-технические средства, методы, розыскная работа, следственные (розыскные) действия, следователь, эксперт, специалист.

Постановка проблемы. Использование научно-технических средств и методов в розыскной работе следователя признается правомерным если оно прямо предусмотрено законом (или другими нормативными актами), допускается законом, или не противоречит закону по сути.

Актуальность темы. Правовую основу использования НТС, исходя из вида деятельности (уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная), составляют нормы, которые содержатся в источниках разной регулирующей значимости, а не только в нормах уголовно-процессуальных кодексов. К ним относятся: международные договоры, декларации, соглашения; все законы Украины, приказы, инструкции, межведомственные приказы, указания, постановления, решения МВД Украины и других ведомств Украины, которые определяют условия и порядок использования НТС в уголовном производстве.

Цель статьи – рассмотрение правовых и организационных основ использования научно-технических средств и методов в розыскной работе следователя.

Изложение основного материала исследования. Под правовым обеспечением понимают правовое урегулирование всех важных вопросов использования НТС и методов, в том числе и технико-

криминалистических, без чего невозможно представить организацию розыскной работы следователя. Круг вопросов, которые необходимо исследовать при этом, должен включать в себя сведения: о субъектах; о допустимости использования; о принципах использования научно-технических средств [1, с. 32].

Правовую основу использования технических средств, специальных знаний и методов формирует система критериев (принципов) как основных, исходных положений, перечень которых в настоящее время до конца не определен. Так, авторы одного из последних учебников по криминалистике рассматривают принципы законности, научности и этичности, которые в своей совокупности составляют правовую основу допустимости использования технических средств и специальных знаний [2, с. 121].

Правовые основы – это «правовые начала», источники, на базе которых формируются и развиваются различные виды деятельности. Под правовыми основами использования технических средств в криминалистике понимают общие положения (принципы), которые определяют допустимость использования технических средств с правовой точки зрения [2, с. 119]. На наш взгляд, правовые основы выступают как нерушимые, фундаментальные положения деятельности в сфере ис-

пользования НТС в розыскной работе следователя и привлеченных им оперативных подразделений.

В общем виде правовую основу формируют нормы, которые непосредственно не регулируют использование НТС, однако они содержат в себе общие положения, которые имеют принципиальное значение как для их использования, так и использования полученных результатов в уголовном производстве. К их числу относятся нормы международного права, Европейские конвенции о защите прав и основных свобод человека [3, с. 608-623], Конституция Украины, которая определяет принципы правового порядка в государстве (ст. 19).

Правовую основу использования НТС в узком понимании составляют нормы, которые непосредственно регламентируют порядок, формы и условия их использования.

Анализ данных правовых норм позволяет разделить их на две группы. К первой относятся те, которые прямо регламентируют возможности, процессуальный порядок и форму использования НТС в уголовном производстве. Например, ч. 2 ст. 71 УПК Украины предусматривает привлечение специалиста для оказания непосредственной технической помощи (фотографирование, составление схем, планов, чертежей, собирание образцов для проведения экспертиз и т.д.) сторонами уголовного производства в процессе досудебного расследования и судом в ходе судебного разбирательства. О возможности использования технических средств говорится также в статьях, которые посвящены конкретным следственным действиям: допрос – ч. 5 ст. 224 УПК; предъявление лица для опознания – ч. 8 ст. 228 УПК; проведение указанных действий в режиме видео конференции – ст. 232 УПК; обыск – ст. 236 УПК; осмотр – ст. 237 УПК; следственный эксперимент – ст. 240 УПК; освидетельствование – ст. 241 УПК.

Особое внимание следует обратить на нормы, которые регулируют порядок проведения негласных следственных (розыскных) действий. Каждой из них посвящена отдельная статья, в которой четко оговорено использование НТС и не только для фиксации ее хода и результатов. Так, при осмотре почтовой телеграфной корреспонденции на

выявленные предметы и документы можно нанести специальные маркеры или оборудовать специальными техническими средствами контроля (ч. 2 ст. 262 УПК). Следует обратить внимание и на тот факт, что новый УПК Украины предусматривает возможность использования НТС не только для фиксации результатов следственных (розыскных) действий, а и для осуществления иных действий во время их проведения. Для тайного проникновения в публично недоступные места, с целью их осмотра, следователь может использовать технические средства (ч. 1 ст. 267 УПК).

Названные выше и другие нормы УПК Украины определяют реальный механизм использования отдельных НТС и методов путем выполнения действий конкретного вида и использования полученных результатов в процессуальной деятельности. Кроме того, действующие нормы данной группы устанавливают порядок проведения процессуальных действий определенного вида с использованием звукозаписи, видеосъемки и т.д.

Во вторую группу правовых норм можно отнести те, в которых прямо не определен порядок и условия использования НТС. Решение о возможности их использования можно принять не прямо, а косвенно. В большинстве таких норм речь идет об использовании технических средств и методов для фиксации процесса и результатов процессуальных и следственных (розыскных) действий. Так, в общей норме, которая посвящена дополнениям к протоколам, говорится, что ими могут быть специально изготовленные копии, образцы объектов, предметов и документов, аудио-, видеозапись процессуального действия, фототаблицы, схемы, слепки, носители компьютерной информации и другие материалы, которые объясняют суть протокола (ст. 105 КПК).

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что закон не ограничивается нормами общего характера о возможности или невозможности использования НТС в розыскной работе следователя. Без конкретных норм, которые предусматривают и регламентируют использование того или иного средства или нескольких однородных средств, без четких указаний о тактике вы-

полнения некоторых тактических приемов на практике не обойтись. Можно утверждать, что именно конкретные рекомендации закона являются важными и реальными гарантиями соблюдения принципов уголовного производства. Все эти средства (процессы), в результате использования которых на досудебном следствии или в суде могут возникнуть материально зафиксированные источники доказательств или дополнения к ним (которые имеют доказательственное значение в связи с принадлежностью к данному источнику), обязательно должны быть предусмотрены (разрешены) в конкретных статьях уголовно-процессуальных кодексов, а использованию некоторых из них должны быть посвящены специальные нормы [4, с. 93-96].

Организационные основы научно-технического обеспечения розыскной деятельности нами рассматриваются как в аспекте организации, так и в аспекте организованности действий. Таким образом, в организационных основах научно-технического обеспечения необходимо выделять такие элементы, как организационно-управленческий (организационно-кадровый, организационно-штатный), связанный с деятельностью субъектов научно-технического обеспечения, и организационно-технический, связанный с использованием НТС и методов в процессе розыскной работы следователя и сотрудников экспертной службы органов внутренних дел.

О. Ф. Вольнский подчеркивает, что как любая другая деятельность, научно-техническое обеспечение предусматривает соответствующую ее заданиям и уровню развития криминалистической техники организацию. Данная деятельность осуществляется не только широко разветвленной системой экспертно-криминалистических подразделений и экспертных организаций, а и следователями, оперативно-розыскными аппаратами, судебными органами в рамках, определенных уголовно процессуальным законодательством, ведомственными нормативными актами. Такая система имеет вертикальную структуру. Ее возглавляют ведомственные центры, институты, управленческие подразделения. Фактически именно

на них и лежат задачи и функции по организации научно-технического обеспечения как на внутриведомственном, так и межведомственном уровне [5, с. 250].

Субъектами научно-технического (в первую очередь криминалистического) обеспечения розыскной деятельности являются те должностные лица, которые предоставляют следователям и сотрудникам оперативных подразделений криминалистические знания.

Уровень организации любой системы оценивается по ее способности результативно реализовывать функции, для которых она была создана. Осуществление судебно-экспертной деятельности и технико-криминалистического обеспечения деятельности органов дознания, досудебного и судебного следствия по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и других правонарушений возложено на Экспертную службу МВД Украины [6]. Именно она является главным структурным подразделением МВД, функционирует на правах Департамента.

Экспертная служба МВД Украины – это двухуровневая система криминалистических подразделений. К первому принадлежат научно-исследовательские экспертно-криминалистические центры при ГУ МВД в Крыму, г. Киеве и Киевской области, управлениях МВД в областях, г. Севастополе и на транспорте.

Возглавляет эту систему Государственный научно-исследовательский экспертно-криминалистический центр МВД Украины. Согласно Приказа МВД Украины от 09.08.2012 г. № 691 «Об утверждении Положения об Экспертной службе Министерства внутренних дел Украины» на него возлагается задача по оснащению экспертных подразделений современными технико-криминалистическими средствами и оборудованием, внедрением в их практическую деятельность автоматизированных информационно-поисковых систем.

Эффективность использования НТС и методов зависит как от уровня правового регулирования этой деятельности, так и от ее организационного обеспечения. Уровень организации розыскной работы следователя зависит от правильного оперирования потоками информации.

В процессе такой деятельности он анализирует информацию, которая поступает во время изучения обстановки и обстоятельств конкретного правонарушения (внешняя информация). Во время такого анализа следователь пользуется сведениями, которые находятся в его памяти, знаниями, полученными в процессе обучения и практической работы (внутренняя информация). В ряде случаев этого недостаточно для принятия следователем правильного организационного решения. И тогда он обращается за помощью к лицам, которые на профессиональном уровне владеют специальными знаниями в определенной области (специалист, эксперт). Интеграция трех потоков информации позволяет следователю принимать правильное и научно обоснованное решение по организации розыскной работы с использованием НТС и методов.

Порядок привлечения специалистов четко определен в Инструкции об участии сотрудников Экспертной службы МВД Украины в уголовном производстве, как специалистов, которая утверждена приказом МВД Украины от 26.10.2012 № 962.

Следует отметить, что в организации розыскной работы важное место занимает подбор НТС и подготовка их к использованию. Использование отдельных инструментов, приборов, оборудования, а также их наборов (универсальных и специальных), в наше время сопровождается разработкой современных комплексов и комплектов НТС, которые создаются для конкретной категории субъектов (следователя, эксперта, оперативного сотрудника), с учетом специфики их деятельности, процессуальных требований и организационных, методических особенностей, что и требует комплексного подхода [7, с. 96].

Активному внедрению НТС в розыскную работу следователя способствует целый ряд организационных мероприятий, разработанных МВД Украины и внедренных в практику в связи с вступлением в силу нового УПК Украины. Согласно Инструкции об организации взаимодействия органов досудебного расследования с другими органами и подразделениями внутренних дел для оперативного реагирования на сообщения об уголовных правонарушениях в органах внутренних дел создаются

дежурные следственно-оперативные группы, в состав которых в обязательном порядке входит специалист-криминалист. Именно это позволяет использовать весь имеющийся арсенал технико-криминалистических средств и современных методик для выявления и исследования следов уголовного правонарушения, своевременного получения розыскной информации, принятия правильных процессуальных и тактических решений следователем.

Выводы. В завершение необходимо отметить, что проблемы использования НТС и методов в розыскной деятельности следователя не могут решаться иначе, как в контексте научно-технического прогресса, правового, а также организационного регулирования деятельности с использованием научно-технических средств и методов.

Литература

1. Волюнский В. А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники (исторический, гносеологический и социальный аспекты проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.09. М., 2001. – 417 с.
2. Лапта С. П. Загальні положення криміналістичної техніки. С. П. Лапта, С. І. Перлін. Криміналістика: підручник. [В. Д. Берназ, В. В. Бірюков, А. Ф. Волобуєв]; за аг. Ред. А. Ф. Волобуєва; МВС України, Харк. нац. ун-т внутр. справ. Х.: ХНУВС, 2011. – С. 118-127.
3. Європейська конвенція про захист прав і основних свобод людини. Приватне життя і поліція. Концептуальні підходи. Теорія та практика. К.: КНТ, 2006. - С. 608-623.
4. Гончаренко В. И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве (методологические вопросы). В. И. Гончаренко. Вибране. К.: Прецедент, 2011. - С. 9-151.
5. Криминалістика: учебник для вузов. А. Ф. Волюнский, Т. В. Аверьянова, И. Л. Александрова. Под ред. проф. А. Ф. Волюнского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 615 с.
6. Положення про Експертну службу Міністерства внутрішніх справ України. Затверджене наказом МВС України від 09.08.2012 р. № 691.
7. Тіщенко В. В. Теоретичні засади формування технологічного підходу в криміналістиці: монографія. В. В. Тіщенко, А. А. Барцицька. Одеса: Фенікс, 2012. – 198 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНО – ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Е. МАРТОВИЦКАЯ,

соискатель Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

In the article the scientists thought about the concept of “human rights” and “the rights of a citizen.” Delineated the concept of “human rights” and “the rights of a citizen.” Consider some controversial aspects to guarantee human rights by the laws of Ukraine, the ways and solutions to improve the problem.

Keywords: human rights, civil rights, the rights, freedoms and civil rights.

РЕЗЮМЕ

В статье проанализированы понятия «права человека» и «права гражданина». Рассмотрены отдельные дискуссионные аспекты обеспечения гарантий прав человека по действующему законодательству Украины, предложены пути решения и усовершенствования данной проблемы.

Ключевые слова: права человека, права гражданина, обеспечение прав, свобод человека и гражданина.

Постановка проблемы. Конституция Украины уделяет особое внимание вопросам закрепления гарантий прав, свобод человека и гражданина. Прежде всего, это связано с тем, что права, свободы человека и гражданина стали общепризнанной высшей ценностью в государстве. Сегодня признание и практическое обеспечение прав, свобод человека и гражданина определяет уровень и критерии демократии в любой стране.

Актуальность темы. Основной закон нашего государства различает понятия «права человека» и «права гражданина», не отождествляя их. И это, по нашему мнению, совершенно логическая закономерность. В первом случае речь идет о правах, связанных с человеческим существованием, а также с развитием человека преимущественно, как физического лица. Конституция Украины к этому виду прав относит: право на жизнь (ст. 27), право на уважение достоинства человека (ст. 28), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 29), право на неприкосновенность жилища (ст. 30), право на невмешательство в личную и семейную жизнь (ст. 32), право граждан государства на свободу объединения в политические партии и общественные организации (ст. 36), право участвовать в управлении государственными делами (ст. 38), право на участие в проведении митингов, шествий, демонстраций (ст. 39), право на социальную защиту (ст. 46) и другие.

Цель статьи – изучение особенностей прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Изложение основного материала. Исследуя этот вопрос, А. М. Колодий и А. Ю. Олийник отметили, что права человека, по сравнению с правами гражданина, имеют доминантное значение, потому, что первые распространяются на всех людей, проживающих в том или ином государстве, а права гражданина –

на тех лиц, которые являются гражданами определенной страны [1, с. 171], что мы поддерживаем.

В свою очередь, Т. В. Заворотченко отметил, что их разделение на права человека и права гражданина не имеет абсолютного значения, поскольку на основании согласия между государствами, некоторые гражданские права могут распространяться на граждан другого государства – субъектов договоров, заключенных между государствами [2, с. 61].

В то же время, Н. И. Магузов и А. В. Малько отметили, что права человека – это комплекс возможностей и требований человека в личной, социальной, экономической, политической и культурной сферах, свойственных его природе, характеризующих его правовой статус в отношении государства, признанных и законодательно оформленных во внешнем (международном) и внутреннем (государственном) или только в международном праве, и гарантированных всем международным сообществом, без которых они не могут существовать как полноценные существа [3, с. 14].

В связи с этим, по мнению В. Ф. Сторели, особое значение приобретают вопросы обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовных процессуальных отношений. Однако, провозглашение какого-либо права человека, даже закреплённого соответствующими актами государства и его органов, не имеет значения без реальных гарантий его осуществления [4, с. 202], что мы поддерживаем. По поводу этого мы добавим, что необходимость реального обеспечения прав и свобод обуславливает повышенный интерес государства, ученых, практиков, общественности, средств массовой информации и других к проблемам правовых гарантий человека и гражданина на правовую помощь.

По мнению российского ученого И. Ф. Демидова, понятие «права человека»

более свойственно международному праву, а, влетаясь в ткань внутригосударственного права (законодательства), категория «права человека» трансформируется в понятие «права и свободы человека и гражданина» [5, с. 92].

Следует отметить, что по общепринятым нормам международного права неотъемлемые права и свободы каждого человека, независимо от наличия у него гражданства, должны уважаться любым государством. Такая норма закреплена в ст. 26 Конституции Украины, согласно которой иностранцы и лица без гражданства имеют те же права, свободы и обязанности, как и граждане Украины, за исключением тех, которые установлены Конституцией, законами Украины и международными договорами.

Так, по мнению А. В. Негодченко, права гражданина – это совокупность прав человека, которые получили свое закрепление в нормативно – правовых актах и состоят из естественных прав человека, а также тех, которые возникают в процессе развития общества и государства. Права гражданина обязательно должны закрепляться в конституциях и других законодательных актах, а государство должно их не только декларировать, но и обеспечить их соблюдение [6, с. 10], что мы поддерживаем.

По нашему мнению, в условиях евроинтеграции Украины, а также имплементации международных правовых стандартов в национальное законодательство, одной из главных функций правового и демократического государства является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Это связано с тем, что главным условием существования правового и демократического государства выступает именно человек и гражданин, их право на самореализацию, на индивидуальность и личную свободу.

В правовом государстве права, свободы человека и гражданина должны

быть не только провозглашены, но гарантированы и обеспечены государством. Такими гарантиями может быть законодательное закрепление условий, при которых невозможно ограничение прав и свобод или принятия законов, детализирующих права и свободы, провозглашенные в Конституции государства. Реальное обеспечение прав и свобод достигается путем создания механизма их всесторонней защищенности, а также установлением гражданской, административной и уголовной ответственности за их нарушение.

Некоторые ученые, в частности Ю. П. Янович, В. М. Трофименко, В. С. Шадрин, М. Я. Никоненко, Т. В. Заворотченко, под гарантиями прав, свобод и обязанностей человека и гражданина предлагают понимать систему социально-экономических, моральных, политических, юридических условий, средств и способов, обеспечивающих их фактическую реализацию, охрану и надежную защиту [7, с. 275, 8, с. 11-12, 9, с. 207], что мы поощряем.

Несмотря на важность социально-экономических, идеологических, политических гарантий, основными являются именно правовые. Это обусловлено тем, что социально-экономические, политические и идеологические условия сами по себе еще не обеспечивают реализацию прав и свобод личности. Собственно гарантиями они становятся лишь благодаря правовой форме и организационным усилиям государства и общества [7, с. 278]. По нашему мнению к этому следует добавить и влияние международного сообщества на совершенствование указанных механизмов, в том числе и в Украине, что подтверждается принятием нового УПК Украины и других законодательных и нормативно-правовых актов.

Правовые гарантии в научной литературе чаще всего раскрывают как предусмотренные законом средства, непосредственно обеспечивающие правомерное поведение субъектов общественных отношений.

В Большом толковом словаре современного украинского языка слово «обеспечение» рассматривается в основном с точки зрения гражданского права (обеспечение иска, обеспечение выполнения обязательств), а также категорий финансового права и права социального обеспечения (обеспечение денег, обеспечение кредита, социальное обеспечение). В частности, под «обеспечением исполнения обязательств» принято понимать «... специальные меры имущественного характера, побуждающие к точному и неуклонному исполнению обязательств», а под «социальным обеспечением» - систему государственных мероприятий, направленных на оказание материальной

помощи гражданам: например, вышли на пенсию, заболели, утратили трудоспособность и др. В частности, термин «обеспечить» понимается как обязанность «поставлять что-то в достаточном количестве, удовлетворять кого-то, что-либо в каких-то потребностях» или «создавать надежные условия для осуществления чего-либо; гарантировать что-то. Защищать, охранять кого-то, что-нибудь от опасности».

Однако, термин «обеспечение» довольно часто используется не только в юридической литературе, а также и в управленческой, и правоохранительной практике. Под этим понятием понимают процесс действия общих и специальных (правовых, психологических и управленческих) гарантий, выступающих как условия и средства достижения поставленной цели.

В научной литературе под обеспечением конституционных прав и свобод понимают систему их обеспечения, т.е. систему общих условий и специальных (юридических) средств, обеспечивающих их правомерную реализацию.

В свою очередь, М. Гуренко отмечает, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина со стороны государства законодательно определено системой средств, применяемых в двух плоскостях: нарушении прав и свобод, то есть средств охраны, и те, которые помогают нормальному процессу реализации прав и свобод. К таким средствам отнесены действия, направленные на предупреждение нарушений прав и свобод, на ликвидацию причин, их порождающих, и на устранение препятствий мешающих восстановлению нарушенного права, на прекращение противозаконных действий как препятствия реализации конкретного права [10, с. 67].

Основным в характеристике прав человека, подчеркивает В. С. Шадрин, является то, что они должны находиться под защитой государства и закона. Более того, любые споры относительно прав человека и гражданина должны рассматриваться компетентным, беспристрастным и независимым судом, который мог бы применять процедуры, обеспечивающие полное равноправие и справедливость в отношении широкой общественности и открытого провозглашения принятых решений [9, с. 144].

В связи с этим, ученые отмечают, что для обеспечения прав и свобод человека государство: а) путем положительного влияния создает условия для их реализации, б) благодаря проведению профилактики их нарушений осуществляет охрану в) путем восстановления нарушенного правового статуса и привлечения нарушителей к юридической ответственности защищает права и свободы человека.

Так, Н. И. Матузов отмечает, что граждане, как носители прав, выступают по отношению к государству как уполномоченные, а государство по отношению к ним является обязанной стороной. Другими словами, автор отмечает, что в этом случае перед нами типичные правоотношения общего характера, поскольку в них все же не конкретизированы необходимые детали взаимных обязательств их участников [3, с. 112].

Что касается обеспечения защиты прав человека и гражданина в уголовном производстве, то здесь особую роль играют органы досудебного расследования, прокуратуры и суда. Деятельность этих органов по обеспечению защиты прав и свобод имеет внешнюю и внутреннюю сторону. Внешняя сторона деятельности этих органов характеризуется тем, что они выполняют свои задачи и функции в соответствии с законом, защищают права человека и гражданина независимо от его происхождения, имущественного и иного положения, расовой и национальной принадлежности, гражданства, возраста, языка и образования, отношения к религии, пола, политических и иных убеждений.

Внутренняя сторона деятельности данных органов характеризуется тем, что они в пределах своей компетенции выполняют возложенные на них обязанности и права, применяют меры физического воздействия, специальные средства на законных основаниях, используют правовые и организационные формы и методы при обеспечении защиты прав человека и гражданина и др.

В связи с этим, мы поддерживаем мнение О. В. Солдатенко, который отмечает, что такие органы должны выполнять свои задачи беспристрастно, обеспечивая личную безопасность человеку, защищая его права, действуя в пределах своей компетенции, в точном соответствии с действующим законодательством. Нарушение закона не может быть оправдано никакими исключительными обстоятельствами или указаниями должностных лиц. Для обеспечения общественного порядка работники органов внутренних дел должны принять меры по пресечению правонарушений и разоблачения правонарушителей. За нарушение требований закона или ненадлежащее исполнение своих обязанностей работники милиции несут ответственность в установленном законом порядке [10, с. 25].

Так, по мнению В. Трофименко, в механизм обеспечения органами внутренних дел прав человека и гражданина входит и внутренняя сторона деятельности сотрудников в пределах предоставленных им полномочий по применению мер физического воздействия, социальных

средств и огнестрельного оружия, выбора правовых и организационных форм, а также методов такой деятельности. Важно только, чтобы сотрудники органов внутренних дел сами не нарушали законов, прав, свобод человека и гражданина [11, с. 11].

Таким образом, в ходе исследования установлено, что права, свободы человека и гражданина постоянно находятся в центре внимания многих сфер общественной жизни и правоотношений.

Выводы. С учетом изложенного можно сделать вывод, что механизм обеспечения прав, свобод человека и гражданина выступает единым, целостным и самостоятельным правовым институтом, который следует понимать как комплекс взаимосвязанных, взаимодействующих правовых способов, создающих соответствующие юридические и фактические возможности реализации законных прав, свобод человека и гражданина в государстве.

Литература

1. Колодій А. М. *Права, свободи та обов'язки людини і громадянина в Україні*: підручник. А. М. Колодій, А. Ю. Олійник. К.: Правова єдність; Всеукр. асоц. видавців, 2008. - 350 с.
2. Кримінальний процес України: підручник. Є. Г. Коваленко, В. Т. Маляренко. К.: Юрінком Інтер, 2004. - 688 с.
3. *Теорія зосударства і права*: курс лекцій. Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юристъ, 1997. - 672 с.
4. Конституційне право України. За ред. В. Ф. Погорілка. К.: Наук. думка, 2000. - 733 с.
5. Демидов И. Ф. *Проблема прав человека в российском уголовном процессе*: концептуальные положения. Демидов И. Ф. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. - 1995.
6. Кримінальний процес України. За ред. Ю. М. Грошевого, В. М. Хотенця. Х.: Право, 2000. - 496 с.
7. Янович Ю. П. Уголовный процесс Украины. Ю. П. Янович. Х.: Университет внутренних дел, 1997. - 252 с.
8. Трофименко В. М. *Кримінально-процесуальні гарантії особистості в стадії судового розгляду*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Спец. 12.00.09. Трофименко В. М. Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. Х., 2001. - 20 с.
9. Шадрин В. С. *Обеспечение прав личности при расследовании преступлений*. В. С. Шадрин. М.: Юрлитформ, 2000. - 232 с.
10. Гуренко М. М. *Розвиток політико-правової думки про гарантії прав та свобод людини та громадянина* монографія. М. М. Гуренко. К.: Логос, 2002, 252 с.
11. Трофименко В. М. *Кримінально-процесуальні гарантії особистості в стадії судового розгляду*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Спец. 12.00.09. Трофименко В. М. Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. Х., 2001. - 20 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НОВОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ

С. АБЛАМСКИЙ,

адъюнкт докторантуры и адъюнктуры Харьковского национального университета внутренних дел

SUMMARY

Analyzed the contentious issues of legal aid that the provision of free legal assistance in the new Criminal Procedure Code of Ukraine, the ways and solutions to improve the problem.

Keywords: legal aid, free legal aid, the defender, the Criminal Procedure Code of Ukraine.

РЕЗЮМЕ

Проанализированы дискуссионные проблемы предоставления правовой помощи предоставление бесплатной правовой помощи по новому Уголовному процессуальному кодексу Украины, предложены пути решения и усовершенствования данной проблемы.

Ключевые слова: правовая помощь, бесплатная правовая помощь, защитник, Уголовный процессуальный кодекс Украины.

Постановка проблемы. Как показывают исследования, на протяжении десяти лет в Украине продолжался процесс реформирования уголовного судопроизводства. Результатом длительной работы стало принятие нового Уголовного процессуального кодекса Украины (далее - УПК Украины) [1]. При принятии нового УПК Украины законодатель учитывал, что государство прошло через сложное время в ходе своего становления и развития в целом. Прежде всего, наша страна имеет свои традиции и модели осуществления судопроизводства, которые также учтены при реформировании уголовного процесса. По этому поводу следует отметить С. Теймена, который подчеркивал, что условия обеспечения права на защиту у нас намного шире, чем принятые в американском праве [2, с. 186-187], т.е. отмечается, что при «внедрении» в наше уголовное судопроизводство «передовых положений правовых систем Запада» по защите прав личности мы стремимся быть «впереди планеты всей», забывая о существенных отличиях нашей судебно-правовой системы и условиях, в которых она действует [3, с. 50-53]. Поэтому, на наш взгляд, правильно отмечает Б. Розовский, что право не может быть выше, чем экономическая система и уровень общей культуры. Поскольку экономика Украины находится в упадке, и правовые акты следует ориентировать не на США и Японию, а вероятно на Перу или Замбию [4, с. 37-38].

Актуальность темы заключается в том, что долгое время в процессе реформирования уголовного судопроизводства учитывались, главным образом, опыт постсоветских стран. При этом, в большинстве случаев не учитывалась практика европейских государств, что, по нашему мнению, является значительным недостатком. Ценным должен стать и опыт Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Если Украина взяла курс на евроинтеграцию, то начавшийся процесс без гармонизации национального законодательства с законодательством европейских государств остается не реализованным. Такой реализации требует правовой институт защиты и оказания юридической помощи, который является давней, постоянной и одной из более солидных традиций правовой помощи со стороны защитника профессионала.

Целью данной статьи является исследование актуальных проблем бесплатной правовой помощи, а также эффективности предоставления правовой помощи защитником в ходе применения действующего Уголовного процессуального кодекса Украины.

Изложение основного материала. Исторические сведения о деятельности правового института адвокатуры свидетельствуют о том, что первичные черты и формы исследуемого института зародились в виде частноправовой деятельности. В Украине институт адвокатуры, как самостоятельный правовой институт, начинает свое развитие с 1864 г. после проведения судебной

реформы. Адвокатов в те времена называли поверенными [5, с. 21].

На сегодняшний день развитие этого института происходит в рамках процесса модернизации правовой системы - комплекса социальных, экономических, правовых, политических, культурных и интеллектуальных трансформаций. Для института адвокатуры Украины этот процесс является очень сложным и противоречивым, поскольку в стране еще не сформировались надежные механизмы практической реализации гражданских прав и свобод. Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал на необходимость эффективной реализации прав и законных интересов, предусмотренных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [6], отмечая, что Конвенция направлена на то, чтобы гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а права, осуществляемые на практике [7]. В подтверждение этого, обратим внимание на ст. 13 указанной Конвенции, где установлено, что каждый, чьи права и свободы нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, которые осуществляли свои официальные полномочия. В частности, необходимость оказания эффективной правовой помощи отмечают и представители международной правовой доктрины [8, с. 86]. Указанное положение нашло свое отражение в положении ст. 59 Конституции Украины.

Чаще всего в научной литературе на защиту сосредоточивают внимание только в отношении обеспечения права на защиту от обвинения. По нашему мнению, такое утверждение не является оправданным. Подтверждением этого является тот факт, что и указанная Конвенция, и Конституция Украины определяют, что именно «каждый имеет право на правовую помощь», а понятие «каждый» охватывает всех без исключения лиц - граждан Украины, иностранцев и лиц без гражданства, которые находятся на территории Украины. Осуществление права на правовую помощь основано на соблюдении принципа равенства всех перед законом. Данное положение является нормой прямого действия, так как оно закреплено в Основном законе нашей страны, а также, если это положение не предусмотрено другими законами, лицо ни в коем случае не может быть ограничено в этом праве.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на само понятие «правовая помощь». Обращаясь к Большому юридическому словарю, выясняем, что правовая помощь – это сложившаяся в международных отношениях система нормативных и организационно-правовых средств,

используемых при сотрудничестве государств в области взаимного оказания помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, требующих совершения процессуальных действий на территории более чем одного государства [9, с. 465].

На сегодняшний день среди ученых не существует единого мнения относительно определения понятия «правовая помощь», а в научной литературе обычно используется понятие «юридическая помощь». Рассмотрим существующие точки зрения по этому понятию. Как считают по этому поводу В. С. Наливайко и А. В. Тарашук, правовая помощь – это понятие, закрепление которого в Основном законе имеет целью обеспечить единство нормативного содержания правовой помощи в государстве и минимальный уровень ее гарантии, независимо от субъекта юридической поддержки и предметной специализации конкретных (отраслевых) правоотношений, с которыми связано ее предоставление [10, с. 17-23]. В свою очередь, под правовой помощью В. Г. Андрусив понимает деятельность, которая направлена на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов заинтересованных субъектов, осуществляется уполномоченными на это органами или лицами на основаниях, в порядке и в видах, не запрещенных Конституцией и законами Украины [11, с. 126-131]. Исследуя проблемы института правовой помощи в Украине и зарубежных странах, А. А. Бранчук и М. С. Демкова предлагают определить правовую помощь как любые действия, имеющие правовое содержание и которые осуществляются определенными в законе субъектами, имеющими соответствующий уровень образования, направленные на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов лица, обратившегося за помощью, и соответствуют принципам их предоставления [10, с. 19], что мы поддерживаем.

Определение понятия «правовая помощь» закреплено в законодательных актах страны. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 Закона Украины «О бесплатной правовой помощи» [12] правовая помощь – это предоставление правовых услуг, направленных на обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина, защиты этих прав и свобод, их восстановления в случае нарушения.

Составной частью правовой помощи является бесплатная правовая помощь, которая в соответствии с указанным законом определяется как правовая помощь, гарантируемая государством, и которая полностью или частично предоставляется за счет средств государственного бюджета Украины, местных бюджетов и других источников.

Законодательство некоторых стран

определяет, что финансирование юридической помощи осуществляется из государственного бюджета, однако, кроме средств государственного бюджета с этой целью могут использоваться разрешенные законодательством другие средства. Например, в ст. 25 Закона Грузии «О юридической помощи» определено, что источником финансирования службы юридической помощи являются целевые средства, выделенные из государственного бюджета, пожертвования и гранты, разрешенные законодательством Грузии.

Очевидно, что использование для развития юридической помощи не только средств государственного бюджета, но и дополнительных средств будет полезным системе, особенно в условиях кризиса и несмотря на то, что количество лиц, имеющих право на бесплатную правовую помощь, в каждом государстве значительная. Кроме того, в отдельных странах (например, в Казахстане и Беларуси) законодательство обязывает адвокатов оказывать бесплатную правовую помощь за счет средств коллегии адвокатов. В некоторых странах, принявших законы о юридической помощи, устанавливается частично платная правовая помощь (Молдова, Латвия, Литва, Эстония).

Не лишним было бы и обязательное ведение реестра правовой помощи, которое упоминается в Законе Латвийской Республики «О государственной правовой помощи». Так, в этом реестре должны фиксироваться все заявления о предоставлении и объем правовой помощи, информация об отклонении заявлений, сведения о лицах, которым оказана помощь, и лицах, которые ее предоставили. Ведь указанная информация необходима для формирования бюджета и политики в этой сфере.

Страны СНГ и Балтии не конкретизируют на законодательном уровне ни критерии, ни размер возмещений из бюджета за предоставление правовой помощи. В этом контексте следует обратить внимание на норму ст. 6 Закона Республики Армения «Об адвокатской деятельности» от 18.06.1998 г., в которой определено, что размер суммы, который возмещается за предоставление правовой помощи Союзу адвокатов из государственного бюджета, определяется из расчета: за час работы адвоката - сумма, эквивалентная платы за час работы прокурора. Армения единственная среди стран СНГ и Балтии приравнивала оплату работы адвоката к оплате работы прокурора, что может быть актуальным и для Украины в случае определения критериев оценки оплаты труда адвокатов за предоставление ими бесплатной юридической помощи.

Что касается международного опыта, то законодательство большинства стран

(например, Словакии), решая вопрос о возмещении расходов на правовую помощь, оказываемую стороне, в пользу которой принято судебное решение, исходит из того, что компенсации подлежат фактически понесенные расходы на правовую помощь.

В некоторых странах (например, в Эстонии и Литве) кроме этого существует и ограничение в виде определенного процента от цены иска или установленной таксы. В России такое возмещение осуществляется в разумных пределах и определяется судом. В Республике Беларусь механизм компенсации заключается в том, что расходы на оплату помощи представителя стороне, в пользу которой принято судебное решение, возмещает другая сторона. Размер возмещения определяется судом исходя из сложности дела и времени, затраченного на его рассмотрение.

В основе внедрения системы бесплатной правовой помощи стоит вопрос ее финансирования. Американские юридические эксперты утверждают, что источниками финансирования могут выступать государственная пошлина, уплачиваемая за подачу иска в суд, плата за выдачу лицензии на осуществление предпринимательской деятельности, часть гонораров адвокатов и т.д. Эти источники финансирования являются общепринятыми во многих системах правовой помощи, но без государственного финансирования они непредсказуемы по стабильности и размерам поступлений. Без государственного финансирования, которое должно быть основным элементом источника поступлений, система предоставления правовой помощи подвергается риску не реализовать государственную гарантию, закрепленную в Конституции Украины о бесплатной правовой помощи.

Согласно Закона Украины «О бесплатной правовой помощи», бесплатная правовая помощь классифицируется на первичную и вторичную юридическую помощь. Бесплатная первичная правовая помощь – это вид государственной гарантии, которая заключается в информировании лица о его правах и свободы, порядок их реализации, восстановления в случае их нарушения и порядок обжалования решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц. Безвозмездная вторичная правовая помощь – это вид государственной гарантии, которая заключается в создании равных возможностей для доступа лиц к правосудию. Наличие у лиц права на бесплатную правовую помощь обусловлена имущественным критерием (нехватка средств, минимальный уровень дохода) и интересами правосудия. Ана-

лиз субъектов предоставления вторичной правовой помощи вызывает возражения относительно отнесения их к субъектам предоставления бесплатной вторичной правовой помощи - центров по ее предоставлению, поскольку их роль заключается только в организации такой помощи. Именно на это указывается в п. 4 ст. 16 и ст. 17, где сформулированы полномочия центров - принимать решение о предоставлении или отказе в предоставлении бесплатной вторичной правовой помощи, обеспечивать составление процессуальных документов, обеспечивать участие защитника, обеспечивать осуществление представительства, заключать контракты и договоры с адвокатами, выдавать доверенности для подтверждения полномочий защитника, принимать решение о замене адвоката и т.п.. Впрочем, для выполнения этих сугубо организационных функций центром предоставлено несвойственные полномочия, например такие, как назначение адвоката, который предоставляет бесплатную вторичную правовую помощь, определение качества правовой помощи и т.д.. Согласно заключительным и переходным положениям, Министерство юстиции Украины с 1 января 2013 образует центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи при главных управлениях юстиции в Автономной Республике Крым, областях, городах Киеве и Севастополе. Как сообщил Министр юстиции Александр Лавринович, 28 декабря 2011 Кабинетом Министров Украины было принято постановление об утверждении порядка и условий проведения конкурса и требований к профессиональному уровню адвокатов, привлекаемых к оказанию бесплатной вторичной правовой помощи. Так, в марте-апреле 2012 года Министерством юстиции Украины созданы конкурсные комиссии по отбору адвокатов и разработан перечень вопросов для анонимного письменного тестирования адвокатов, которые будут использоваться во время проведения конкурса. В странах СНГ и Балтии создан отдельный орган, осуществляющий управление предоставлением бесплатной правовой помощи. В Молдове это Национальный совет по гарантированной государством юридической помощи, в Литве - Координационный совет по вопросам гарантированной государством правовой помощи, в Латвии - Управление бесплатной юридической помощи, в Грузии - Служба юридической помощи. Только в Эстонии не создан отдельный орган управления предоставлением бесплатной правовой помощи, а распределены обязанности по управлению предоставлением бесплатной правовой помощи между министерствами юстиции, финансов, Коллегией адвокатов, руководством адвокатских

контор. Причем с принятием Закона роль Коллегии адвокатов в Эстонии выросла, а суды, прокуратура и органы следствия принимают решение о необходимости предоставления бесплатной юридической помощи.

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что правовая помощь является многоаспектной, различной по своему содержанию, объему и форме и может включать консультации, разъяснения, составление исков и обращений, справок, заявлений и жалоб, осуществление представительства в судах и прочее. При этом, подчеркнем, что государство каждому гарантирует такое право, независимо от правоотношений между субъектами и их статусом.

С принятия нового УПК институт правовой помощи значительно улучшился, но некоторые положения требуют уточнения и дополнения.

Анализ и изучение положений нового УПК Украины, нормы которого регулируют институт защиты и оказания юридической помощи, позволяют сделать вывод о том, что отдельные проблемы все же остаются еще нерешенными.

В частности, в п. 13 ч. 1 ст. 7 нового УПК «Общие принципы уголовного производства» закреплён принцип обеспечения права на защиту. В то же время, в ч. 1 ст. 20 нового УПК «Обеспечение права на защиту» указано, что право на защиту имеют подозреваемый, обвиняемый, оправданный, осужденный и которое заключается в предоставлении им возможности предоставить устные или письменные объяснения по поводу подозрения или обвинения, право собирать и представлять доказательства, принимать личное участие в уголовном производстве, пользоваться правовой помощью защитника, а также реализовывать другие процессуальные права, предусмотренные Кодексом, но пострадавший в этом перечне нового УПК отсутствует. В ч. 2 ст. 20 УПК указано, что следователь, прокурор, следственный судья, обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому его права и обеспечить право на квалифицированную правовую помощь со стороны выбранного им или назначенного защитника, а ч. 3 этой статьи определяет, что в случаях, предусмотренных Кодексом и / или законом, регулирующим предоставление бесплатной правовой помощи, подозреваемому, обвиняемому правовая помощь оказывается бесплатно за счет государства. Однако и в данном случае право потерпевшего в новом УПК не указано. Следует отметить, что в ст. 48 УПК «Привлечение защитника», говорится о праве привлечь защитника в любой момент и это могут сделать подозреваемый, обвиняемый, их законные представители, а также другие

лица по просьбе или согласия последних. Продолжая анализ, остановимся на ст. 49 УПК «Привлечение защитника следователем, прокурором, следственным судьей или судом для осуществления защиты по назначению», где в п. 2 ч.1 указано, что следователь, прокурор, следственный судья или суд обязаны обеспечить участие защитника, если подозреваемый, обвиняемый заявил ходатайство о привлечении защитника, но из-за отсутствия средств или по другим причинам не может его использовать. Но, в исторических источниках и юридической литературе находим сведения об отношении в разные исторические периоды и в разных странах к обеспечению правовой помощи уязвимых слоев населения, что дает основания сделать вывод о постоянном попечительстве со стороны адвокатуры людей малоимущих, больных, старых, которые самостоятельно не могут защитить свои права и требуют профессиональной защиты и правового консультирования. Но и государство в этих делах обычно не стояла в стороне - когда адвокатское сообщество теряло чувство реальности о финансовых возможностях своих сограждан и оказывалась несостоятельным самостоятельно эффективно выполнять свою естественную функцию, вмешательство со стороны законодателя, как правило, становилось неизбежным [13, с. 12]. В частности, Основные положения о роли адвокатов устанавливают, что «особое внимание должно уделяться бедным и другим несостоятельным людям, поскольку они сами не могут отстаивать свои права и нуждаются в помощи адвоката» [14]. Хартия основных прав Европейского Союза в разделе «Права на эффективную судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство» также предусматривает, что «бесплатная правовая помощь предоставляется тем, кому не хватает достаточных средств, в мере, в какой такая помощь необходима для обеспечения эффективного доступа к правосудию» [15]. Европейский Суд отметил три фактора, которые необходимо принимать во внимание: серьезность правонарушения и тяжесть возможного наказания; сложность дела; социальный статус и особые обстоятельства обвиняемого. Государства - участники СЕ приняли План действий по системам юридической помощи, целью которого является установление, развитие и усиление систем обеспечения правовой помощи в странах, которые являются членами или кандидатами в члены СЕ, администрирование и обеспечение таких систем и размещения информации о юридической помощи на Интернет-сайтах. Несмотря на такую древнюю

историю возникновения и развития института правовой помощи, а рядом с ним и юридической помощи, кажется, в наше время данная сфера деятельности становится своеобразным бизнесом, чем профессиональным ремеслом. Такая ситуация вызывает беспокойство, а данная проблема требует немедленного решения на законодательном уровне.

Исходя из этого возникают вопросы: как реализовать свое право на защиту пострадавшим, по чьему потерпевшему не обеспечено право на квалифицированную правовую помощь со стороны выбранного им или назначенного защитника, почему не предусмотрены случаи предоставления бесплатной правовой помощи? Ответом на эти вопросы может быть только внесение соответствующих дополнений к новому УПК.

Следует отметить, что в ч. 1 ст. 58 УПК указано, что потерпевшего в уголовном производстве может представлять представитель - лицо, которое в уголовном производстве имеет право быть защитником. В то же время в ч. 1 ст. 45 УПК указано, что защитником является адвокат, осуществляющий защиту подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого предусматривается применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера или решался вопрос об их применении, а также лица, в отношении которого предполагается рассмотрение вопроса о выдаче иностранному государству (экстрадиции). Учитывая вышеизложенное, следует констатировать, что четкого определение в новом УПК, кто же может быть защитником потерпевшего, нет. Как отмечает заместитель председателя Союза юристов Украины, член ВККА, член рабочей группы по вопросам судебной реформы при Президенте Украины - Екатерина Коваль, в большинстве стран СНГ и Балтии право человека на получение правовой помощи закреплено в конституциях, а возможность его реализации определенной степени конкретизирована в соответствующих законах. Каждая страна СНГ и Балтии так или иначе стремится к реализации права человека на получение правовой помощи, поэтому анализ законодательства этих стран интересен для Украины как государства, которое находится на пути создания системы правовой помощи [16, с. 25].

Выводы. Правовая помощь должна быть обеспечена не формально, а качественно и эффективно. В то же время следует отметить, что поднятые проблемы не являются окончательными и подлежат отдельному исследованию или научному изучению.

Литература

1. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 року № 4651-VI. Голос України № 90-91 (5340-5341) від 19.05.2012 року.
2. Защита по уголовному делу: Пособие для адвокатов. Под ред. Б. Ю. Львовой. М.: Юрист, 1998. – 216 с.
3. Бахин В. Допрос на предварительном следствии. Уголовно процессуальные и криминалистические вопросы. Бахин В., Когамов М., Карпов Н. Алматы, 1999. – 208 с.
4. Розовський Б. Г. Оцінка латентної економічної злочинності в регіоні за побічними факторами. Проблеми боротьби з організованою злочинністю в регіоні (на матеріалах Харківської та Полтавської областей). Харків, 1999.
5. Святоцький О. Д. Адвокатура України. О. Д. Святоцький, М. М. Михеєнко. К.: Видавничий дім «Ін Юре», 1997. – 224 с.
6. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод, Міжнародний документ від 04.11.1950 року http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/995_004
7. Case of Sakhnovskiy v. Russia. Judgment of the European Court of Human Rights, 2 November 2010 (Application no. 21272/03).
8. Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика. Под общ. ред. А. В. Деменевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 240 с.
9. Большой юридический словарь. [за ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских]. М.: ИНФРА, 2004. – 704 с.
10. Наливайко В. С. Поняття та значення правової допомоги в Україні. В. С. Наливайко, О. В. Тарашук. Юриспруденція: теорія і практика, 2009, № 2 (52). – С. 17-23.
11. Андрусів В. Г. Співвідношення забезпечення адвокатурою права на захист з наданням правової допомоги. В. Г. Андрусів. Бюлетень Міністерства юстиції України, 2006, № 12 (62). – С. 126-131.
12. Про безоплатну правову допомогу: Закон України від 2 червня 2011 р. № 3460 – VI. [Електрон. ресурс]. Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3460-17>
13. Гончаренко С. В. Проблеми надання безоплатної правової допомоги. Короткий огляд новітніх тенденцій. С. В. Гончаренко. Адвокат. Наука і практика, 2011, № 11 (134). – С. 11-16.
14. Основні положення про роль адвокатів. Прийняті VIII Конгресом ООН по запобіганню злочинам у серпні 1990 р. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_835
15. Хартія основних прав Європейського Союзу: Міжнародний документ від 07.12.2000 [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_524
16. Блажеквич А. Безоплатна правова допомога: міжнародний досвід, проблеми реалізації в Україні. А. Блажеквич. Громадська думка про правотворчість, 2012, № 4 (22). – С. 24-27.

LISTA publicațiilor în „Legea și viața” pentru anul 2013

Victor VOLCINSCHI, Olga BULMAGA. Măsurile de limitare a practicilor anticoncurențiale: aspecte teoretice și practice.
Sergiu ARNĂUT. Aspecte teoretico-practice privind mecanismul realizării dreptului cetățenilor la un mediu înconjurător sănătos.
Vladimir STERPU. Tratatul de problematice Interpolului în literatura științifică din Federația Rusă.
Y. KULYNA. A review of the literature dedicated to Casco auto insurance (Revista literaturii privind asigurarea Casco a mijloacelor de transport).
Djulieta VASILOI. Decriminalizarea și realitatea sub aspectul pericolului social al faptelor săvârșite.
Angela ROMANCIUC. Atribuțiile autorității tutelare în procesul de administrare a patrimoniului minorului.
Ianuș ERHAN. Atribuțiile organelor vamale în domeniul ocrotirii normelor de drept.
Liliana ROTARU-MASLO. Regelementarea libertății individuale și a siguranței persoanei în actele internaționale referitoare la drepturile omului.
Vasile ZAMFIR. Înviniutul – subiect al procesului penal.
Narcisa NEDELICU. Unele particularități ale legăturii cauzale în dreptul penal.
Larișa BUGA. Procedura legislativă în Republica Moldova și în România: aspecte comparative.
Angela CUCIURCĂ. Prevenirea și contracararea fenomenului negativ de abandonare a terenurilor agricole: reglementări și soluții.

Nr. 2

Svitlana BYCHKOVA, Anna CHURPITA. Individual problems of unification of procedural terminology (on the example of legislation of Ukraine).
L. ZAMORSKA. Axiological manifestations of normative law.
Tetyana KRYSAN. Features of civil law guarantees.
Оксана САФОНЧИК. Особливості припинення шлюбно-сімейних правовідносин.
В. ЦЕРБИНА. Перспективи правового регулювання діяльності інспекції праці в Україні.
Sergiu ARNĂUT. Abordări conceptual-juridice privind competența autorităților statale în asigurarea dreptului omului la un mediu înconjurător sănătos.
Vasile ZAMFIR. Înviniutul – subiect al procesului penal (partea a doua).
Iurie GASNAȘ. Caracterul deschis și neutru al Internetului. Aspecte de reglementare.
Cristian Alin LUPU. Analiză comparativă a amnistiei și a grațierii cu instituția înlocuirii răspunderii penale (art. 90-98 din Codul penal al României; art. 55 din Codul penal al RM).
Narcisa NEDELICU. Categoria cauzalității și construcția teoretică a legăturii cauzale în componentele formale de infracțiune.
M. ІСАКОВ. Вдосконалення правового регулювання державного контролю у сфері підприємницької діяльності в Україні.
І. КЛИНЧУК. Використання спеціальних знань при розслідуванні злочинів з легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом.

Nr. 3

L.I. ZAMORSKA. The genesis of understanding legal normativity and its elements.
Alexandru ARSENI. Political system as a phenomenon of contemporary society.
В.І. ЦЕРБИНА. Перспективи правового регулювання діяльності інспекції праці в Україні.
Mihai CORJ. Unele neconcordanțe ale Legii cu privire la Curtea Constituțională și ale Codului jurisdicției constituționale cu prevederile normelor constituționale.
Boris COCHA, Валентина ДЬЯЧЕНКО. Вопросы совершен-

ствования законодательства, регулирующего установление и действие испытательного срока.

Viorel SÎRGHII. Metodele de determinare a valorii în vamă, aplicate conform legislației naționale a Republicii Moldova.
Cristian Alin LUPU. Apariția și evoluția istorică a instituțiilor amnistiei și grațierii.
Нелли ГОЛУБЕВА. Обязанности должника как составляющая содержания обязательственных правоотношений.
Сергій ГЕРАСИМОВСЬКИЙ. Правочини, вчинені під впливом насильства як вид оспорюваних правочинів.
Александр СОЧНА, Юрий ЗДОПОВ. Правовые вопросы совершенствования порядка исполнения судебных решений и других исполнительных документов.
Iurie GASNAȘ. Misiunea autorității de reglementare în comunicații electronice din Republica Moldova.
Angela TĂLĂMBUȚĂ. Autonomia de voință a contractului de înstrăinare a unui bun cu condiția întreținerii pe viață.

Nr. 4

Gheorghe COSTACHI, Ulian CHETRUȘ. Rolul dreptului în intermedierea constrîngerii exercitate de către Stat.
Татьяна КОЛОМОЕЦ, Юсуп КУРАЗОВ. Предупреждение – неотъемлемая составляющая системы административных взысканий в законодательстве Украины.
Olena DONCHENKO. Social nature of criminalization of offences against the authority of local government bodies of Ukraine.
Oksana GRYN. Peculiarities of determination of the features of objective aspects of crime „improper performance of professional duties which caused infection with human immunodeficiency virus or any other incurable disease”.
Yulia KONDRATENKO. Enforceability of the land usage for the town-planning purposes in Ukraine.
Михаил ВИХЛЯЕВ. Административно-право-вой статус общественных объединений: определение понятия в контексте принятия нового Закона Украины «об общественных объединениях».
Павел ЛЮТИКОВ. Юридические лица – субъекты административной ответственности: необходимость нормативной фиксации в действующем законодательстве Украины как гарантии качественного и прогрессивного развития административного законодательства.
Angela CUCIURCĂ, Rodica CUCIURCĂ. Inițiative și măsuri legislative europene privind prevenirea și combaterea migrației ilegale.
Mircea GLADCHI. The problems concerning the juridical treatment of the economic-financial security of Republic of Moldova.
Ирина БЕРЕЖНАЯ. Статус переводчика в административно-деликтном производстве: перспективы совершенствования законодательного регулирования в Украине.
Camelia Doina MICU. Latura obiectivă a infracțiunii de dare de mită.
Cristian Alin LUPU. Natura juridică a amnistiei și a grațierii.
O. АНУФРИСВА. Проблемні аспекти функціонування інституту відводу у кримінальному процесі України.
Анна КЕТАРЬ. Щодо визначення правової природи авторського договору.

Nr. 5

Gheorghe COSTACHI, Irina IACUB. Responsabilitatea ministerială – instituție indispensabilă Republicii Moldova ca stat de drept.
Octavian BEJAN. Prognoză criminologică privind evoluția criminalității contra proprietății în Republica Moldova.
Angela CUCIURCĂ, Rodica CUCIURCĂ. Reglementarea juridică a acordării asistenței juridice internaționale în materie penală și soluții de implementare.

Veronica GÎSCA. Reglementarea juridică a instituției reprezentării succesoriale. Studiu comparativ.
 Ion MURUIANU. Subiecții răspunderii constituționale. Considerații generale.
 Olena ADAMOVA. The origin of the institute of Shipowners' Liability Insurance.
 L. KYSHAKEVYCH. The organization and structure of the financial and economic apparatus in the West Ukrainian National Republic Government: historic and legal aspect.
 Максим СКОРОБАГАТЬКО. Анализ подходов к определению понятия механизма административно-правового регулирования и его составных элементов.
 Вита ТКАЧЕНКО. Институты информационного законодательства Украины: информационные права человека и гражданина.
 Денис СЕВРЮКОВ. Північноєвропейська соціальна держава: загальна характеристика та тенденції розвитку.
 Ana-Maria ȚIGĂNESCU. Definirea noțiunii de parteneriat public – privat.
 Georgiana SOARE. Evoluții în concesiunea bunurilor proprietate publică.
 Iurie BULAI. Participarea specialistului în cadrul prezentării spre recunoaștere.
 Andrei SMOCHINĂ. Recenzie la lucrarea lui Victor Balmuș „Administrarea și autoadministrarea sferei științei și inovării în Republica Moldova”.

Nr. 6

T. КОЛОМОЕЦ. Эффективность – неотъемлемая составляющая ресурса административных взысканий по законодательству Украины (поиск оптимальной модели в контексте современного кодификационного административно-деликтного процесса).
 М. ГЕРМАНЮК. Закрепление принципов государственной службы в законодательстве ЕС и стран бывшего СССР: приоритетные направления заимствования для Украины.
 М. ВИХЛЯЕВ. Административная правосубъектность общественных объединений Украины – основа (стержень) их административно-правового статуса.
 А. БОНДАРЬ. Осуществление стандартизации, сертификации, метрологии в агропромышленном комплексе Украины.
 V. OJOG. Politici și strategii de protecție a informațiilor clasificate în condițiile aspirațiilor de integrare europeană a Republicii Moldova.
 I. BULAI. Prezentarea spre recunoaștere. Esența psihologică.
 С.-А. LUPU. Procesul normativ și cel organizațional de realizare a amnistiei.
 Г. СОЛОВЕЙ. Некоторые аспекты уголовного производства на основании соглашений.
 И. ПРИШКО, О. ОХМАН. Принудительное кормление осужденных в исправительных колониях как средство обеспечения их личной безопасности и противодействия прес-тупной субкультуре.
 К. СРЕМЕНКО. Правові наслідки недотримання вимог щодо форми правочину: досвід європейських країн.
 V. ȘIRGHII. Introducerea mărfurilor în Republica Moldova de către persoanele fizice.
 V. ORLOVA. Managerial decision preparation, adoption and organization of implementation procedure: administrative law aspect.

Nr. 7

Leontie ARSENE la aniversarea de 70 de ani din ziua nașterii.
 Г. КОСТАКИ, Р. СУЛТАНОВ. Активность граждан как прямое отражение правовой культуры общества.
 А. БОНДАРЬ. Выполнение Украиной международных обязательств по охране труда в сельском хозяйстве.
 О. ЧУТЧЕВА. Адресность в системе принципов социального обеспечения.
 В. БОРТНИК. К вопросу чести и достоинства человека, как

объекта преступления по уголовному законодательству зарубежных стран.
 E. BUTUCEA. Șeful statului și guvernul ca subiecți ai procesului legislativ.
 D. BOAGHI. Unițile administrativ-teritoriale cu statut special din Republica Moldova. Considerații generale.
 P. МАМЕДОВА. Проблемы законодательного определения обязанностей профсоюзов как субъектов трудового права.
 С. ONCIOIU. Noțiunea de proces penal.
 S. SOCHIRCA. Contractul administrării fiduciare în legislația Republicii Moldova. Aspect istoric.
 А. ГАЙВОРОНСКИЙ. Предмет преступного воздействия при совершении диверсии.
 В. ЧЕРНЕГА. К вопросу об определении содержания принципов разумности и справедливости в семейном праве Украины.

Nr. 8

Mihail GHEORGHITĂ. În Europa cu laboratoare private de expertiză judiciară.
 Larisa BUGA. Reflecții asupra conceptului de politică penală.
 Corina ONCIOIU. Noțiunea de participant în procesul penal.
 Veaceslav GUMANIUC. Considerații generale privind asistența medicală în penitenciare.
 Georgiana SOARE. Aspecte introductive privind dreptul de proprietate.
 Angela GUȚU. Cetățenia – identitate juridică a persoanei.
 Наталья КОРЧАК. Нарушение торговых и иных честных обычаев в сфере конкуренции: материальные и процессуальные основания.
 Людмила ДОБРОБОГ. Государственно-правовые закономерности: понятие и основные черты.
 Андрей ДУХНЕВИЧ. Организационно-правовое обеспечение применения в Украине санитарных и фитосанитарных мер в соответствии с требованиями ВТО.
 Николай СТАРИНСКИЙ. Статьи соглашения международного валютного фонда как источник правового регулирования валютных отношений в государствах-членах международного валютного фонда.
 Оксана СТАРЧУК. К вопросу определения признаков принципов семейного права Украины: генезис и современное состояние.
 Ирина ИГНАТЧЕНКО. Административно-правовые аспекты международного сотрудничества государств-участников СНГ в сфере культуры.
 Юлия НЕЧИПОРУК. Отдельные вопросы соотношения административной, материальной и дисциплинарной ответственности, предусмотренных нормами трудового права за правонарушение в информационной сфере.
 Юрий КОВАЛЬ. Анализ криминалистической профилактики краж личного имущества пассажиров, совершенных на железнодорожном транспорте Украины.
 Светлана БЕРЕЗОВСКАЯ. Международное и Украинское законодательство в сфере финансовой деятельности органов местного самоуправления.
 Ирина БАЛЮК. Деятельность международного кооперативного альянса и правовое регулирование деятельности кооперативов Украины.
 Анастасия ГУСАРОВА. Вступление прокурора в дело, открытое судом по обращению иного лица в административном производстве.
 Наталия КОНОНЧУК. Семейные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей предусмотренные семейным законодательством Украины.
 Т. ИЛЬЕВА. Рассмотрение следственным судьей жалоб на решения, действия или бездействие следователя и прокурора.
 Иван КОЛЬ. Щодо поняття та деяких правових механізмів забезпечення права засуджених на особисту безпеку.
 I. СОРОКІНА. Нормативно-правове забезпечення надання адміністративних послуг в Україні.

Лилия БАБИЙ. Основные направления развития украинской мысли относительно правового обеспечения радиационной безопасности.

Вадим АНДРУСЯК. Реформирование прокуратуры Украины: концептуальные подходы.

Алексей ЧЕРНОВСКИЙ. Организационно-психологические аспекты взаимодействия судьи с подсудимым.

Nr. 9

O. BEJAN. Prognoză criminologică privind noi forme de escrocherie în Republica Moldova și unele recomandări practice.

E. BUGUȚA. Noțiunea și semnificația documentelor – mijloace materiale de probă în procesul penal.

V. GUMANIUC. Prezentarea asistenței medicale în penitenciare.

A. БЕЗУХ. Правила экономической конкуренции как правовая категория.

A. КОЛОГОЙДА. Правовой статус Центрального депозитария Украины.

C. КОРОЕД. Задача правосудия по гражданским делам: разрешение дела или защита права, как критерий оценки эффективности гражданского судопроизводства.

B. СИДОР. Модернізація земельного законодавства України в ринкових умовах.

C. МІНЕНКО. Правове регулювання використання земель водного фонду України на праві постійного землекористування.

Ю. ЖОРНОКУЙ. Неэффективность корпоративного управления в акционерных обществах как причина возникновения корпоративного конфликта.

Ю. АЗАРОВ. Сравнительная характеристика правового регулирования финансового обеспечения общественной безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций в Украине и других постсоветских государствах.

A. КАСУМОВА. Право на жалобу как гарантия защиты нарушенных прав и законных интересов: сравнительная характеристика уголовного процессуального законодательства Украины и Республики Молдова.

O. БОРДЕНЮК. Історіографія дослідження правового режиму земель трубопровідного транспорту.

H. ПАЦУРИЯ. Субъекты страховых правоотношений в сфере хозяйствования: особенности правового положения.

M. БАБЕНКО. Момент возникновения права собственности на новосозданные объекты недвижимого имущества.

H. ДОБРЕНЬКА. Історичне становлення та розвиток справедливості.

G. РЫБАЛКО. Организация работы прокуратуры Украины по осуществлению правозащитной деятельности.

I. DAVYDOVA. Relation of misconception and fraud as conditions for invalidity for legal transactons.

I. GUCEAC, V. POPA. Recenzie la lucrarea științifico-didactică: Victor Guțuleac, Drept administrativ, Chișinău, ULIM, 2013, 605 p.

Nr. 10

Gh. COSTACHI, V. MAZUR. Autoritatea primarului în sistemul administrației publice locale.

Gh. COSTACHI, E. GAGIU. Reflecții asupra valorii legislației și a calității legii.

L. ROTARU-MASLO. Caracterile și clasificarea contractului de transport rutier. Primele reglementări în domeniu.

V. BALMUȘ. Constituirea dreptului științei și inovării.

S. SLUSARENCO. Aspecte conceptuale privind definirea garanțiilor de protecție a drepturilor omului.

A. S. MUTULESCU. Răspunderea juridică a statului român în do-

meniuл economiei și finanțelor publice prin intermediul aparatului financiar.

N. BUZA. Infracțiunile de război împotriva persoanelor, săvârșite în cadrul conflictelor armate internaționale și interne.

E. ОВЧАРЕНКО. Международные стандарты привлечения судей к юридической ответственности.

G. ПОПОВ. Правовые основы международного сотрудничества прокуратуры Украины в контексте защиты прав и свобод детей.

E. МАЗИНА. О соотношении контрафакции и пиратства в авторском праве Украины.

Ю. СОБЧУК. Проблемы правового регулирования ликвидации неплатежеспособного банка.

B. ШЕРШНЄВА. Документы по делам об уклонении от уплаты налогов, сборов, других обязательных платежей.

B. ЩЕРБА. История развития суда присяжных в скандинавских странах.

T. ЗАБРОДСКАЯ. Криминологическая характеристика лиц, совершающих рецидивные преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

B. ПАЛЬЧЕНКОВА. Истоки социального патронажа над лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

S. BYCHKOVA, C. CHURPITA. Individual problems of unification of procedural terminology (on the example of legislation of Ukraine).

B. СОГОМОНЯН. Реализация публичности власти: заявления пресс-секретаря президента.

Nr. 11

A. BĂIEȘU, C. CARAUȘ. Particularitățile clauzei penale ca metodă de evaluare convențională a prejudiciului cauzat prin neexecutarea contractului comercial internațional.

V. GÎSCA. Actualitatea testamentului olograf.

L. ROTARU-MASLO. Caracteristica și elementele definitorii ale contractelor de vânzare internațională de mărfuri.

I. MURUIANU. Interesul doctrinar față de răspunderea constituțională în literatura de specialitate rusă.

N. BUZA. Semnele obiective și subiective ale infracțiunilor de război prevăzute la alin. (1) art. 137 din Codul penal al Republicii Moldova.

B. SABIЕСU. Dreptul la un proces echitabil.

O. РЫБАЛЬСКИЙ, T. ТАТАРНИКОВА. Основы технологии создания инструментария проведения экспертизы сложных технических объектов.

H. СКРЬГОНЮК. Плебсология и софизм.

A. ЧИКИН. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов Украины.

G. ПОЛЯНСКАЯ. Современные возможности криминалистических диагностических экспертиз и их значение в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

C. МАЛЯРЕНКО. Относительно свидетельства о праве на занятие нотариальной деятельностью и отдельные основания его аннулирования.

H. ТАРАНЕНКО. Субъект массовых беспорядков.

T. ТАТАРОВА. Принципы обеспечения санитарного и эпидемиологического благополучия населения.

E. РЫНКОВАЯ. Судебно-экологическая экспертиза: исходные понятия и категории.

E. BECCIEV. Interdependența dintre agitația electorală și transparența finanțării campaniei electorale: abordări naționale și de drept comparat.